**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)**

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 6

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2025 – 3

Издается с 1973 года
Выходит 4 раза в год
индекс серии 2.6

Учредитель
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

Журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics» включен в «Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, а также включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС 77-80875 от 21.04.2021

ISSN 2219-8776
DOI: 10.31249/ling/2025.03.00

INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION FOR SOCIAL SCIENCES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INION RAN

**SOCIAL SCIENCES
AND
HUMANITIES**

DOMESTIC AND FOREIGN LITERATURE

SERIES 6

LINGUISTICS

2025 – 3

Published since 1973
Frequency: 4 issues per year
Series index 2.6

Founder
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

The information-analytical journal “Social’nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6. Yazykoznanie = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics” is included into the Index of Peer-reviewed Academic Journals and Publications that must publish academic results of doctorial and candidate degrees, recommended by the Supreme Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, and is indexed in the Russian Science Citation Index.

Journal is registered by the Federal service for supervision of communications, information technology, and mass media, certificate: ПИ No ФС 77-80875 от 21.04.2021.

ISSN 2219-8776
DOI: 10.31249/ling/2025.03.00

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УРОВНИ ЯЗЫКА

Лексика. Лексикология

Социолингвистика

Когнитивная лингвистика

Прикладная лингвистика

Дискурс

Рецензии

CONTENTS

HISTORY OF LINGUISTICS

LANGUAGE LEVELS

Vocabulary. Lexicology

Sociolinguistics

Cognitive linguistics

Applied linguistics

Communication. Discourse. Speech genres

Reviews

ИСТОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК: 811.161.1'33 DOI: 10.31249/ling/2025.03.01

Лукин О.В.[1]

ПОЛИЛИНГВИЗМ В РОССИИ XVIII ВЕКА И МНОГОЯЗЫЧНЫЕ СЛОВАРИ

Аннотация. В статье анализируются особенности формирования и развития полилингвизма в России XVIII века на примере создания первого лексикографического произведения сравнительно-исторического языкознания «*Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы*». Словарь, созданный при деятельном участии полилингвальных личностей, не только оказал несомненное влияние на развитие компаративистики, но и косвенно свидетельствовал о потребности в такого рода произведениях для обеспечения полилингвизма многонациональной империи. Для этого было выпущено 19 трехъязычных, 5 четырехъязычных, 3 пятиязычных и один шестиязычный словарь, важнейшими центрами работы над которыми стали Императорская академия наук и Императорский Московский университет.

Ключевые слова: полилингвизм; Россия; XVIII век; Екатерина II; словарь Палласа; сравнительно-историческое языкознание; лексикография.

Для цитирования: Лукин О.В. Полилингвизм в России XVIII века и многоязычные словари // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6: Языкознание. – 2025. – № 3. – С. 9–21. – DOI: 10.31249/ling/2025.03.01

Лукин Олег Владимирович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского; oloukine@mail.ru

Lukin O.V.*

POLYLINGUALISM IN RUSSIA IN THE XVIIIth CENTURY AND MULTILINGUAL DICTIONARIES

Abstract. The article analyzes the features of the formation and development of polylingualism in Russia of the XVIIIth century on the example of the creation of the first lexicographic work of comparative historical linguistics *"Comparative dictionaries of all languages and dialects, collected by the right hand of the most exalted person"*. The dictionary, created with the active participation of multilingual personalities, not only had an undoubted influence on the development of comparative studies, but also indirectly testified to the need for such works to ensure the multilingualism of a multinational empire. For this purpose, 19 trilingual, 5 four-lingual, 3 five-lingual and one six-lingual dictionaries were released, the most important centers of work on which were the Imperial Academy of Sciences and the Imperial Moscow University.

Keywords: polylingualism; Russia; XVIII century; Catherine II; Pallas dictionary; comparative historical linguistics; lexicography.

For citation: Lukin O.V. Polylingualism in Russia in the XVIIIth Century and Multilingual Dictionaries // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2025. № 3. P. 9–21. DOI: 10.31249/ling/2025.03.01

Известно, что полилингвизм был характерен для российского общества в XVIII веке: в империи представители многих социальных и профессиональных слоев широко использовали как «новые» (прежде всего, немецкий и французский), так и «классические» (древнегреческий и латынь) языки. Многоязычие было немаловажным фактором развития российского государства, его науки и культуры в это интереснейшее время. Владение языками открывало широкие перспективы как для профессионального становления и карьерных возможностей отдельных представителей общества, так и для осмысления многочисленных проблем, к которым в немалой мере относятся и собственно лингвистические. Современ-

* Lukin Oleg Vladimirovich – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Theory of Language and German at Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D.Ushinsky; oloukine@mail.ru

ными учеными убедительно доказано наличие полилингвизма в разных сферах общественной жизни Российской империи: науке (например, корреспонденция в Академию наук поступала на шести языках – немецком, французском, латинском, английском, итальянском и русском), образовательных учреждениях, системе государственного управления и делопроизводстве, в культурно-общественной жизни императорского двора, дворянских салонов, российском театре и т. д. [Воробьев, 2007].

В этом смысле изучение разных языков в средних и высших учебных заведениях России в то время имело совершенно определенные и непохожие коннотации. Если, к примеру, изучение немецкого языка было скорее обязано бюргерско-просветительскому идеалу образования, то изучение французского языка претендовало на образование салонное, придворное (ср. [Koch, 2002, S. 140]). Греческий и латынь традиционно рассматривались и изучались как языки науки (ср. [Koch, 2002, S. 45]). Кроме названных языков, в некоторых учебных заведениях изучались английский как язык мореплавания, а также испанский, нидерландский и шведский языки (ср. [Koch, 2002, S. 137]).

Кроме того, в нашей стране на протяжении всего XVIII века разрабатывались и выпускались многочисленные многоязычные словари. Над ними работали прежде всего в Императорской академии наук и Императорском Московском университете. Всего в это время было выпущено девятнадцать трехъязычных, пять четырехъязычных, три пятиязычных и один шестиязычный словарь [Усачева, 2011, с. 44].

Одним из самых известных лексикографов своего времени стал лектор немецкого языка, впоследствии профессор Императорского Московского университета Франц Гёльтергоф (нем. Franz Hölterhof, 4.03.1711 – 11.12.1805). Из-под его пера кроме немецко-русских и русско-немецких двуязычных переводных словарей вышли трехъязычный русско-немецко-латинский словарь в двух томах [Гёльтергоф, 1778а], [Гёльтергоф, 1778б] и краткий четырехъязычный немецко-латинско-французско-русский словарь [Гёльтергоф, 1776].

Авторами таких словарей была и университетская профессура. Например, в 1781 г. увидел свет «*Новый лексикон на немецком, французском, латинском, итальянском и российском языках*» М.Г. Гаврилова (1759–1829), впоследствии ординарного профессора, декана отделения словесных наук Императорского Московского университета [Гаврилов, 1781].

Спустя пятнадцать лет в Санкт-Петербурге был издан «*Словарь французских речений перьвообразных и таких, коих начала во французском языке нет, или кои от своего перьвообразнаго весьма отдалены, с немецким, латинским и российским переводами и с показанием грамматических принадлежностей*», который составил И.Ф. Яковкин (12.07.1764 – 26.03.1836), впоследствии заслуженный профессор и ректор Императорского Казанского университета [Яковкин, 1796].

Важность многоязычных словарей подчеркивает и тот факт, что их составителями были переводчики, находившиеся на государственной службе. Один из них, впоследствии секретарь Императорской академии наук, директор Сенатской типографии С.С. Волчков (1707–1773) составил «*Новой лексикон на французском, немецком, латинском, и на российском языках*» [Волчков, 1755], [Волчков, 1764]. Переводчик И.В. Соц (? – 1794) в 1784 г. выпустил двухтомный «*Новый лексикон или Словарь на французском, италианском, немецком, латинском и российском языках*» [Соц, 1784а], [Соц, 1784б].

Интересно, что среди составителей такого рода словарей были и иностранцы. Один из них, французский лингвист и грамматик Жан Виньерон (фр. Jean Vigneron; 1642 – 27.06.1708), впоследствии более известный как Джованни Венерони (ит. Giovanni Veneroni), в 1771 году в Москве выпустил «*Краткой лексикон на четырех языках: То есть на французском, италиянском, немецком и российском*» [Виньерон, 1771].

Важную роль в становлении полилингвизма в России XVIII в. сыграл и тот факт, что в нашу страну по приглашению Петра I и Екатерины II приехало значительное количество немцев, представлявших разные сословия немецких земель. Многие из них приезжали в Российскую империю на государственную службу, делали карьеру, часто просто немыслимую для людей их происхождения, получали награды, привилегии и зачастую потомственное дворянство. Их энергия, интерес к новой родине и ее языкам были в числе прочего немаловажной причиной успеха их деятельности на самых разных поприщах.

Случалось, например, так, что самый обычный чиновник магистрата г. Риги оказался практически в эпицентре социальной и культурной жизни своего региона. Это объяснялось тем, что настоятельная потребность не просто в образованных людях, но в людях, которые бы владели и русским языком (титульным языком Российской империи) и немецким (языком большинства населения

Рижской губернии), делала такого человека востребованным во всех сферах жизни (ср. нашу статью [Лукин, 2023]).

Еще больших успехов добивались этнические немцы в столице Российской империи не без помощи немецкой диаспоры Санкт-Петербурга, куда входили прежде всего представители интеллигенции (учителя, пасторы, врачи). Разумеется, они способствовали карьерному росту своих бывших соотечественников, но и совершали при этом немалый вклад в развитие русской культуры, науки и многих сторон общественной жизни России XVIII в. (см. наши работы [Лукин, 2024а], [Лукин, 2024б]).

Именно в XVIII в., особенно в эпоху царствования Екатерины II, в ранг государственной политики возводится и полилингвизм российского дворянства. И это неудивительно: саму российскую императрицу вполне можно назвать полилингвальной личностью. Немецкая принцесса из малозначительного княжеского рода провинции Померания королевства Пруссия в качестве родного языка говорила на немецком, причем на том диалекте немецкого языка, которым она овладела в детские годы в родном Штеттине. Став супругой наследника российского престола, она стала изучать русский язык и в некоей мере овладела им как языком титульной нации империи, которой она впоследствии управляла более 34 лет – с 9 июля 1762 г. по 17 ноября 1796 г. В детстве она выучила также и модный в то время французский язык, на котором говорили не только европейские дворы XVIII в., но и дворяне многих стран. На нем императрица переписывалась, например, с французскими просветителями.

Немецкий историк К. Шарф отмечал весьма интересную особенность полилингвизма императрицы: «Из многоязычия складывалась ее повседневная жизнь: с одной стороны, она знала языки трех крупных культурных пространств Европы того времени, с другой – обладала способностью дифференцированно применять каждый из них…» [Шарф, 2015, с. 103].

Примечательно, что языковой опыт императрицы как полилингвальной личности, создававшей и обеспечивавшей условия формирования и развития полилингвизма в стране в годы ее правления, представляют значительный интерес и с точки зрения лингвоисториографии. Одним из ярчайших примеров в этом смысле является история создания первого в мире сравнительно-исторического словаря, известного не только как словарь Палласа, но и как «*Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы*» [Паллас, 1787], [Паллас, 1789].

Как указывал российский ученый Ф.П. Аделунг (нем. Friedrich von Adelung; 25.02.1768 – 18.01.1843) в своей книге «*Заслуги Екатерины Великой в области сравнительного языкознания*» [Adelung, 1815], она в свою бытность женой наследника российского престола была действительно захвачена необычной идеей – идеей создания некоего словаря-глоссария, в котором смогла бы использовать свой практический опыт изучения иностранных языков. Я.К. Грот (15.12.1812 – 24.05.1893) отмечал, к примеру, что при изучении русского языка она старалась сравнивать слова и их формы в русском языке с французскими и немецкими. Тогда же она просила британского священника Д. Дюмареска (англ. Daniel Dumaresq; 1712–1805), чтобы тот составил для нее «*Сравнительный словарь восточных языков*». Такой словарь был опубликован несколько лет спустя (ср. [Грот, 1877, с. 1]).

Летом 1784 г., после трагического ухода из жизни ее фаворита А.Д. Ланского (8.03.1758 – 25.06.1784), императрица снова вернулась к мысли о создании словаря и лично начала собирать материал для него. Об этом она писала швейцарскому философу и врачу И.Г. Циммерманну (нем. Johann Georg Ritter von Zimmermann; 8.12.1728 – 7.10.1795) следующее: «Я сочинила реестр двумили тремстам коренных слов российского языка, кои велела перевести на столько языков и наречий, сколько их найти могла, и число оных превосходит уже вторую сотню» [Екатерина II, 1803, с. 15].

Затем она обратилась к берлинскому издателю Ф.Х. Николаи (нем. Christoph Friedrich Nicolai; 18.03.1733 – 11.01.1811) с просьбой о том, чтобы он сделал для нее обзор самых известных языков и учебных пособий для их изучения. В ответ на это издатель в 1785 г. направил ей рукописную книгу «*Общее обозрение всех языков мира с предварительным каталогом главных словарей на всех языках и важнейших книг, рассматривающих происхождение всех языков, их этимологию и сродство. Составлено по повелению Ее И.В. Всероссийской Императрицы)*» (см.: [Adelung 1815, S. 42–47]).

Однако завершить эту работу сама императрица по известным причинам не смогла. Поэтому она обратилась к российскому академику, немцу по происхождению П.С. Палласу (нем. Peter Simon Pallas; 22.09.1741 – 8.09.1811) с просьбой о завершении этого действительно грандиозного предприятия. Говорить о каких бы то ни было работах П.С. Палласа в области языкознания, было, разумеется, излишним, и не только потому, что языкознания как

такового еще не существовало, а сам академик занимался в основном естественными науками, но и как отмечал Я.К. Грот, самой «...Екатерине нужен был человек с громким европейским именем. Палласа она лично знала…» [Грот, 1877, с. 4–5].

Причиной этого послужил и полилингвизм П.С. Палласа, в детстве освоившего не только латынь и основы греческого, но и английский и французский языки. Интересно заметить, что сам академик никак не ожидал такого рода задания императрицы и так писал об этом: «Не мне вообще следовало поручать такое дело, но я принял его на себя по особенной преданности к столь милостивой Государыне» (цит. по [Грот, 1877, с. 6]).

В работе над словарем участвовал также Л.И. Бакмейстер (нем. Hartwig Ludwig Christian Bacmeister; 15.03.1730 – 22.05.1806). Это тоже не было удивительным, так как в 1773 году он опубликовал на четырех языках собственно программу для сбора материалов к сравнению языков мира «*Объявление и прошение, касающиеся до собрания разных языков в примерах = Avertissement et invitation concernant un seul sujet à traduire en plûsieurs langues = Idea et desideria de colligendis linguarum speciminibus = Nachricht und Bitte wegen einer Sammlung von Sprachproben*» [Бакмейстер, 1773] (см. также [Бередников, 1853]).

Хотя программа сравнения языков появилась у Л.И. Бакмейстера намного раньше, собранные Екатериной материалы, ее авторитет как просвещенной государыни и мировое значение академика П.С. Палласа как крупного ученого-энциклопедиста привели к успешному завершению и публикации первой части словаря уже в 1787 г. и второй части в 1789 г. К тому же, «административный ресурс» Всероссийской императрицы сыграл еще одну немаловажную позитивную роль: действительно грандиозный по охвату материала словарь был опубликован исключительно быстро: время от начала сбора императрицей лексического материала летом 1784 г. до выхода в свет первого тома словаря составило всего лишь 2,5 года.

Словарь П.С. Палласа, известный также как «*Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы*», следует назвать первым лексикографическим произведением сравнительно-исторического языкознания. При этом очень важно отметить, что этот крупный труд компаративистики появился именно в нашей стране. Тот же факт, что он во многом был создан трудами императрицы Екатерины II, в значительной мере говорит об огромной потребности в таких словарях для обес-

печения полилингвизма Российской империи. Парадоксально, но это масштабное произведение отечественного компаративизма со всеми его вполне объяснимыми недоработками было опубликовано еще в конце XVIII столетия, то есть за три десятка лет до появления сравнительно-исторического языкознания.

Список литературы

Бакмейстер Л.И. Объявление и прошение, касающиеся до собрания разных языков в примерах = Avertissement et invitation concernant un seul sujet à traduire en plûsieurs langues = Idea et desideria de colligendis linguarum speciminibus = Nachricht und Bitte wegen einer Sammlung von Sprachproben. – Санкт-Петербург : при Императорской Академии наук, 1773. – 30 стб., 31–34 с. – Текст парал. рус., фр., лат., нем.

Бередников Я.И. О проекте Бакмейстера составить многоязычный словарь // Известия Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. – Санкт-Петербург, 1853. – Т. 2. – Стб. 365–367.

Виньерон Ж. Краткой лексикон на четырех языках : Краткой лексикон на четырех языках : То есть на французском, италиянском, немецком и российском, / Сочинен г. Венероном. – [Москва] : Печатано при Императорском Московском университете, 1771. – [6]. – С. 1–128, 128–143, 143–172 [=174] с.

Волчков С.С. Новой лексикон на французском, немецком, латинском, и на российском языках / переводу ассесора Сергея Волчкова. – Санкт-Петербург : При Императорской Академии наук, 1755. – Ч. 1 : С литеры А, по литеру G. – С. [2], 1–48, 45–1062.

Волчков С.С. Новой лексикон на французском, немецком, латинском, и на российском языках / переводу ассесора Сергея Волчкова. – Санкт-Петербург : При Императорской Академии наук, 1764. Ч. 2 : С литеры G до конца алфавита. – С. [2], 1–832, 893–940, 881–1282 с.

Воробьев Ю.К. Западноевропейские языки в русской культуре XVIII века / Ю.К. Воробьев, И.В. Седина. – Саранск : Изд-во Мордовского ун-та, 2007. – 229, [2] с.

Гаврилов М.Г. Новый лексикон на немецком, французском, латинском, итальянском и российском языках, изданный Матвеем Гавриловым, членом Педагогической семинарии, учрежденной при Императорском Московском университете. – В Москве : в Университетской типографии, у Н. Новикова, 1781. – XV, 766 с.

Гёльтергоф Ф. Российский лексикон по алфавиту с немецким и латинским переводом = Russisches alphabetisches Wörterbuch mit deutscher und lateinischer Übersetzung / изд. Франциском Гелтергофом, профессором публ. экстр. в Имп. Моск. ун-те. – Москва : Тип. Имп. Моск. ун-та, 1778а. – Ч. 1. – [8], 338 с.

Гёльтергоф Ф. Российский лексикон по алфавиту с немецким и латинским переводом = Russisches alphabetisches Wörterbuch mit deutscher und lateinischer Übersetzung / изд. Франциском Гелтергофом, профессором публ. экстр. в Имп. Моск. ун-те. – Москва : Тип. Имп. Моск. ун-та, 1778б. – Ч. 2. – [2], 339–942, [1] с.

Гёльтергоф Ф. Сокращенной четыреязычной словарь : А имянно на немецком, латинском, французском и российском языках : В пользу юношества этимологическаго класса : С предисловием о кратком, легком и приятном способе учения / сочинил м[агистр] Франциск Гелтергов немецкаго языка лектор. – [Москва] : При Имп. Моск. ун-те, [1776]. – 96, [1] с.

Грот Я.К. Филологические занятия императрицы Екатерины Второй. – Москва : Типография Лебедева, 1877. – [2], 18 с.

Екатерина II. Философическая и политическая переписка императрицы Екатерины II с доктором Циммерманом, с 1785 по 1792 год / перевод с французского подлинника. – В Санктпетербурге : В Императорской типографии, 1803. – [2], 184 с.

Лукин О.В. А.Л. Шлёцер и лингвистический миф XVIII века // Верхневолжский филологический вестник. – 2024а. – № 1 (36). – С. 113–122.

Лукин О.В. Л.И. Бакмейстер и санкт-петербургская немецкая диаспора в культурной жизни Российской империи второй половины XVIII века // Ярославский педагогический вестник. – 2024б. – № 1 (136). – С. 226–232.

Лукин О.В. Рижский переводчик, грамматист и лексикограф Я. М. Родде в культурной и лингвистической парадигме России второй половины XVIII века // Ярославский педагогический вестник. – 2023. – № 2 (131). – С. 181–189.

Соц И.В. Новый лексикон или Словарь на французском, италианском, немецком, латинском и российском языках, содержащий в себе, полное собрание всех употребительных французских слов с самым точнейшим оных на другие четыре языка переводом, и объяснением различных знаменований и всех грамматических свойств, какия токмо каждому слову приличествуют, сообразно Словарю Французской академии / изданный трудами коллежскаго переводчика Ивана Соца; Иждивением Н. Новикова и Компании. – Москва : Университетская типография, у Н. Новикова, 1784а. – Ч. 1 : A–F. – [6], 530 с.

Соц И.В. Новый лексикон или Словарь на французском, италианском, немецком, латинском и российском языках, содержащий в себе, полное собрание всех употребительных французских слов с самым точнейшим оных на другие четыре языка переводом, и объяснением различных знаменований и всех грамматических свойств, какия токмо каждому слову приличествуют, сообразно Словарю Французской академии / изданный трудами коллежскаго переводчика Ивана Соца; Иждивением Н. Новикова и Компании. – Москва : Университетская типография, у Н. Новикова, 1784б. – Ч. 2 : G–Z. – [2], 655, [1] с.

Паллас П.С. (ред.) Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы : Отделение 1, содержащее в себе европейские и азиатские языки. – Санкт-Петербург : Печатано в типографии у Шнора, 1787. – Ч. 1. – [18], 411, [1] с.

Паллас П.С. (ред.) Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы : Отделение 1, содержащее в себе европейские и азиатские языки. – Санкт-Петербург : Печатано в типографии у Шнора, 1789. – Ч. 2. – [6], 491 с.

Усачёва Я.В. О развитии российской переводной лексикографии в XVIII веке // Вестник Московского государственного открытого университета. – 2011. – № 1. – С. 40–46.

Яковкин И.Ф. Словарь французских речений перьвообразных и таких, коих начала во французском языке нет, или кои от своего перьвообразнаго весьма отдалены : С немецким, латинским и российским переводами и с показанием грамматических принадлежностей. – Во граде св. Петра : Книгопечатня И. К. Шнора, 1796. – VIII, 100, [1] с.

Adelung F. Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde : V on Friedrich Adelung. Russ. Kaiserl. Staatsrath, Instruktor II. KK. HH. der Grossfürsten Nicolai und Michael, Ritter des Annen-Ordens zweiter Klasse, Ehrenmitglied der Kaiserl. Universitäten zu Moskau, Wilna und Charkow, Correspondenten der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften u. s. w. – St. Petersburg : Gedruckt bei Friedrich Drechsler, 1815. – XIV, 210, [2] S.

Koch K. Deutsch als Fremdsprache im Rußland des 18. Jahrhunderts : Ein Beitrag zur Geschichte des Fremdsprachenlernens in Europa und zu den deutsch-russischen Beziehungen. – Berlin; New York : Walter de Gruyter, 2002. – XVIII, 456 S.

References

Bakmeĭster L.I. *Ob``yavlenie i proshenie, kasayushhiesya do sobraniya razny`x yazy`kov v primerax = Avertissement et invitation concernant un seul sujet à traduire en plûsieurs langues = Idea et desideria de colligendis linguarum speciminibus = Nachricht und Bitte wegen einer Sammlung von Sprachproben* [Announcement and petition concerning different languages before the meeting in examples = Avertissement et invitation concernant un seul sujet à traduire en plûsieurs languages = Idea et desideria de colligendis linguarum speciminibus = Nachricht und Bitte wegen einer Sammlung von Sprachproben]. SPb.: pri Imperatorskoĭ Akademii nauk, 1773. – 30 stb., 31–34 p. Tekst paral. rus., fr., lat., nem. (In Russian, French, Latin, German)

Berednikov Ya.I. *O proekte Bakmeĭstera sostavit` mnogoyazy`chny`ĭ slovar`* [On Buckmeister's project to compile a multilingual dictionary]. In: Izvestiya Imperatorskoĭ Akademii nauk po otdeleniyu russkogo yazy`ka i slovesnosti. – 1853. T. 2. – Stb. 365–367. (In Russian)

Vin`eron Zh. *Kratkoj leksikon na chety`rex yazy`kax*: *Kratkoj leksikon na chety`rex yazy`kax: To est` na franczuzskom, italiyanskom, nemeczkom i rossijskom* [A short lexicon in four languages : A short lexicon in four languages: That is, in French, Italian, German and Russian] / Sochinen g. Veneronom. – [Moscow]: Pechatano pri Imperator skom Moskovskom universitete, 1771. – [6], 1–128, 128–143, 143–172 [=174] p. (In Russian)

Volchkov S.S. *Novoj leksikon na franczusskom, nemeczkom, latinskom, i na rossijskom yazy`kax* [The New Lexicon in French, German, Latin, and Russian] / Perevodu assesora Sergeya Volchkova. – Sanktpeterburg: Pri Imperatorskoj Akademii nauk, 1755. Ch. 1. S litery` A, po literu G. – [2], 1–48, 45–1062 p. (In Russian)

Volchkov S.S. *Novoj leksikon na franczusskom, nemeczkom, latinskom, i na rossijskom yazy`kax* [The New Lexicon in French, German, Latin, and Russian] / Perevodu assesora Sergeya Volchkova. – Sanktpeterburg: Pri Imperatorskoj Akademii nauk, 1764. Ch. 2. S litery` G do koncza alfavita. – [2], 1–832, 893–940, 881–1282 p. (In Russian)

Vorob`ev Yu.K. *Zapadnoevropejskie yazy`ki v russkoj kul`ture XVIII veka* [Western European languages in Russian culture of the XVIIIth century] / Yu.K. Vorob`ev, I.V. Sedina. – Saransk: Izd-vo Mordovskogo un-ta, 2007. – 229, [2] p. (In Russian)

Gavrilov M.G. *Novy`j leksikon na nemeczkom, franczuzskom, latinskom, ital`yanskom i rossijskom yazy`kax, izdanny`j Matveem Gavrilovy`m, chlenom Pedagogicheskoj seminarii, uchrezhdennoj pri Imperatorskom Moskovskom universitete* [The new lexicon in German, French, Latin, Italian and Russian, published by Matvey Gavrilov, a member of the Pedagogical Seminary established at the Imperial Moscow University]. – V Moskve: v Universitetskoj tipografii, u N. Novikova, 1781. – XV, 766 p. (In Russian)

Gyol`tergof F. *Rossijskij leksikon po alfavitu s nemeczkim i latinskim perevodom = Russisches alphabetisches Wörterbuch mit deutscher und lateinischer Übersetzung* [The Russian lexicon alphabetically with German and Latin translation = Russisches alphabetisches Wörterbuch mit deutscher und lateinischer Übersetzung] / izd. Franciskom Geltergofom, professorom publ. e`kstr. v Imp. Mosk. Un-te. Ch. 1. – M.: Tip. Imp. Mosk. un-ta, 1778a. – [8], 338 p. (In Russian)

Gyol`tergof F. *Rossijskij leksikon po alfavitu s nemeczkim i latinskim perevodom = Russisches alphabetisches Wörterbuch mit deutscher und lateinischer Übersetzung* [The Russian lexicon alphabetically with German and Latin translation = Russisches alphabetisches Wörterbuch mit deutscher und lateinischer Übersetzung] / izd. Franciskom Geltergofom, professorom publ. e`kstr. v Imp. Mosk. un-te. Ch. 2. Moskva : Tip. Imp. Mosk. un-ta, 1778b. [2], 339–942, [1] p. (In Russian)

Gyol`tergof F. *Sokrashhennoj chety`reyazy`chnoj slovar`: A imyanno na nemeczkom, latinskom, franczuzskom i rossijskom yazy`kax*: V pol`zu yunoshestva e`timologicheskago klassa: S predisloviem o kratkom, legkom i priyatnom sposobe ucheniya [An abbreviated four-language dictionary : A named in German, Latin, French and Russian : For the benefit of the youth of the etymological class : With a preface on a short, easy and pleasant way of learning] / Sochinil m[agistr] Francisk Geltergov nemeczkago yazy`ka lektor. [Moscow] : Pri Imp. Mosk. Un-te, [1776]. 96, [1] p. (In Russian)

Grot Ya.K. *Filologicheskie zanyatiya imperatricy Ekateriny` Vtoroĭ* [Philological studies of Empress Catherine II]. Moscow : Tipografiya Lebedeva, 1877. – [2], 18 p. (In Russian)

Ekaterina II. *Filosoficheskaya i politicheskaya perepiska imperatricy Ekateriny` II s doktorom Cimmermanom, s 1785 po 1792 god* [Philosophical and political correspondence of Empress Catherine II with Dr. Zimmerman, from 1785 to 1792] / Perevod s franczuzskogo podlinnika. V Sanktpeterburge : V Imperatorskoĭ tipografii, 1803. [2], 184 p. (In Russian)

Lukin O.V. A.L. *Shlĕcer i lingvisticheskiĭ mif XVIII veka* [Shletzer and the linguistic myth of the XVIIIth century]. In: Verxnevolzhskiĭ filologicheskiĭ vestnik. 2024a. № 1 (36). Pp. 113–122. (In Russian)

Lukin O.V. *L.I. Bakmeĭster i sankt-peterburgskaya nemeczkaya diaspora v kul`turnoĭ zhizni Rossiĭskoĭ imperii vtoroĭ poloviny` XVIII veka* [Bakmeister and the St. Petersburg German Diaspora in the cultural life of the Russian Empire in the second half of the XVIIIth century]. In: Yaroslavskiĭ pedagogicheskiĭ vestnik. 2024b. № 1 (136). Pp. 226–232. (In Russian)

Lukin O.V. *Rizhskij perevodchik, grammatist i leksikograf Ya.M. Rodde v kul`turnoj i lingvisticheskoj paradigme Rossii vtoroj poloviny` XVIII veka* [Riga translator, grammarian and lexicographer J.M. Rodde in the cultural and linguistic paradigm of Russia in the second half of the XVIIIth century]. In: Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2023. № 2 (131). Pp. 181–189. (In Russian)

Socz I.V. *Novy`j leksikon ili Slovar` na franczuzskom, italianskom, nemeczkom, latinskom i rossijskom yazy`kax, : Soderzhashhij v sebe, polnoe sobranie vsex upotrebitel`ny`x franczuzskix slov s samy`m tochnejshim ony`x na drugie chety`re yazy`ka perevodom, i ob``yasneniem razlichny`x znamenovanij i vsex grammaticheskix svojstv, kakiya tokmo kazhdomu slovu prilichestvuyut, soobrazno Slovaryu Franczuzskoj akademii* [A new lexicon or Dictionary in French, Italian, German, Latin and Russian, containing a complete collection of all commonly used French words with the most accurate translation into the other four languages, and an explanation of the various signs and all grammatical properties that correspond to each word, according to the Dictionary of the French Academy] / Izdanny`j trudami kollezhskago perevodchika Ivana Socza; Izhdiveniem N. Novikova i Kompanii. Ch. 1: A–F. Moscow : Universitetskaya tipografiya, u N. Novikova, 1784a. [6]. 530 p. (In Russian)

Socz I.V. *Novy`j leksikon ili Slovar` na franczuzskom, italianskom, nemeczkom, latinskom i rossijskom yazy`kax, : Soderzhashhij v sebe, polnoe sobranie vsex upotrebitel`ny`x franczuzskix slov s samy`m tochnejshim ony`x na drugie chety`re yazy`ka perevodom, i ob``yasneniem razlichny`x znamenovanij i vsex grammaticheskix svojstv, kakiya tokmo kazhdomu slovu prilichestvuyut, soobrazno Slovaryu Franczuzskoj akademii* [A new lexicon or Dictionary in French, Italian, German, Latin and Russian, containing a complete collection of all commonly used French words with the most accurate translation into the other four languages, and an explanation of the various signs and all grammatical properties that correspond to each word, according to the Dictionary of the French Academy] / Izdanny`j trudami kollezhskago perevodchika Ivana Socza; Izhdiveniem N. Novikova i Kompanii. Ch. 2: G–Z. Moscow : Universitetskaya tipografiya, u N. Novikova, 1784b. [2], 655, [1] p. (In Russian)

Pallas P.S. (red.) *Sravnitel`ny`e slovari vsex yazy`kov i narechiĭ, sobranny`e desniceyu vsevy`sochaĭsheĭ osoby`. Otdelenie 1, soderzhashhee v sebe evropeĭskie i aziatskie yazy`ki. Ch. 1.* [Comparative dictionaries of all languages and dialects, collected by the right hand of the most exalted person : Department 1, which contains European and Asian languages. Part I]. Sankt-Peterburg : Pechatano v tipografii u Shnora, 1787. 18], 411, [1] p. (In Russian)

Pallas P.S. (red.) *Sravnitel`ny`e slovari vsex yazy`kov i narechiĭ, sobranny`e desniceyu vsevy`sochaĭsheĭ osoby`. Otdelenie 1, soderzhashhee v sebe evropeĭskie i aziatskie yazy`ki. Ch. 2* [Comparative dictionaries of all languages and dialects, collected by the right hand of the most exalted person : Department 1, which contains European and Asian languages. Part II]. Sankt-Peterburg : Pechatano v tipografii u Shnora, 1789. [6], 491 p. (In Russian)

Usachyova Ya.V. *O razvitii rossijskoj perevodnoj leksikografii v XVIII veke*. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo otkry`togo universiteta* [On the development of Russian translational lexicography in the XVIIIth century] . Moscow : MGOU, 2011. №1. Pp. 40–46. (In Russian)

Yakovkin I.F. *Slovar` franczuzskix rechenij per`voobrazny`x i takix, koix nachala vo franczuzskom yazy`ke net, ili koi ot svoego per`voobraznago ves`ma otdaleny`,: S nemeczkim, latinskim i rossijskim perevodami i s pokazaniem grammaticheskix prinadlezhnostej* [Dictionary of French pen-like utterances and those of which there are no beginnings in the French language, or which are very far from their pen-like : With German, Latin and Russian translations and with an indication of grammatical accessories]. Vo grade sv. Petra : Knigopechatnya I.K. Shnora, 1796. VIII, 100, [1] p. (In Russian)

Adelung F. *Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde. V on Friedrich Adelung. Russ. Kaiserl.* Staatsrath, Instruktor II. KK. HH. der Grossfürsten Nicolai und Michael, Ritter des Annen-Ordens zweiter Klasse, Ehrenmitglied der Kaiserl. Universitäten zu Moskau, Wilna und Charkow, Correspondenten der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften u. s. w. St. Petersburg : Gedruckt bei Friedrich Drechsler, 1815. – XIV, 210, [2] p. (In German)

Koch K. *Deutsch als Fremdsprache im Rußland des 18. Jahrhunderts*: Ein Beitrag zur Geschichte des Fremdsprachenlernens in Europa und zu den deutsch-russischen Beziehungen. Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2002. XVIII, 456 p. (In German)

УРОВНИ ЯЗЫКА

ЛЕКСИКА. ЛЕКСИКОЛОГИЯ

УДК 81’373 DOI 10.31249/ling/2025.03.02

Долинский В.А.[1]

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЛЕНГА ФАНДОМ-СЕТИ

Аннотация. В статье рассматривается феномен фандомов, истоки его появления в сетевой коммуникации, его значение в массовой культуре XXI века, языковые особенности текстов членов фандомных сообществ. Отмечается постоянно растущее количество фандомов в сети Интернет и их растущая популярность. Рассматриваются наиболее распространенные языковые средства создания фандомного Интернет-сленга – аббревиатуры, сокращения, цифробуквенные сочетания, пиктограммы, неологизмы. Показано, что перечисленные способы формирования языка коммуникации в сообществах по интересам выполняют две функции: тенденцию к экономии речевых усилий и тенденцию к повышению уровня замкнутости фандом-сообществ. Установлено, что язык фандомов является уникальным языковым явлением в англоязычном интернет-сленге со своими особенностями и расширяющимся кругом распространения.

Ключевые слова: массовая культура; фандом; фандомные сообщества; онлайн-коммуникация; английский язык; Интернет-сленг.

Для цитирования: Долинский В.А. Лингвистический анализ сленга фандом-сети // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание. – 2025. – № 3. – С. 22–35. – DOI: 10.31249/ling/2025.03.02

Долинский Владимир Аркадьевич – д.ф.н., профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики, Московский государственный лингвистический университет; vdolinsky@yandex.ru , streampatience2020@gmail.com

Dolinsky V.A.*

A LINGUISTIC ANALYSIS OF FANDOM NETWORK SLANG

Abstract. The article examines the phenomenon of fandoms, the origins of their emergence in online communication, their significance in the mass culture of the XXI century, and the linguistic features of texts of fandom members communities. There is an ever-increasing number of fandoms on the Internet and their growing popularity. The most common linguistic means of creating fandom Internet slang comprise abbreviations, acronyms, digit-letter combinations, pictograms, neologisms. It has been shown that the aforementioned ways of language formation in the communities of interest fulfill two functions: first, they realize the tendency to save speech effort, and, second, they increase the level of closure of the fandom communities. As a result, it can be concluded that fandom language is a unique linguistic phenomenon in the English-speaking segment of the Internet, with its own features and expanding range of distribution.

Keywords: mass culture; fandom; fandom communities; online communication; the English language; Internet slang.

For citation: Dolinsky V.A. A Linguistic Analysis of Fandom Network Slang // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2025. N 3. P. 22–35. DOI: 10.31249/ling/2025.03.02

Введение

Слово «фандом» (*англ.* fandom) пришло в русский язык из английского, где оно означает сообщество поклонников (фанатов, фанов) продуктов масскультуры и поп-искусства. Это форумы и коллективно редактируемые сайты поклонников вымышленного мира, персонажей произведений определенного писателя, музыкального исполнителя, других персон масскультуры [Кронгауз, 2016].

* Dolinsky Vladimir Arkadyevich – Doctor of Philology, Professor of the Department of Applied and Experimental Linguistics, Moscow State Linguistic University; vdolinsky@yandex.ru, streampatience2020@gmail.com

Принято считать, что термин «фандом» изначально включал в себя лишь любителей фантастики. Так, первые группы поклонников этого жанра появились в США в начале XX в. в виде любительских почтовых клубов, члены которых обменивались письмами и открытками на какую-либо интересующую их тему [Завгородний, Сабитов, 2017]. Самой известной из таких ассоциаций считается Science Correspondence Club из Чикаго. Позже, в 1934 г., Х. Гернсбек, американский изобретатель, бизнесмен и писатель, предложил читателям своего журнала «Wonder Stories» объединиться в Лигу Научной Фантастики (Science Fiction League) [Hugo Gernsback...]. Однако в Европе сложилась иная точка зрения на возникновение фандома. Считается, что первый современный фандом составили поклонники серии детективов А. Конан Дойла о Шерлоке Холмсе [Brown, 2009]. После того, как герой был «убит» автором в 1893 г., преданные читатели провели серию публичных демонстраций в знак траура по знаменитому сыщику [Britt, 2016].

Если деятельность вышеупомянутых фандомов научной фантастики в основном концентрировалась на массовых встречах и критических дискуссиях, то члены фандомов других произведений массовой культуры сосредотачивались в основном на творчестве дилетантов, так или иначе относящемся к объекту поклонения или предмету интереса. В начале 1970-х годов, с активным развитием киноиндустрии, в рамках фандомов акцент с теоретической составляющей переместился на отношения между персонажами телевизионных и кинофраншиз (самые популярные на тот момент – «Звездный путь», «Звездные войны» и «Агенты А.Н.К.Л.») [Coppa, 2006]. Поклонники создавали фан-арты (оригинальные рисунки) или переделывали готовые материалы для создания арт-объектов, посвященных тематике фандома.

Сутью существования фандомов является обмен информацией среди поклонников, и в настоящее время этот обмен осуществляется в основном через интернет и социальные сети. Современные технологии сделали возможным безграничное взаимодействие (как в пространственном, так и во временном отношении) фанатов с единомышленниками и создали площадку для обмена между членами фан-сообществ собственным и совместным творчеством, вдохновленным оригинальными произведениями. Возник косплей – перевоплощение в различные роли, переодевание в костюмы и передача характера и мимики персонажей компьютерных игр, кинематографа, литературы, комиксов и аниме. К фандомным практикам, помимо создания фан-артов и косплея, также относятся

монтаж фан-видео (создание любительских видеороликов по теме бренда с кадрами, объединенными общей идеей); стриминг; администрирование, ведение страничек и пабликов в таких социальных сетях, как ТикТок, Инстаграм* и Фейсбук* [Stanfill, Condis, 2014].

Еще одной определяющей характеристикой фан-культуры является фанфикшн (от *англ.* fan fiction) – совокупность литературных произведений (фанфиков), написанных фанатами, которые таким образом создают дополнительный к литературному первоисточнику контент путем заимствования из него персонажей и / или сюжетных линий. Сюжетная линия графоманских фанфиков необязательно следует фабуле оригинала; иногда фанаты описывают персонажей в ситуациях, которые вообще не связаны с первоисточником [Schulz, 2001].

Фанфики бесконечно разнообразны: их авторы могут превращать главных героев во второстепенных персонажей, создавать альтернативные «вселенные», выходить за рамки оригинальных сюжетных линий. Фанфикшн процветает в эпоху современных цифровых технологий. Пик его популярности связан с развитием интернет-коммуникации: в настоящее время существуют сотни сайтов, посвященных написанию, редактированию, публикации и обсуждению фанфиков – от коротких зарисовок до больших художественных произведений. Они могут принимать вид как отдельных самостоятельных работ, так и представлять собой совокупность гипертекстов[1]. Таковы, например, фанфик и комментарии к нему; все фанфики одного автора; фанфики, основанные на одном и том же первоисточнике и т.п.

1. Лингвистические характеристики сленга фандомов

Появление сетевого сленга фандомов сопровождалось ограничениями пропускной способности каналов цифровой связи. Сказать как можно больше за максимально короткий промежуток времени можно, только уменьшив количество символов, которые нужно набирать на клавиатуре. По этой причине основными сред-

* Соцсети принадлежат компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории РФ.

[1] Гипертекст – это набор семантически связанных блоков, которые существуют в компьютерной среде и объединяются в сеть посредством ассоциативно или иерархически организованных гиперссылок.

ствами создания единиц фандомного интернет-сленга стали пиктограммы[1] и сокращения наиболее часто употреблявшихся слов. Подобные сокращения могут заменять как отдельные слова и словосочетания, так и целые предложения в английском языке. Инструментами создания новых единиц фандомного интернет-сленга являются аббревиатуры, акронимы, пиктограммы, сокращения наиболее часто употребляемых слов, использование букв и цифр вместо слов и их частей и искажение орфографии [Кузнецов, 2011]. Сленговые выражения, применяемые пользователями сети интернет, сегодня всё чаще употребляются и в повседневной жизни, прочно закрепляясь и в оффлайн-общении.

1.1. Аббревиатуры

Аббревиатура (*итал.* abbreviatura от *лат.* brevis «краткий») – сокращение, применяемое в буквенном письме [wiktionary.org]. Среди аббревиатур в сленге фандомов наиболее популярны следующие:

idk – I don't know – «я не знаю»;
idc – I don't care – «мне все равно»;
omg – oh my God – «боже мой»;
tbh – to be honest – «если честно»;
wyd? – what you doing? – «чем занимаешься?»;
fyi – for your information – «к вашему сведению»;
imo – in my opinion – «по моему мнению / на мой взгляд»;
ttyl – talk to you later – «поговорим позже»;
tia – thanks on advance – «заранее спасибо»;
otoh – on the other hand – «с другой стороны»;
myob – mind your own business – «не лезьте не в свое дело»;
tmi – too much information – «слишком личная информация»;
msg – message – «сообщение» и т.д.

Аббревиация является наиболее продуктивным методом образования единиц сетевого сленга фандомов. Это связано с возможностью сократить длинные, часто употребляемые фразы до всего лишь нескольких букв. Помимо средства экономии времени и речевых усилий говорящего аббревиатура является и средством концентрации информации [Бурова, Давыдова, 2019]. К причинам

[1] Пиктограмма – от *лат.* pictus «нарисованный» и *греч.* γράμμα «запись» – знак, отображающий важнейшие узнаваемые черты объекта, предмета или явления, на которые он указывает, чаще всего в схематическом виде.

широкого распространения аббревиации исследователи наряду с экстралингвистическими факторами (научно-технический прогресс, социальные преобразования, развитие межнациональных культурных отношений и др.) причисляют и закон экономии языковых средств и речевых усилий [Горшунов, 1999; Долинский, 2023]. Существует также мнение, что употребление распространенных в интернете аббревиатур «вызвано отнюдь не стремлением к экономии или рационализации связи; это чисто игровой момент в сетевом общении» [Мечковская, 2006]. Однако аббревиатуры различны как по формам, так и по функциям: игровая функция не является их единственным назначением. Так, М. Бергельсон придерживается тезиса об «уравновешивании» противоположных намерений участника интернет-общения, который, с одной стороны, руководствуется принципами речевой экономии, а с другой – вынужден бороться за внимание и симпатию часто незнакомого ему собеседника и использовать всевозможные средства (особый социолект, тайный язык для посвященных), чтобы достичь этой цели [Бергельсон, 2002].

1.2. Акронимы

Акроним (от *др.-греч.* άκρος «высший; крайний; здесь: в значении начальный» + όνυμα «имя, название») – частный случай аббревиатуры, образуемый начальными звуками слов (в отличие от начальных букв в аббревиатуре). Фактически, акроним представляет собой слово, являющееся сокращением, которое можно произнести слитно, в отличие от других видов аббревиатур, которые произносят «по буквам» [Нелюбин, 2003]. Тенденция в производстве звуковых и буквенных аббревиатур усиливалась в 1914–1918, 1960-х, 1990-х гг. Отмечалось, что аббревиатура должна быть благозвучной, многосонорной; желательно, чтобы она напоминала обычное слово, вплоть до полной омонимии [Долинский, 2020].

Примеры некоторых акронимов, наиболее ярко иллюстрирующих их употребление в сетевом общении: imho – in my humble opinion – «по моему (скромному) мнению»; lol – laughing out loud – «(я) громко смеюсь» (собеседник сказал что-то смешное или абсурдное); yolo – you only live once – «живем один раз»; asap – as soon as possible – «как можно скорее»; goat – greatest of all time – «величайший на все времена».

Акронимы – самый многочисленный и разнообразный по составу пласт лексических форм сленга всемирной паутины. Акро-

нимы универсальны – им присущи черты как нейтрального, так и разговорного стилей. Это расширяет круг людей, которые, возможно, сами того не осознавая, используют акронимы в быту [Baron, 2000].

Повсеместное употребление аббревиатур и акронимов в английском языке объясняется несколькими факторами. Во-первых, этот процесс вписывается в рамки тех общих актуальных социолингвистических тенденций, которые называют «компьютеризацией общества и мышления» [Виноградова, 2001]. Во-вторых, как уже упоминалось, среди способов словообразования аббревиация в языке выполняет компрессивную функцию, т.е. служит для создания более кратких, чем соотносительная сложная лингвистическая структура, номинаций. Такими сложными структурами могут быть многословные наименования, именные или глагольные синтагмы, пословицы, поговорки, фразеологизмы и другие стереотипные обороты речи. «Компьютерному сленгу присуща тенденция к упрощению, минимизации и стандартизации языковых средств» [Шепель, 2013]. Внешняя форма – аббревиатура или акроним вместо полной формы – учитывает количественные и качественные ограничения пропускной способности каналов цифровой связи, ведь именно из-за технических ограничений в мессенджерах и социальных сетях, в частности Твиттере*, сообщения должны быть короткими и лаконичными.

1.3. Сочетания букв и цифр

Единичные буквы и их сочетания с цифрами – довольно распространенный механизм образования новых лексических единиц интернет-сленга фандомов. Когда буква стоит на письме отдельно, следует принимать во внимание ее произношение. Так, “U” при переписке становится местоимением “you”, а под “R” имеется в виду форма глагола “to be” во втором лице – “are”: r u okay? (are you okay?), where r u? (where are you?), r u here? (are you here?). Под буквой “C” предполагается глагол “to see”: c u (see you). Под “B” – “to be” (b there in a minute).

Цифра используется для уменьшения длины лексемы на письме, и для того, чтобы понять смысл «закодированной» таким образом фразы, нужно прочитать буквы и полностью произнести название цифры. К самым часто используемым цифрам относятся

* Запрещен в России, принадлежит Meta.

2, 4 и 8. Цифра 2 фонетически соответствует английским словам «to» и «too», отсюда 2day – today, me 2 – me too; цифра 4 совпадает по произношению с предлогом «for», в итоге: 4ever – forever, good 4 you – good for you; а цифра 8 соответствует сочетанию звуков [eɪt]: m8 – mate, gr8 – great, l8er – later.

Использование единичных букв и цифр на письме вместо слов или частей слова может в значительной мере ускорить ход переписки. В результате могут получиться следующие комбинации: c u l8er m8 (see you later, mate), u r 2 good 2 me (you are too good to me), i h8 u (I hate you), u r 2 good 2 b true (you are too good to be true) и др.

1.4. Искажение пунктуации и орфографии

К искажению пунктуации и орфографии пользователи фандом-сети прибегают в том случае, если хотят более точно передать на письме свое эмоциональное состояние. Для того, чтобы компенсировать недостаточность или невозможность передачи в интернете цвета, звука, движения, они заменяют эти характеристики общения вербальными и знаковыми аналогами. Так, череда многоточий может выражать замешательство, недовольство, сарказм и (в некоторых случаях) даже обиду на собеседника, а ряд восклицательных знаков – радость, проявление интереса и шок, хотя трактовки могут отличаться в зависимости от социокультурного бэкграунда участников переписки. Пунктуационными правилами в интернете могут руководствоваться не в полной мере или вовсе ими пренебрегать.

Слово «e-mail» может писаться как «email», заглавные буквы заменяются строчными, а апострофы в большинстве случаев опускаются (“Kate’s book” становится “kates book”) [Baron, 2000]. Намеренное несоблюдение правил орфографии приводит к появлению таких слов в языке, у которых, даже при написании с ошибками, значение сохраняется, например: pls / plz – please, thnx – thanks, coz / cos – because, wat – what, ya – you, ur – your, imma go – I’m about to go, luv – love, gurl / gorl – girl.

Перечисленные особенности английского сленга фандом-сети являются основными, имеющими прямое отношение к лексической составляющей языка.

1.5. Эмотиконы

К формам фандомного интернет-сленга относятся также и различные средства эмотикона (эмограммы и эмоджи). Они служат для передачи собеседнику эмоционального настроя говорящего в условиях общения, опосредованного печатаемыми через клавиатуру символами. Например:

 – пожалуй, самый распространенный эмоджи в сети Интернет. С его помощью можно выразить уверенность в сказанном, тем самым убедив партнера по переписке в правдивости слов. Также может служить выражением смелого и дерзкого настроя говорящего-пишущего;

 – метафоричное изображение смерти, связанное с целым спектром причин: смех, «испанский стыд» («кринж»), усталость, грусть, другие отрицательные эмоции и даже сексуальное возбуждение;

 – «подозрительный взгляд» используется обычно для выражения любопытства и пристального внимания;

 – делает акцент на нужном слове или фразе, придавая последним оттенок иронии;

 – буквально обозначает поклонение, преданность, верность кому-либо или чему-либо;

 – разбитое сердце, как правило, служит для того, чтобы выразить сочувствие, грусть или разочарование;

 – помогает участнику переписки сделать комплимент кому-либо или чему-либо («огонь»), чаще всего применяется в контексте описания внешнего вида другого человека.

1.6. Неологизмы

Как упоминалось во введении, ключевым элементом феномена фандомов является фанфикшн. Он позволяет участникам сообществ по интересам продолжить и расширить вымышленный мир, созданный в оригинальном произведении. Написание фанфиков способствует глубокому погружению в любимый мир (затекст) оригинального произведения и детальному изучению персонажей и их взаимоотношений. Бóльшая часть фанфиков так или иначе связана с шипперством (сокр. от *англ.* relationshipping) – приписыванием двум или более героям романтических отношений. Неологизмы возникают уже на этом этапе, так как для обозначений той

или иной пары (или более) персонажей принято «складывать» их имена. Самые популярные пары героев на сайте AO3, крупнейшей зарубежной платформе по публикации фанфиков, носят следующие названия: Destiel (Dean + Castiel), Johnlock (John + Sherlock), Sterek (Stiles + Derek), Drarry (Draco + Harry), Stony (Steve + Tony) [Fandom stats...]. Иногда с помощью такого механизма ненамеренно достигается комический эффект: сложение имен Pepper и Tony в результате даст Pepperoni, фамилия Stark и прозвище второго героя Bucky – Starbucks, а Mozart и Salieri – Mozarelli.

2. Фандомный сленг как уникальное явление медиапространства

Сленг фандом-сети – специфическое явление медийного пространства XXI века. Использование этой разновидности сленга в письменной и устной речи, а особенно при общении в интернете, имеет очень узкую направленность и негласно дает привилегии участникам фандомов по всему миру, позволяя им с легкостью коммуницировать друг с другом, не боясь оказаться непонятыми. Появление фандомов на различных интернет-площадках неизбежно подтолкнуло английский язык к изменениям с целью приспособления к быстрому темпу обмена информацией между членами различных сообществ. Лексический состав фандом-сленга обогащается за счет проникновения в массовую культуру художественных произведений самых разных жанров и направлений. Возникновение социальных сетей лишь ускорило этот процесс. Устоявшиеся термины сленга сообщества фандомов почти никогда не выходят за их рамки и остаются неизвестны более широкой аудитории.

Закрытости сообщества способствуют и упомянутые языковые средства – аббревиатуры, акронимы, буквенно-цифровые сочетания, искажения орфографии. Для участников сообществ это является преимуществом и своеобразной «печатью избранности», так как формирует более крепкие и длительные связи между ними. Как показывает опыт, фандомный сленг – не самый легкий для дешифрования. Здесь, как повсюду в языке, сокращение «усилий кодирования» сообщений сопровождается возрастанием «усилий декодирования» [Долинский, 2020, 2023].

Заключение

Феномен фандомов зародился в середине прошлого века и вошел в современную культуру, став средством объединения людей с общими увлечениями. Первые фандомы появились на Западе и являлись «клубами по интересам» – их участники в основном были поклонниками фантастики. Несмотря на то, что изначально фандомы строились на жанре фантастики, позже поле интересов подобных сообществ расширилось и сегодня охватывает все сферы культуры и активно развивается в социальных сетях. В связи с этим социальные сети предлагают интернет-пользователям широкие возможности для создания и публикации любительского контента по мотивам первоисточников, а всемирная распространенность позволяет участникам фандомов поддерживать кумиров различными способами.

Самым существенным в повседневном общении участников фан-сообществ является тематика взаимоотношений между персонажами масскультуры или публичными личностями. Члены фандомов также отличаются креативностью в проявлении симпатии к объекту поклонения. Большая часть терминов фандом-сети реализуется в фанфикшне и фикрайтерстве. Писатели и читатели любительских сочинений активно используют в своей коммуникации неологизмы. Так как написание и / или чтение фанфиков является «негласным» условием членства в любом фандоме, данная сфера фанатских практик оказывается плодотворной для образования новых единиц сленга.

Инструментами создания новых единиц фандомного интернет-сленга являются аббревиатуры, акронимы, пиктограммы, сокращения наиболее часто употребляемых слов, использование букв и цифр вместо слов и их частей и искажение орфографии. Преобразованные единицы заменяют целый ряд лексем, от отдельного слова до словосочетания и предложения. Сленговые выражения, которые используют пользователи сети Интернет, сегодня всё чаще применяются людьми и в повседневной жизни, прочно закрепляясь и в оффлайн-языке. Этому развитию идет навстречу в первую очередь именно английский язык, внутренняя структура и всемирная распространенность которого способствуют внедрению во многие иные языки весьма кратких слов и словосочетаний в качестве заимствований, ка́лек или иноязычных вкраплений. Социальные сети активно пополняют сленг фандомов. Все вышеперечисленные способы образования неологизмов служат

средством приспособления английского языка к реалиям современного медийного пространства.

Автор выражает благодарность Анастасии Алексеевне Дик, бакалавру лингвистики МГЛУ, за помощь в сборе материала.

Список литературы

Бергельсон М.Б. Языковые аспекты виртуальной коммуникации // Вестник МГУ, Серия 19. – 2002. – № 1. – С. 55–67.

Бурова Е.А., Давыдова М.М. Специфика употребления аббревиатур в текстах СМИ // Инновационные научные исследования : теория, практика / сборник статей XIX Международной научно-практической конференции. 2019. – Пенза : Наука и просвещение, 2019. – С. 143–146.

Виноградова Н.В. Компьютерный сленг и литературный язык : проблемы конкуренции // Исследования по славянским языкам. – 2001. – № 6. – С. 203–216.

Горшунов Ю.В. Прагматика аббревиатуры : Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Московский педагогический государственный университет. – Москва, 1999. – 301 с.

Долинский В.А. Тенденция к аббревиации и десемантизация слова // Наука без границ : синергия теорий, методов и практик : Материалы Международной научной конференции / отв. ред. О.К. Ирисханова. – Москва : МГЛУ, 2020. – С. 205–209.

Долинский В.А. Синергетика и принцип наименьшего усилия в языке и речи // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2023. – № 2 – С. 51–70.

Завгородний Б., Сабитов В. Завгар и фэндом : от рассвета до заката : Книга о фантастической реальности и реальной фантастике. – Екатеринбург : ЭИ «@элита», 2017. – 511 с.

Кронгауз М.А. Словарь языка интернета.ru. – Москва : АСТ-Пресс, 2016. – 288 с.

Кузнецов А.В. Письменная разговорная речь в онлайн-коммуникации // Молодой учёный. – 2011. – № 3 (2). – С. 24–26.

Мечковская Н.Б. Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век интернета // Русский язык в научном освещении. – 2006. – № 2 (12). – С. 165–185.

Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. – Москва : Флинта : Наука, 2003. – 320 с.

Шепель Ю.А. Снова о компьютерном сленге // Лингвистический вестник. – 2013. – № 1. – С. 58–64.

[*Fandom stats*] *Biggest fandoms, ships, and characters on*. – URL: https://archiveofourown.org/works/29249172

"Hugo Gernsback – American inventor and publisher. Encyclopædia Britannica. – URL: https://www.britannica.com/biography/Hugo-Gernsback

Baron N. Alphabet to E-mail : How Written English Evolved and Where It's Heading. – London : Routledge & Keagan Paul, 2000. – 316 p.

Britt R. 29.8.2016 "The First Modern Fandom Brought Sherlock Holmes Back From The Dead". – URL: https://www.inverse.com/article/19987-sherlock-holmes-and-the-birth-of-fandom

Brown S. 04.20.2009. “Scott Brown on Sherlock Holmes : Obsessed Nerds, and Fan Fiction”, WIRED, USA. – URL: https://www.wired.com/2009/04/pl-brown-6/

Coppa F.A Brief History of Media Fandom // Fan Fiction and Fan Communities – In the Age of the Internet. – Jefferson (North Carolina); London : McFarland & Co Inc, 2006. – P. 41–59.

Duts I., Swaan K., Reijnders S. Janissary Collective : Fandom as survival in media life // The Ashgate Research Companion to Fan Cultures – Farnham (UK) : Ashgate, 2014. – P. 77–89.

Schulz N. 31.12.2001. “Fan Fiction – TV Viewers Have It Their Way” // Encyclopædia Britannica. – URL: https://www.britannica.com/topic/Fan-Fiction-TV-Viewers-Have-It-Their-Way-1518184

Stanfill M., Condis M. “Fandom and/as Labor” // Transformative Works and Cultures. – 2014. – N15. – URL: https://journal.transformativeworks.org/index.php/twc/article/view/593/421

Wiktionary.org – аббревиатура. – URL: https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%B0%D0%B1%D0%B1%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0

References

Bergel'son M.B. *Yazykovye aspekty virtual'noj kommunikacii* [Language aspects of virtual communication]. In: *Vestnik MGU* [Moscow State University Bulletin], Seriya 19, N 1, 2002. P. 55–67. (In Russian)

Burova E.A., Davydova M.M. *Specifika upotrebleniya abbreviatur v tekstah SMI* [The specifics of using abbreviations in media texts]. Penza: Nauka i prosveshchenie, 2019. P. 143–146. (In Russian)

Vinogradova N.V. Komp'yuternyj sleng i literaturnyj yazyk: problemy konkurencii [Computer slang and literary language: problems of competition]. In: *Issledovaniya po slavyanskim yazykam* [Research in Slavic languages], N 6, 2001. P. 203–216. (In Russian)

Gorshunov Yu.V. *Pragmatika abbreviatury* [Pragmatics of abbreviations]. Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. – Moskovskij pedagogicheskij gosudarstvennyj universitet. Moscow, 1999. 301 p. (In Russian)

Dolinskij V.A. *Tendenciya k abbreviacii i desemantizaciya slova* [The tendency to abbreviate and desemantize the word]. In: *Nauka bez granic: sinergiya teorij, metodov i praktik*. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Science without borders: synergy of theories, methods and practices. Proceedings of the International Scientific Conference]. / Otv. red. O.K. Iriskhanova. Moscow: MGLU, 2020. P. 205–209. (In Russian)

Dolinskij V.A. *Sinergetika i princip naimen'shego usiliya v yazyke i rechi* [Synergetics and the principle of least effort in language and speech]. In: *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura*. Seriya 6: Yazykoznanie [Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 6: Linguistics]. 2023. N 2. P. 51–70. (In Russian)

Zavgorodnij B., Sabitov V. *Zavgar i fendom: ot rassveta do zakata. Kniga o fantasticheskoj real'nosti i real'noj fantastike* [Zavgar and fandom: from dawn to dusk.

A book about fantastic reality and real fiction]. Ekaterinburg: EI «@elita», 2017. 511 p. (In Russian)

Krongauz M.A. *Slovar' yazyka interneta.ru* [Dictionary of the Internet language]. Moscow: AST-Press, 2016. 288 p. (In Russian)

Kuznecov A.V. *Pis'mennaya razgovornaya rech' v onlajn-kommunikacii* [Written spoken language in online communication]. In: *Molodoj uchyonyj*, N 3 (2), 2011. P. 24–26. (In Russian)

Mechkovskaya N.B. *Estestvennyj yazyk i metayazykovaya refleksiya v vek interneta* [Natural language and metalinguistic reflection in the age of the Internet]. In: *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian language in scientific coverage], N 2 (12), 2006. P. 165–185. (In Russian)

Nelyubin L.L. *Tolkovyj perevodovedcheskij slovar'* [Explanatory translation dictionary]. Moscow: Flinta: Nauka, 2003. 320 p. (In Russian)

Shepel' Yu.A. *Snova o komp'yuternom slenge* [Again about computer slang]. In: *Lingvisticheskij vestnik* [Linguistic Bulletin], N 1, 2013. P. 58–64. (In Russian)

[Fandom stats] Biggest fandoms, ships, and characters on AO3, 2021. URL: https://archiveofourown.org/works/29249172

Hugo Gernsback – American inventor and publisher. Encyclopædia Britannica. URL: https://www.britannica.com/biography/Hugo-Gernsback

Baron N. *Alphabet to E-mail: How Written English Evolved and Where It\'s Heading.* London, UK: Routledge & Keagan Paul, 2000. 316 p.

Britt R. 29.8.2016. "The First Modern Fandom Brought Sherlock Holmes Back From The Dead". URL: https://www.inverse.com/article/19987-sherlock-holmes-and-the-birth-of-fandom

Brown S. 04.20.2009. "Scott Brown on Sherlock Holmes, Obsessed Nerds, and Fan Fiction" WIRED, USA. URL: https://www.wired. com/2009/04/pl-brown-6/

Coppa F. *A Brief History of Media Fandom.* Jefferson, North Carolina: McFarland & Co Inc, 2006. – pp: 41-59.

Janissary Collective, Fandom as survival in media life. Farnham, UK: Ashgate, 2014. – pp. 77–89.

Schulz N., 31.12.2001. "Fan Fiction – TV Viewers Have It Their Way." Encyclopædia Britannica. URL: https://www.britannica.com/topic/Fan-Fiction-TV-Viewers-Have-It-Their-Way-1518184

Stanfill M. & Condis M. "Fandom and/as Labor." Transformative Works and Cultures, N 15, 2014. URL: https://journal.transformativeworks.org/index.php/twc/article/view/593/421

Wiktionary.org – abbreviatura [Elektronnyj resurs] URL: https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%B0%D0%B1%D0%B1%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

УДК: 811.111-26 DOI: 10.31249/ling/2025.03.03

Коптелова И.Е.[1]

50 ОТТЕНКОВ СЕРОГО: СЕМАНТИКА АХРОМАТИЧЕСКИХ ЦВЕТОВ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию семантики ахроматических цветов, которые входят в состав метафорических терминов подъязыка экономики. Цвет является одним из главных признаков, которые регистрирует человеческий мозг. Цвет по своей природе метонимичен, что можно видеть по их этимологии, которая приводится в статье. Термины-метафоры помогают осмысливать явления экономической деятельности. Цветообозначения входят в состав таких терминов-метафор. Для анализа цветотерминов были отобраны 75 лексических единиц с компонентами «черный – серый – белый». Из этих единиц необходимо выделить цепочки из трех цветов с одинаковыми существительными и определить основные семы ахроматических цветов в экономических метафорах. Семантика цвета культурно детерминирована, также она может зависеть от контекста. При формировании цветотермина-метафоры первоначально формируется термин с компонентом «черный», т.е. он является первичным. Оказалось, что среди троек, а также некоторых парных цветотерминов не всегда существуют парные метафоры в оппозиции «черный – белый», причем первичным является термин с компонентом «черный», а термин с компонентом «белый» не формируется из-за отсутствия необходимости в подобном термине, тогда вторичным терминов является метафора с компонентом «серый». Возможно также формирование тер-

Коптелова Ирина Евгеньевна, к.филос.н., доцент кафедры английского языка, Дипломатическая академия МИД РФ; ms.koptelova@list.tu

мина с компонентом «белый», но метафорическое значение цвета не будет «ложиться» в линейку сем тройки. Термин с компонентом «серый» - вторичен, причем семантика цвета шире, чем семантика полярных цветов «черный – белый».

Ключевые слова: черный; серый; белый; цветотермин; первичный термин.

Для цитирования: Коптелова И.Е. 50 оттенков серого: семантика ахроматических цветов в экономических терминах // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание. – 2025. – № 3. – С. 36–47. – DOI: 10.31249/ling/2025.03.03

Koptelova I.E.[*]

50 SHADES OF GREY: SEMANTICS OF ACHROMATIC COLOURS IN ECOOMIC TERMINOLOGY

Abstract. The article is devoted to the study of the semantics of achromatic colours, which are part of the metaphorical terms of the sublanguage of economics. Colour is one of the main features that the human brain registers. Colour is metonymic in nature, which can be seen from their etymology, which is given in the article. Metaphorical terms help to understand the phenomena of economic activity. Colours are part of such metaphorical terms. For the analysis of colour terms, 75 lexical units with the components “black - gray - white” were picked up. The units were divided into chains of three colours with the same nouns and the main semes of achromatic colours in economic metaphors were singled out. The semantics of colour is culturally determined, it can also depend on the context. When forming a colour term-metaphor, a term with the component “black” is first to be formed, i.e. it is the primary term. It turned out that among the triplets, as well as some paired colour terms, paired metaphors in the opposition “black - white” are not always formed, and the primary term is the term with the component “black”, and the term with the component “white” is missed due to the lack of need for such a term, then the secondary term is the metaphor with the component “grey”. It is also possible to form a term with the component “white”, but the metaphorical meaning of the colour will not “fit” into the line of semes of the triplet. The term with the component “grey” is secondary, and the semantics of colour is broader than the semantics of the polar colours “black - white”.

[*] Koptelova Irina Evgenyevna – candidate of philosophy, associated professor, English Chair, Diplomatic Academy of Russia’s Foreign Ministry; ms.koptelova@list.tu

Keywords: black; grey (gray); white; colour term; primary term.

For citation: Koptelova I.E. 50 Shades of Grey: Semantics of Achromatic Colours in Economic Terminology // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2025. № 3. P. 36–47. DOI: 10.31249/ling/2025.03.03

> "There is nothing more variable than the signification of words designating colour"
> [Hensleigh Wedgwood, "A Dictionary of English Etymology," 1859].
> «Нет ничего более изменчивого, чем значение слов, обозначающих цвет»
> [Хенсли Веджвуд, «Словарь английской этимологии», 1859].

Введение

Метафорическое мышление, т.е. способность мыслить образно, необходимо, чтобы воплощать сложные научные концепты в простые и доступные вербальные формы, излагать незнакомую информацию, используя аналогию со знакомой. Распространенным и заслуживающим внимания типом метафор и метонимий являются выражения, основанные на цвете, которые можно рассматривать как подкласс метафор и метонимий, основанных на внешнем виде. Их использование придает тексту, относящемуся к предметной области, оттенок динамизма, живости и яркости. Согласно Марджори Ф. Варгас: «…цвет — это больше, чем физическое разделение видимого света на составные части. Это мощный стимул для человека, как физически, так и психологически. Наше использование цвета постоянно коммуницирует смысловую нагрузку себе и другим» [Vargas 1989, p. 138]. Цвета играют важную роль в восприятии мира человечеством. Люди видят в цвете, и все вокруг нас цветное. Цвет связан с одним из самых важных чувств восприятия окружающего мира, поэтому цвет активно проникает в язык в виде цветовых метафор, причем и в язык той или иной профессиональной сферы деятельности. Цветовые термины полезны в метафорах, потому что они имеют естественные и общепринятые ассоциации, что позволяет лаконично выразить идеи и коннотации. Кроме того, цветотермины не только помогают передать новизну идей и явлений, но и выражают их эмоциональную оценку.

Первая сложность, с которой сталкиваются исследователи, – само понятие «цвет». Цвет является неотъемлемой частью повседневной жизни, но сформулировать определение «цвет» довольно сложно. Британская энциклопедия определяет его как "*the aspect of any object that may be described in terms of hue, lightness, and saturation. In physics, colour is associated specifically with electromagnetic radiation of a certain range of wavelengths visible to the human eye"* [Encyclopedia Britannica] (составляющая любого объекта, который может быть определен, через понятия цветового тона, яркости и насыщенности. В физике цвет непосредственно связан с электромагнитным излучением определенного диапазона длин волн, относящихся к видимой части спектра – зд. и далее перевод наш), а в Оксфордском словаре дается следующая характеристика: "*the property possessed by an object of producing different sensations on the eye as a result of the way it reflects or emits light*" [Oxford Dictionary On Line] (свойство, которым обладает объект, производить различные зрительные ощущения на глаз в результате того, как этот объект отражает или испускает свет).

Разработанность темы

История развития и основные положения теории метафоры и метонимии изложены в работах таких зарубежных и отечественных исследователей, как Н.Д. Арутюнова, М. Джонсон, Э. Кассирер, Дж. Лакофф, З. Кёвечеш, В.Н. Телия, А. Вежбицкая, В.Г. Гак, Э.В. Будаев, А.П. Чудинов, а также других лингвистов. Специфика восприятия окружающего мира человеком, представление результатов познавательных процессов в языковой форме отражается в терминологии различных профессиональных областей.

Исследователи единогласны во мнении, что цвет играет важнейшую роль в создании терминов-метафор, при этом термины с использованием цветообозначения используются как в буквальном, так и в метафорическом значении в разных языках. Определенные коннотативные значения цветов могут вызывать спонтанный отклик в той или иной культуре. У них также есть коннотативные значения, которые могут различаться в той или иной культуре или определенной области жизни.

Среди цветотерминов языка экономики наиболее часто используются три цвета: *black – grey (gray) – white*, образуя своеобразную цветовую шкалу с ярко выраженным оценочным компонентом.

Они относятся к ахроматическим цветам, не имеющим оттенков и насыщения. Серый представляет собой смесь черного и белого разной степени насыщенности. Человеческий глаз способен различить до 400 переходных оттенков от белого к черному.

В любой культуре цвета сами по себе метафоричны, поскольку они передают абстрактные понятия или чувства; цвета большую часть времени используются метафорически как конкретные исходные домены для иллюстрации абстрактного целевого домена. Однако этимология наименования того или иного цвета зачастую может быть прослежена до прототипов объектов того цвета, который они представляют, что подразумевает метонимичность наименований цвета [Thinard, 2019]. «Черный» может происходить от протогерманского **blakaz-* [Etymonline], обозначающего «обожженный», «черный» мог передавать цвет любого сгоревшего материала. «Белый» происходит от древнеанглийского *hwit* – «белизна, белые пищевые продукты (молоко, мука, белок яиц)» (производное от протогерманского **hweit-* [Etymonline], т.е. «белый, светить»). Что касается слова grey, то четкая метонимическая этимология не прослеживается, хотя древнеанглийское слово *grǣġ* зарегистрировано впервые в 700 г. до н.э. Часто использовалось в значении «стареть», позднее означало цвет некрашеной шерсти [Etymonline] и, поскольку одежду из такой шерсти носили в основном крестьяне, слово приобрело значение «бедный».

Следует отметить, что в большинстве культур черный часто ассоциируется с тем, что плохо, тогда как белый часто символизирует то, что хорошо.

Черный и белый – одни из наиболее сильных по воздействию на человека цветов, при этом черный цвет символизирует тьму, зло, отчаянье или неизвестность. Белый цвет, наоборот, символ света, чистоты, правды, Серый цвет, являясь промежуточным в этой шкале, означает неопределенность и двойственность. Хотя у этих трех цветов существуют и другие ассоциации в зависимости от области знания, в которой они рассматриваются.

Цель статьи

Три ахроматических цвета – *black, grey* и *white* – дают наибольшее количество цветотерминов в языке экономики. Под цветотерминами мы будем понимать лексические единицы-словосочетания, один из компонентов которых представлен наименованием цвета и которые являются терминами или единицами профессио-

нального сленга, функционирующими в подъязыке экономики [Коптелова, Фадеева, 2018, с. 348].

Цель настоящей статьи:

1) выделить цепочки, состоящие из трех цветотерминов;

2) определить семантику значения наименования цвета;

3) показать, что три ахроматических цвета могут передавать разные значения, входя в состав метафор и метонимии и, порой, не составлять триаду.

Актуальность исследования экономической терминологии английского языка обусловлена как расширением экономической интеграции при преимущественном развитии англоязычных бизнес-коммуникаций, так и возникновением все новых лексических единиц, основанных на метафорах и метонимии.

Для достижения поставленной нами цели были изучены теоретические исследования метафоры и метонимии в когнитивном аспекте, произведен отбор цветотерминов (ряд-тройка) и их последующий анализ значений колоратива в соответствии с традиционным шаблоном.

На основе сплошной выборки с использованием словарей [Oxford Dictionary] и электронного ресурса Investopedia.com [Investopedia] были отобраны 28 терминов с колоративом *black*, 26 терминов с колоративом *white* и 20 терминов с колоративом *grey* (всего 75 лексические единицы). Из них 54 входят в состав 18 цепочек-троек, 16 единиц составляют пары (восемь пар) и пять примеров – единичные цветотермины.

При анализе примеров, отобранных из текстов экономической тематики (газетных и узкопрофессиональных), были установлены главные компоненты семантического значения указанных колоронимов в составе цветотерминов. Одновременно были выявлены дополнительные значения и коннотации.

Рассматриваемый «ахроматический цветоряд» не ограничен сферой экономической терминологии; его можно встретить и в языке политики. Несколько лет назад термины black Brexit, white Brexit, grey Brexit использовались для описания сценария выхода Великобритании из Евросоюза (означая «окончательный разрыв», «мягкий разрыв», «промежуточный вариант»). Они появились как политические термины, а затем «ушли» в область экономики, описывая различные режимы размежевания Великобритании и Евросоюза и дальнейшее взаимодействие сторон, в первую очередь в области экономического сотрудничества:

"The context is the 'grey' characterisation applied by journalists to a middle course between soft (white) and hard (black) Brexit, reportedly…" [The Irish Independent, Dec. 18, 2016] («Контекстом является «серая» характеристика, применяемая журналистами к среднему курсу между мягким (белым) и жестким (черным) Брекзитом, …»).

Стоит еще раз сказать, что, помимо того, что цветовые метафоры нередко основаны на метонимии, мы также имеем дело с абстрактными ассоциациями. Однако следует иметь в виду, что иногда культурная составляющая может кардинально менять значение (цвет траура в западной культуре – черный, в восточной – белый).

Результаты и дискуссия

В экономическом дискурсе рассматриваемый цветоряд приобретает следующие значения: преступный / незаконный / неофициальный (*black)* – полулегальный / неофициальный (*grey*) – законный / правовой / официальный (*white*). Следовательно, следующие экономические термины будут иметь значение:

black money – доходы, полученные от незаконной деятельности, такой как азартные игры или наркотрафик (русск. «грязные деньги», черный нал);

grey money – доходы, полученные в результате незаконных схем или ухода от налогов через оффшорные фонды (русск. «подпольные» деньги, «серые» доходы) [https://financial-dictionary.thefreedictionary.com/Gray+Money];

white money – законно полученные доходы, с которых уплачены налоги [www.Cambridge Dictionary on line].

Исторически первым возник термин white money, но его значение представляло собой пример ассоциации по цвету, т.е. «деньги (монеты) из серебра».

Следующая семантическая цепочка, которую составляю ахроматические цвета: разрушительный / роковой / недружественный (*black*) – вероятный / неопределенный (*grey*) – предсказуемый / положительный / дружеский (*white*), например: *black / grey / white swan; black / grey / white knight.*

При рассмотрении цепочек терминов, состоящих из трех ахроматических цветов, выясняется, что при наличии двух терминов (с колоронимами *black* и *grey*), семантика которых соответствует вышеприведенным значениям, третий цветотермин (*white* +) существует, но имеет совершенно другое значение, например:

black economy – «теневая экономика», т.е. сегмент экономической деятельности страны, который исходит из источников, выходящих за рамки правил и положений страны в отношении торговли;

grey economy – «серая экономика» (подразумевает любую экономическую деятельность), законная, но не регистрируемая и не регулируемая;

white economy – используется для обозначения производственного кластера, включающего биомедицинскую, фармацевтическую и диагностическую отрасли, а также сестринский уход, как частный, так и государственный.

В тройке *black collar / grey collar / white collar workers* колоронимы *black* и *white* не составляют антонимическую пару, т.к. в диахронии они основаны на метонимии, где термин *black collar* действительно означал «черные», т.е. «грязные» воротнички работников горнодобывающей промышленности, только позднее приобрел дополнительное значение «люди, занимающиеся незаконной деятельностью». Следующее изменение значения термина, которое пытается закрепиться сейчас – «творческие профессионалы» [Коптелова, 2024, с. 38], такие как графические дизайнеры, художники, видеопродюсеры (из-за их предпочтения одежды черного цвета). Термин g*rey collar workers* еще не прошел окончательную лексикализацию и может означать несколько категорий работников: 1) работник, занятый в полузаконной сфере деятельности (сема «неофициальный, полулегальный»), 2) работник, не относящийся полностью ни к «белым», ни к «синим воротничкам», т.е. работник «средней квалификации, гибридный». Спектр профессий таких работников очень широк, включая специалистов, получивших профессиональное образование (например, бакалавриат) (сема неопределенности). Этим же термином обозначают работника, получившего образование, но работающего не по специальности [Коптелова, Фадеева, 2018, с. 30]. Этот же термин применяют к работникам, продолжающим работать после наступления пенсионного возраста (сема возраста) [Коптелова, 2024, с. 38].

Терминологическая пара *white goods – grey goods*, зафиксированная еще в XIX веке, была связана именно с цветом товара (беленое – небеленое полотно и изделия из него), однако она исчезла из общего пользования в XX веке, оставшись только в отраслевом употреблении, но нашла свое «продолжение» в термине *white sale* (распродажа текстильных товаров, постельного белья), а

термин *black sale* означает незаконную распродажу. Существующие сейчас термины *black goods (Am.) – gray goods – white goods* связаны не с метафорическим переносом, а с переносом цвета корпуса товара на весь товарный ряд [Коптелова, Фадеева, 2018, с. 349–350]. Данные примеры показывают использование значений, отличных от основной семантики.

Результат анализа цветотерминов выявил, что многие термины с компонентом *black* не имеют антонима, что приводит к «ущербности» микрополя терминов с компонентом *white* в сравнении с цветотерминами, имеющими в своем составе цветонаименования *black/grey*. Можно предположить, что первым возникает цветотермин с компонентом *black*, а лишь затем возникает термин с компонентом *white*, что делает цветотермины с компонентом *white* вторичными. Цветотермин с компонентом *grey* практически всегда вторичен.

Например, у цветотерминов *black aquisition* и *black procurement*, в которых актуализируется сема «незаконность/преступность», отсутствуют антонимы, что можно объяснить тем, что необходимость отдельной номинации действий субъектов экономической деятельности, которые совершаются ими в рамках закона, отсутствует [Ивина, Мангова, 2019].

Кроме того, все термины с компонентом *grey* образованы с помощью метонимии, при этом большинство единиц с данным компонентом возникли по аналогии с единицами, содержащими компонент *black*: *black dollar – grey dollar*, *black hat – grey hat*, *black import – grey import, black swan – grey swan*. Следует отметить, что большинство терминоединиц с компонентом *grey* в таких парах не имеет положительной коннотации. Компонент *grey*, внося в концептуальную структуру этих терминов элемент неопределенности, всего лишь актуализирует потенциально более мягкие варианты ситуаций и явлений по сравнению с соответствующими единицами с компонентом *black*. Так, «серый лебедь» (*grey swan*) – это описание событий, которые более предсказуемы, чем события «черный лебедь» (black swan), т.е. события, которые не могут быть просчитаны заранее, имеют огромное влияние, а постфактум неуместно рационализируется [Коптелова, 2022, с. 1].

На пике движения активистов *Black Lives Matter* возникла попытка «исправить» негативную коннотацию прилагательного *black*, заменив цвет каким-либо нейтральным определением. Например, вместо словосочетания *black list (to be blacklisted)* они

предложили использовать *not allowed list* или, как вариант, *stop list (to be stoplisted)* [Шевченко, 2020].

Выводы

Поскольку «черный» и «белый» являются противоположностями, некоторые цветотермины были придуманы, чтобы обозначить эту оппозицию; так как серый цвет находится между черным и белым, некоторые цветотермины, включающие серый цвет, были придуманы после других, включающих черный или белый цвет, чтобы указать на концепцию, расположенную между ними. В этом случае выстраивается цепочка со значениями: преступный / незаконный / неофициальный (*black)* – полулегальный / неофициальный (*grey*) – законный / правовой / официальный (*white*) или разрушительный / роковой / недружественный (*black*) – вероятный / неопределенный (*grey*) – предсказуемый / положительный / дружеский (*white*).

Цветотермины с одинаковым существительным, но разными цветовыми компонентами "*black"*(черный) – *"white"*(белый*)* не всегда составляют антонимическую пару. Существующий цветотермин может появиться в результате переноса (метафорического или метонимического) вне оппозиции *black – white.* Термин с компонентом *grey* либо используется для передачи понятия, промежуточного по отношению к терминам с цветокомпонентами *black – white*, либо составляет пару к цветотермину с компонентом *black*. Кроме того, *grey* может передавать сему возраста или сему квалификационных умений.

Список литературы

Ивина Л.В., Мангова О.Б. Концептуальные модели англоязычных экономических терминов с компонентом цветообозначения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – № 2. – С. 45–49.

Коптелова И.Е. О работниках и цветотерминах : ежедневно меняется мода… // Новый мир. Новый язык. Новое мышление : Сб. материалов конференции. – Москва : Дипломатическая академия. 2024. – С. 36–41.

Коптелова И.Е. Чудеса селекции : разноцветные лебеди // Российский лингвистический бюллетень. – 2022. – № 4 (32).

Коптелова И.Е., Фадеева И.А. Разноцветная экономика // New World. New Language. New Thinking : Сб. материалов конференции. – Москва : Дипломатическая академия, 2018. – С. 348–352.

Коптелова И.Е., Фадеева И.А. Цветные воротнички // Язык. Культура. Общество. Актуальные вопросы, методы исследования и проблемы преподавания. – Москва : Квант-Медиа, 2018. – С. 24–34.

Шевченко А.П. О движении BLACK LIVES MATTER и восстановлении «лингвистической справедливости» // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Сер. : История, культура и искусство. – 2020. – № 01 (01). Режим доступа : https://scipress.ru/fai/articles/0-dvizhenii-black-lives-matter-i-vosstanovlenii-lingvisticheskoj-spravedlivosti.html (дата обращения: 30.01.2025)

Thinard M. Colours & Metaphors : A Study of Black, White and Grey Metaphors in English Idioms. [electronic resourse]. – 2019. – URL : https://www.academia.edu/42630421/Colours_and_Metaphors_A_Study_of_Black_White_and_Grey_Metaphors_in_English_Idioms (last accessed 18.03.2025)

Vargas M.F. Louder Than Words. – Iowa State University Press, 1989. – 188 p.

Cambridge Dictionary on line. – URL : https://dictionary.cambridge.org/us/dictionary/english/white-money (last accessed 12.02.2025)

Encyclopedia Britannica. – URL : https://www.britannica.com/science/color (last accessed 18.02.2025)

Etymonline. – URL : https://www.etymonline.com/ (last accessed 18.02.2025)

Financial Dictionary. The Free Dictionary. – URL : https://financial-dictionary.thefreedictionary.com/Gray+Money (last accessed 12.02.2025)

Investopedia. – URL : https://www.investopedia.com/ (last accessed 12.02.2025)

Oxford Dictionary on line. – URL : https://languages.oup.com/google-dictionary-en/ (last accessed 10.02.2025)

References

Ivina L.V., Mangova O.B. *Konceptual'nye modeli angloyazychnyh ekonomicheskih terminov s komponentom cvetooboznacheniya* [Conceptual models of English-language economic terms with a color-coding component]. In : *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Lingvistika I mezhkul'turnaya kommunikaciya. 2019*. № 2. Pp. 45–49. (in Russian).

Koptelova I.E. *O rabotnikah i cvetoterminah : ezhednedno menyaetsya moda…* [About workers and color terms : fashion changes daily…]. In : *Novyj mir. Novyj yazyk. Novoe myshlenie. Sb. Materialov konferencii. Moscow : Diplomaticheskaya akademiya*. 2024. – Pp. 36–41. (in Russian)

Koptelova I.E. *Chudesa selekcii : raznocvetnye lebedi* [Miracles of selection : multicolored swans]. In : *Russian Linguistic Bulletin*. 2022. № 4 (32). (in Russian)

Koptelova I.E. *Raznocvetnaya ekonomika* [Colourful economy] / I.E. Koptelova, I.A. Fadeeva. In : New World. New Language, *New Thinking: materialy mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferencii. 06 fevralia 2018. Moscow [Proceeds of interinstitutional scientific and practical conference. 06 February 2018. Moscow]* / Diplomaticheskaya akademiya MID RF. [Diplomatic Academy of Russia's Foreign Ministry]. Moscow, 2018. Pp. 348–352. (in Russian)

Koptelova I.E. *Cvetnye vorotnichki* [Coloured collars] / I.E. Koptelova, I.A. Fadeeva. In : *Yazyk, Kul'tura. Obscestvo. Aktual'nye voprosy, metody issledovaniya I problemy prepodavaniya : Sbornik nauchnyh statej* [Language. Culture, Society. Impor-

tant issues, methods of research and challenges of teaching. : Collection of research articles]. Moscow : Kvant-Media, 2018. Pp. 24–34 [in Russian]

Shevchenko A.P. *O dvizhenii BLACK LIVES MATTER i vosstanovlenije "lingvisticheskoj spravedlivosti"* [On BLACK LIVES MATTER movement and restoration of "linguistic justice"]. In : *Filologicheskiy aspect : mezhdunarodnyj nauchno-prakticheskij zhurnal. Ser. : Istoriya, kul'tura i iskusstvo* [Filological Aspect : international research and practice magazine. Issue: History, culture and art]. 2020. N 01 (01). – URL: https://scipress.ru/fai/articles/o-dvizhenii-black-lives-matter-i-vosstanovlenii-lingvisticheskoj-spravedlivosti.html [in Russian]

Thinard M. Colours & Metaphors : A Study of Black, White and Grey Metaphors in English Idioms. 2019. – URL : https://www.academia.edu/42630421/Colours_and_Metaphors_A_Study_of_Black_White_and_Grey_Metaphors_in_English_Idioms (last accessed 18.03.2025)

Vargas M.F. Louder Than Words. Iowa State University Press, 1989. 188 p.

Cambridge Dictionary on line. – URL: https://dictionary.cambridge. org/us/dictionary/english/white-money (last accessed 12.02.2025)

Encyclopedia Britannica. – URL: https://www.britannica.com/science/color (last accessed 18.02.2025)

Etymonline. – URL: https://www.etymonline.com/ (last accessed 18.02.2025)

Financial Dictionary. The Free Dictionary. – URL: https://financial-dictionary.thefreedictionary.com/Gray+Money (last accessed 12.02.2025)

Investopedia. – URL: https://www.investopedia.com/ (last accessed 12.02.2025)

Oxford Dictionary on line. – URL: https://languages.oup.com/google-dictionary-en/ (last accessed 10.02.2025)

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81’23 DOI: 10.31249/ling/2025.03.04

Моисеева А.В.[1], **Титлова А.С.**[2]

ЭЛЕМЕНТЫ МЕТАЯЗЫКОВОЙ РЕФЛЕКСИИ КАК МЕХАНИЗМ ПЕРЕДАЧИ СМЫСЛА

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы проявления метаязыковой рефлексии на материале реакций-комментариев пользователей мессенджера Телеграм. Анализируются метаязыковые выражения, а именно, языковые рефлексивы как способы оптимизации процесса понимания. Исследуются ресурсы языковой системы, являющиеся вербализацией коммуникативного процесса, а также, имплицитные характеристики, содержащиеся в высказываниях адресата и представляющие собой экспликацию смысловой проекции текста на сознание реципиента. Сигналы метаязыковой рефлексии позволяют выявить характерные особенности, а также определить степень и уровень проявления рефлексии в актах вербализации метаязыкового сознания. Анализируются причины проявления метаязыковой рефлексии в условиях онлайн коммуникации.

Ключевые слова: метаязыковая рефлексия; понимание; интернет-коммуникация; языковое сознание; языковые рефлексивы.

Моисеева Ангелина Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов Высшей школы зарубежной филологии, лингвистики и перевода Института гуманитарных и социальных наук Уфимского университета науки и технологий; mo_link@mail.ru

Титлова Анастасия Станиславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов Высшей школы зарубежной филологии, лингвистики и перевода Института гуманитарных и социальных наук Уфимского университета науки и технологий; nastyatitl@gmail.com

Для цитирования: Моисеева А.В., Титлова А.С. Элементы метаязыковой рефлексии как механизм передачи смысла // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание. – 2025. – № . 3. – С. 48–61. – DOI: 10.31249/ling/2025.03.04

Moiseeva A.V.[*], Titlova A.S.[**]

ELEMENTS OF METALINGUAL REFLECTION AS A MECHANISM OF MEANING TRANSFER

Abstract. The article examines the mechanisms of manifestation of metalinguistic reflection based on the material of reactions-comments of Telegram messenger users. Metalinguistic expressions are analyzed, namely, linguistic reflexives as ways of optimizing the process of understanding. The resources of the language system, which are the verbalization of the communicative process, are studied, as well as the implicit characteristics contained in the addressee's statements and representing an explication of the semantic projection of the text onto the recipient's consciousness. The signals of metalinguistic reflection allow us to identify characteristic features, as well as to determine the degree and level of manifestation of reflection in acts of verbalization of metalinguistic consciousness. The reasons for the manifestation of metalinguistic reflection in online communication are analyzed.

Keywords: metalinguistic reflection; understanding; Internet communication; linguistic consciousness; linguistic reflexives.

For citation: Moiseeva A.V., Titlova A.S. Elements of Metalinguistic Reflection as a Mechanism of Meaning Transfer // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2025. № 3. P. 48–61. DOI: 10.31249/ling/2025.03.04

Процесс речевой межличностной коммуникации характеризуется такой трансформацией информации при которой происходит «обмен смыслами», генерируемыми языковым сознанием ком-

[*] Moiseeva Angelina Valerievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of Natural Faculties of Higher School of Foreign Philology, Linguistics and Translation, the Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology; mo_link@mail.ru

[**] Titlova Anastasya Stanislavovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of Natural Faculties of Higher School of Foreign Philology, Linguistics and Translation, the Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology; nastyatitl@gmail.com

муникантов [Пешкова, 2015, с. 232]. В ходе презентации языкового сознания рождаются смыслы, обусловленные персонализированными характеристиками языковой личности, такими как особенности восприятия и понимания.

Говоря о «смысле текста» и «смыслах текста», И.В. Соловьева подчеркивает разницу в механизмах образования данных понятий. Согласно автору, общий «смысл текста» является продуктом сознательной деятельности индивида, направленной на восстановление структуры связей и отношений между различными «элементами деятельности и коммуникации» в ходе понимания текста [Соловьева, 2002, с. 109]. «Смыслы текста» представляют собой вариативные образования, порождаемые характером возникающих рефлексивных процессов [там же].

В классической оппозиции «смысл – значение» Л.С. Выготского смыслу отводится более широкое понимание в виде комплекса всевозможных элементов психологической природы, генерируемого сознанием под действием речевого стимула. Значению принадлежит лишь одна из многих частей смыслового образования, возникающего в процессе восприятия единицы языка, обусловленного определенным контекстом [Выготский, 1982].

Та совокупность фактов и обстоятельств, что оказывает воздействие на значение, трансформирует его в смысловое образование. Таким образом, психологическое состояние индивида, все языковые знания и представления реализуются на данном этапе через речетворчество, представляющее результат интерпретации фактов действительности языковым сознанием личности.

По мнению А.Р. Лурии, процесс понимания общего смысла отличается от механизма усвоения внешнего содержания речевого высказывания. Исследователь поднимает вопрос о речемыслительных механизмах, которые обеспечивают понимание речевого контекста и намерений говорящего, в итоге способствующих выходу внешнего значения речевого высказывания на уровень соответствующий внутреннему, имплицитному смыслу. Под значением автор понимает объективное отражение системы связей и отношений, тогда как смысл привносит субъективные факторы, включающие психоэмоциональное состояние, ситуативный контекст конкретного момента действительности [Лурия, 1979].

Принимая во внимание тот факт, что и смысл, и значение принадлежат к внутренней стороне слова, А.Н. Леонтьев выделяет смысл в качестве первичного элемента процесса понимания. Значение как закрепленное за определенным фактом действительно-

сти понятие может приобрести некоторое количество разнообразных (иногда противоположных) смыслов в ходе обращения к нему реципиентов, обладающих специфическими намерениями, целями и интенциями. Именно в процессе продуцирования смысла запускается процесс языковой рефлексии, проявляющийся в высказываниях индивидуумов [Леонтьев, 1997].

Согласно описанию А.И. Новикова, смысл управляет отбором и распределением языковых средств при создании речевого произведения, он же является целью, средством и результатом его понимания, формирующимся в виде ментального образования в сознании адресата [Новиков, 1999 а,б].

Важно отметить, что исследователь относит смысл сообщения не как принадлежащий тексту, а как присущий сознанию реципиента, воспринимающего сообщение. Следовательно, изучение смысловой структуры речевого произведения должно начинаться с анализа смысловой сферы сознания воспринимающей его личности [Новиков, 2002, с. 179].

Поскольку большая часть общения на сегодняшний день происходит онлайн, в силу стремительного развития информационных технологий, актуальными для современной лингвистики становятся вопросы отражения в интернет-коммуникации обыденного метаязыкового сознания.

Интернет-коммуникация представляет собой интерактивное взаимодействие людей в сети Интернет, осуществляемое путём обмена в режиме реального времени знаковыми и мультимедийными сообщениями, в ходе которого происходит взаимная передача информации, т.е. «смыслообмен».

Рассматривая проявления обыденного метаязыкового сознания в онлайн коммуникации, М.Ю. Сидорова и др. выделяют среди признаков данной коммуникационной среды помимо интерактивности и диалогичности такие технические параметры как допустимость редактирования текстов и возможность оценивания чужих сообщений. Кроме того, дистанционный характер общения, а также отсутствие контроля, способствует преобладанию неформального стиля общения. Анонимность в онлайн коммуникации способствует порождению иллюзии в вопросах возрастного и гендерного определения. Если данный процесс является целенаправленным, то он может иметь под собой развлекательные либо корыстные намерения, поскольку желание создать виртуальный образ, не соответствующий действительности, не может быть бессознательным [Сидорова, 2009]. Упомянутые характерные особенности опреде-

ляют степень и уровень проявления рефлексии в актах вербализации метаязыкового сознания.

Любой представитель конкретного национального языкового сообщества ситуативно размышляет, осознает и, в той или иной степени, контролирует процесс порождения своей речи. По словам Т.В. Шмелевой, индивидуум обладает осознанностью коммуникативного намерения и предпринимает сознательный отбор языковых средств, а также, проводит наблюдение и анализ языковых фактов, их оценку и сравнение с нормой, с вербальными реализациями других людей [Шмелева, 1999].

В процессе вербализации мысли, представляющего собой творческий акт реализации авторского замысла в языке, возможно не только получить фактуальную информацию, но и проанализировать индивидуальность автора посредством изучения персонализированной семантики говорящего (пишущего). Одним из многообещающих направлений в психолингвистике текста является исследование способов речевой реализации языковых средств, учитывающее влияние фактора говорящего и его эмотивно-оценочного отношения.

В ходе коммуникативного процесса адресант задействует разнообразные средства языка, стремясь достичь согласованности с адресатом и реализовать собственное коммуникативное намерение, которое неявно проявляется в выборе лексики. В этом контексте выделяют два этапа интерпретации: первый этап связан с «этническим» компонентом, присущим языковой системе, а второй этап характеризуется персональным компонентом, порождающим индивидуально-авторские, окказиональные языковые средства [Бондарко, 2011].

Согласно И.Т. Вепревой, персональный компонент включает не только индивидуально-авторские неологизмы, но и паронимы, а также средства пассивного словаря, применение которых требует дополнительной информации для обоснования. Целью использования таких средств является обеспечение полноты восприятия сообщения адресатом, что реализуется в виде языковых рефлексивов – «маркеров когнитивно-речевого взаимодействия коммуникантов» [Вепрева, 2005, с. 79].

Из самого определения метаязыковой рефлексии следует двуступенчатость ее природы. На первом этапе происходит ментальный процесс истолкования некоего языкового явления, затем следует акт вербализации результата истолкования средствами языка [Шумарина, 2011]. Реализация метаязыкового сознания про-

исходит посредством языковых средств, которые может наблюдать и анализировать исследователь.

Реализацию метаязыковой рефлексии в языке можно проследить посредством прямых сигналов (языковых средств, эксплицитно и четко выражающих метаязыковое содержание) и косвенных (средства оформления метаязыкового контекста, для которых метаязыковая функция не является первичной) [Голошубина, 2016].

Приведем примеры прямых сигналов метаязыковой рефлексии, которые находят своё выражение в терминах, выражающих ментальные процессы (орфография и пунктуация авторов сохранены):

эти сынодочки – что это? ну может я чегото не понимаю, но ты либо мальчик либо девка [t.me/makakaizmanaka_news].;

людиии! объясните мне что она в нем нашла: пирсинг, грязные патлы, вечно дурацкая улыбочка, шмотки как с бомжа снял [t.me/makakaizmanaka_news];

А вообще я вот думаю, он заказал какое то приложение, нафига??? [t.me/antikpero].

К прямым сигналам относится употребление вводных конструкций, модальных слов и частиц, наречий и прилагательных, характеризующих манеру изложения:

Господи, ну кто его учил так предложения строить((((ну это же вырви глаз [t.me/antikpero]*;*

Короче пахнет пирамидой больше, тогда приложение логично, те кто его в это втянул живут в Дубаях. Ну конечно, это лишь мои фантазии, может это совсем не так [t.me/antikpero]*;*

Вы что такая некомпетентная? Гусь уже мульонер [t.me/antikpero]*;*

А манг видели когда нибудь? А смузей? А книгу «Уолк с Уолл-стрит» читали пять лет как три года и все на двадцатой странице примерно? Нет? Ну вот [t.me/antikpero]*;*

Ток слепой не заметит, что Тоська в жоском поиске [t.me/antikpero].

О метаязыковой рефлексии сигнализирует использование набора средств графического выделения, частота употребления которых довольна высока. Как правило, применяются курсив, капитализация и редупликация: *Какая долбанутая? Зачем это показывать? ЧТО ЗДЕСЬ КРАСИВОГО??? КОМУ ЭТО НУЖНО??? лицезреть твои телеса??? а главное ЗАЧЕЕЕМ?* [t.me/antikpero];

Не знаю, как это назвать, как будто видит, что шея в гармошку складывается, и упс… [t.me/antikpero];

Ну, хочешь, отправь ты это «своему мальчику», он оценит. Но мы то как должны это все воспринимать??? Но я не осуждаю, я реально НЕ ПОНИМАЮ, зачем? [t.me/antikpero];

Дышшшии, Ксень, дышшшии [t.me/antikpero].

Графические выделения в данных примерах обусловлены стремлением передать эмоциональный посыл, обратить внимание собеседника на конкретную фразу, которая, по мнению адресата, является наиболее эмоционально заряженной.

Пытаясь передать смысл сообщения, не допустить потери интереса со стороны собеседника, адресант часто пренебрегает соблюдением орфографических норм при наборе текста, в результате чего продуцируется сообщение, содержащее опечатки и ошибки.

Согласно нашим наблюдениям, восприятие данного явления зависит от эмоционального состояния участников онлайн диалога. Если общение происходит в дружеской, комфортной атмосфере, даже между незнакомыми людьми, то ошибки, как правило, не замечаются, т.к. важен смысл передаваемого и коммуниканты нацелены на обмен данными. Однако если пользователи имеют цель не передать информацию, а, например, выплеснуть накопленные негативные эмоции, то ошибки адресата не только примечают, но и подчеркивают: *Сколько операция стояла или это бартер за рекламу?; СтоЯла или лежала? Вам бы русский подучить, а не операции чужие обсуждать* [t.me/makakaizmanaka_news].

Языковая рефлексия, реализуемая при подчеркивании чужих ошибок, их исправлении, а также обсуждении, имеет помимо очевидной причины в виде наличия свободного времени в момент общения, когда можно отвлечься от сути и обратить внимание на форму, руководствуясь искреннем стремлением познакомить собеседника с языковыми нормами, отсутствия острой необходимости в быстрой передаче информации, еще и имплицитную, а именно, инициация общения с целью провокации, выражения раздражения и даже агрессии.

Кроме вышеупомянутых, можно отнести к прямым сигналам метаязыковой рефлексии объяснение новых или неизвестных слов, а также включение элементов языковой игры, словотворчества.

К косвенными сигналам экспликации метаязыковой рефлексии относят использованием нестандартной графики и орфографии.

Встречается также обусловленное авторской интенцией сознательное отступление от кодифицированных норм, например, на-

писание «жы» (*жызнь*), образование новых слов путём добавления лишней буквы или словообразовательного форманта (*Дубайск*).

Следует отметить, что непреднамеренное ошибочное написание встречается нечасто. Гораздо более частотным является целенаправленное употребление неправильного написания, а именно использование фонетических и орфографических эрративов. Эррати-визация представляет собой осознанное нарушение норм и не является следствием необразованности или безграмотности участников коммуникации, напротив, использование эрративов присуще вполне грамотным коммуникантам, и очень часто связано с выражением чувства юмора, с косвенной иронией, сарказмом, а не с проявлением ложно понимаемой свободы общения [Пешкова и др., 2024]. Кроме того, в социальной коммуникации распространено явление упрощения пунктуационных элементов, а именно пропуск точек, запятых и т.д. Также частым приемом является замена прописных букв строчными в начале предложения:

откуда же огенты знат один он летит в Дубайск или не один [t.me/antikpero]*;*

Боровиху лухарикосметолог перестал обкалывать, камфликть? [t.me/antikpero];

Хоспади. А зачем? [t.me/antikpero];

На хруди у нее заморозка [t.me/antikpero]*;*

Так она жмурится от боли. Естессна, морщины будут [t.me/antikpero].

Способность анализировать себя и мотивы собственных поступков, реализуемая посредством языковых явлений в общении, направленном на другого индивидуума, выполняет главную функцию – уточнение, направленное на достижение более глубокого понимания между коммуникантами. Однако функционал языковых рефлексивных средств может быть расширен за счёт ряда дополнительных функций.

Метаязыковой комментарий может выступать показателем достоверности информации, помогающим преодолеть смысловую неопределенность (*если уж начистоту*, *поговорив по душам*, *вот как на духу тебе скажу)*:

Надо честно признаться, актриса она никакая[t.me/maka kaizmanaka_news]*;*

Ну так то это официальный гос орган дал пояснение[t.me/makakaizmanaka_news]*;*

Да, да! И горжусь тем, что не отказываю в фото даже, когда выгляжу как обезьяна. Все люди, все женщины. А уж когда

спишь по 4 часа в сутки – можно и хуже выглядеть. Не стыдно, не стесняюсь, не бегу от возраста. И вам советую [t.me/lerakudryavtseva].

Целенаправленный процесс передачи смысла сопровождается построением конструктивного, согласованного диалога с адресантом, отражающего авторскую установку на вежливое общение, снятие речевой агрессии и демонстрацию уважения к адресату:

Я конечно привыкла к хейту и зависти в свой адрес [t.me/antikpero]*;*

Ириш, пардон, новый поклонник научил, чтобы без бранный слов [t.me/makakaizmanaka_news].

Использование метаязыковых образований может быть направлено на формирование доверительной атмосферы общения между автором и читателем, по принципу «только никому»:

Муж лучше конечно намного, на мой взгляд [t.me/maka kaizmanaka_news]*;*

Вроде как дождь писал что ни там ни там его нет [t.me/antikpero]*;*

Видео тоже можно сделать постановочное. Особенно в нынешнее время с ИИ. Так что... [t.me/antikpero]

Языковые рефлексивы могут служить для демонстрации имплицитной негативной оценки, которая идет, как бы, не от автора, а от третьих лиц:

Он сам рассказывал, что она не хотела третьего ребенка [t.me/makakaizmanaka_news]*;*

Она по хамски вела себя на съемках Трансформеров, поэтому из след части ее поперли [t.me/makakaizmanaka_news]*;*

У этого метра с кепкой по любому комплексы, сидит кичится расставанием, мол я ее первый бросил, да еще и по телефону [t.me/princessaverandot].

Сюда можно отнести сообщение, в стилевом оформлении напоминающее речь «героя»: *спасибо тебе за тебя! Мне не к спеху, можно отправить через два года с разницей в два дня. ты же бизнесмен уже пять лет как три года.* В данном примере пользователь пишет текст от имени блогера-миллионника, копируя его манеру речи, подчеркивая безграмотность, и, в целом, иронично осуждая его как личность и производимый им контент.

Рефлексия может выражаться через высказывание, представляющее собой псевдоизвинение, демонстрирующее сарказм и реализующее своеобразную форму речевой агрессии:

Мда. А этот ее разрисованный, пирсингованный, тощий не раздражает? [t.me/makakaizmanaka_news]

Лучше бы в терапию пошли и разобрались, почему чужая жизнь, вам покоя не дает…[t.me/makakaizmanaka_news]

УУУУ, тут все понятно [t.me/makakaizmanaka_news]*;*

Ну угасли отношения с женой…ну разойдись как нормальный мужик. А он какой то фу прям лоснявый тошнотик [t.me/princessaverandot]*;*

Извините, но я не просил автобиографию вашего родственника. Я спросил какие там нагрузки. Плясать в туфлях на паркете, вот и вся нагрузка [t.me/princessaverandot].

Метаязыковая рефлексия может быть словесно оформлена в виде аксиологического, оценочного высказывания, сопровождающегося аргументацией:

Я про лицо. Злое лицо у нее, как ни крути. И губы эти узкие и нос вздернутый, брови [t.me/makakaizmanaka_news]*;*

То, что карьера Меган пошла вниз, она сама виновата, у нее ужасный характер, да и как актриса она 0 [t.me/makakai zmanaka_news]*;*

Какой-то неприятный и женоподобный((, еще зная эти его истерики в сети [t.me/princessaverandot]*;*

Что-то совсем ее не узнать, операцию недавно делала? [t.me/princessaverandot].

Таким образом, помимо основной функции языковых рефлексивов – уточнение, направленное на достижение более глубокого понимания между коммуникантами, данный вид комментариев также содержит в себе дополнительные скрытые оттенки смыслов, создаваемые автором высказывания с целью оказать влияние на конечный результат понимания, сформировать необходимый ему образ действительности, что, по сути, является признаками манипулирования сознанием реципиента.

Можно выделить несколько причин возникновения и активного функционирования метаязыковой рефлексии в онлайн коммуникации. Реализация данной категории с помощью языковых средств возможна вследствие потребности показать превосходство над собеседником, подловив его на неудачном выборе слова или формы, продемонстрировать свою языковую компетентность:

1) (из домового чата) *Доброго времени суток. У нас вот такая ситуация. Дверь бухает. Мужчин никого нет, все на работе. Я не достаю.* За текстовым сообщением следует фото подъездной

двери с оторванным доводчиком. Ответное сообщение: *Дверь алкоголик – горе в семье*.

2) *Ego, днище это ты, реакция не одыкватного человека, вас НОВАЯ ждет//Виктория, писать научись. Адекватные люди аргументируют слова, в отличие от тебя// Ego, иди по кури бамбуг, и так тошно*;

3) *Здравствуйте, батареи ели теплые, почему убавили отопления? Квартира углавая, дома холодно! // А что конкретно ели ваши батареи?* [t.me/grammnation].

Следующей стадией может идти побуждение собеседника к конфликту, провоцирование на дальнейший диалог, с целью насмешки над собеседником:

1) *поскажите? мне сон преснился щас: котенок съел мыш, а она щоку ему прогрызла, из нутри и глаз смотрел на меня, это к чему?// Тимур, к орфографии. Потрать время на изучение русского языка, а не на сон;*

2) *Выскакивают. В чорном и асвищенасти нет// Алексей, какой Насти?//Асвище какая-то))) Алексей, у вас бред?* [t.me/gram mnation].

Среди причин, порождающих процессы рефлексии в сознании индивидуума можно назвать безграмотность, реальное незнание правил орфографии и попытка выдать необразованность за опечатку, снизить важность правописания, пренебречь внешней формой ради значения. Не желая прослыть неграмотным и потерять авторитет в глазах собеседника, индивидуум прибегает к ремаркам, которые дают это понять, тем самым страхуя себя от упрёков в невежестве:

1) *Это ж неприднамеренное неприеднамеренное…уфф… ну вы поняли;*

2) *Тема «коррозия металов» ой металлов, неважно, главное сдавается надо до 20 числа…ться* [t.me/grammnation].

Учитывая вышесказанное, исследование метаязыковой рефлексии в онлайн коммуникации на примере общения в мессенджере Телеграм показало, что среди средств её выражения выделяются как универсальные (характерные для разных сетевых жанров), так и специфические (обусловленные как сиюминутностью обмена информацией, установкой на непринуждённость диалога, так и техническими возможностями канала общения). Метаязыковая рефлексия коммуникантов может быть вызвана разными причинами – от искреннего стремления следовать языковым нормам до

установки на языковую игру, заданную шутливым тоном общения, а также выражения языковой агрессии.

Список литературы

Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. – 2-е изд. – Москва : Либроком, 2011. – 348 с.

Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. – Москва : Олма-Пресс, 2005. – 384 с.

Выготский Л.С. Мышление и речь : собрание сочинений : в 6 т. – Москва : Педагогика, 1982. – Т.3. – С. 295–361.

Голощубина О.К. Метаязыковая рефлексия в интернет-коммуникации : (на примере речевого жанра «Разговор в мессенджере») : Разд. 1 // Филологические науки : Наука о человеке : гуманитарные исследования. – 2016. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metayazykovaya-refleksiya-v-internet-kommunikatsii-na-primere-rechevogo-zhanra-razgovor-v-messendzhere.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – Москва : Политиздат, 1997. – 304 с.

Лурия А.Р. Язык и сознание. – Москва : Изд-во МГУ, 1979. – 319 с.

Новиков А.И. Смысл : семь дихотомических признаков // Теория и практика речевых исследований. – Москва, 1999а. – С. 68–82.

Новиков А.И. Текст, смысл и проблемная ситуация // Вопросы филологии. – 1999б. – № 3. – С. 43–48.

Новиков А.И. Доминантность и транспозиция в процессе осмысления текста // Проблемы прикладной лингвистики : сборник статей / отв. ред. А.И. Новиков. – Москва : «Азбуковник», 2002. – С. 155–181.

Пешкова Н.П. Типология научного текста : психолингвистический аспект (на материале научных, научно-популярных и технических текстов) : монография. – 2-е изд., доп. и перераб. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2015. – 292 с.

Пешкова Н.П., Моисеева А.В., Титлова А.С. Новые формы прецедентного текста в современной интернет-коммуникации // Вопросы психолингвистики. – 2024. – № 2(60). – С. 77–89.

Сидорова М.Ю. Обыденное метаязыковое сознание в Интернете // Обыденное метаязыковое сознание : онтологические и гносеологические аспекты. – Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алтайского ГУ, 2009. – Ч. 1. – С. 400–459. – URL: http://istina.msu.ru/Obyidennoe_metayazyikovoe_soznanie_v_Internete_statya_dlya_kollektivnoj_monografii..pdf.

Соловьева И.В. Динамика смысла в деятельности по пониманию текста // Языковые подсистемы : стабильность и динамика : сборник науч. трудов. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2002. – С. 107–112.

Шмелёва Т.В. Языковая рефлексия // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. – 1999. – Вып. 1 (8). – С. 108–110.

Шумарина М.Р. Метаязыковая рефлексия в фольклорном и литературном тексте : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. – Москва , 2011. – URL: http://www.dissercat.com/content/metayazykovaya-refleksiya-v-folklornom-i-literaturnom-tekste.

References

Bondarko A.V. *Teoriya funkcional'noj grammatiki* [Theory of functional grammar]. Moscow : Librocom, 2011. 2nd ed. 348 p. (In Russian)

Vepreva I.T. *YAzykovaya refleksiya v postsovetskuyu epohu* [Language reflection in the post-Soviet era]. Moscow : Olma-Press, 2005. 384 p. (In Russian)

Vygotskij L.S. *Myshlenie i rech' : sobranie sochinenij v 6 t.* [Thinking and speech : collected works in 6 volumes]. Moscow : Pedagogika, 1982. T. 3. Pp. 295–361. (In Russian)

Goloshubina O.K. *Metayazykovaya refleksiya v internet-kommunikacii (na primere rechevogo zhanra «Razgovor v messendzhere»)* [Metalinguistic reflection in Internet communication (using the example of the speech genre "Conversation in a messenger")]. Razdel 1. In : *Filologicheskie nauki : Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya.* 2016. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metayazykovaya-refleksiya-v-internet-kommunikatsii-na-primere-rechevogo-zhanra-razgovor-v-messendzhere (accessed: 25.10.2024). (In Russian)

Leont'ev A.N. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow : Politizdat, 1997. 304 p. (In Russian)

Luriya A.R. *Yazyk i soznanie* [Language and consciousness]. Moscow : MGU, 1979. 319 p. (In Russian)

Novikov A.I. *Smysl : sem' dihotomicheskih priznakov* [Meaning : seven dichotomous features]. In : *Theory and practice of speech research*. Moscow, 1999a. Pp. 68–82. (In Russian)

Novikov A.I. *Tekst, smysl i problemnaya situaciya* [Text, meaning and problem situation]. In : *Voprosy filologii*. 1999b. N 3. Pp. 43–48. (In Russian)

Novikov A.I. *Dominantnost' i transpoziciya v processe osmysleniya teksta* [Dominance and transposition in the process of text comprehension]. In : *Problemy prikladnoj lingvistiki : sb. Statej* [Issues of applied linguistics] / otv. red. A.I. Novikov. Moscow : Azbukovnik, 2002. Pp. 155–181. (In Russian)

Peshkova N.P. *Tipologiya nauchnogo teksta : psiholingvisticheskij aspekt (na materiale nauchnyh, nauchno-populyarnyh i tekhnicheskih tekstov)* [Typology of scientific text : psycholinguistic aspect (based on scientific, popular science and technical texts)]. 2-e izd., dop. i pererab. Ufa : RIC BashGU, 2015. 292 p. (In Russian)

Peshkova N.P., Moiseeva A.V., Titlova A.S. *Novye formy precedentnogo teksta v sovremennoj internet-kommunikacii* [New forms of precedent text in modern Internet communication]. In : *Voprosy psiholingvistiki* [Issues of psycholinguistics]. 2024. N 2 (60). Pp. 77–89. (In Russian)

Sidorova M. YU. *Obydennoe metayazykovoe soznanie v Internete* [Everyday Metalinguistic Consciousness on the Internet]. In : *Obydennoe metayazykovoe soznanie : ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty : chast' 1.* [Everyday metalanguage consciousness : Onthological and gnoseological aspects]. Kemerovo ; Barnaul : izd-vo Altajskogo GU, 2009. Pp. 400–459. – URL: http://istina.msu.ru/Obyidennoe_metayazyikovoe_soznanie_v_Internete_statya_dlya_kollektivnoj_monografii..pdf. (accessed: 08.11.2024). (In Russian)

Solov'eva I.V. *Dinamika smysla v deyatel'nosti po ponimaniyu teksta* [The Dynamics of Meaning in Text Understanding Activity]. In : *Yazykovye podsistemy : stabil'nost' i*

dinamika : sbornik nauch. trudov [Language subsystems : stability and dynamics : collected works]. Tver', 2002. Pp. 107–112. (In Russian)

Shmelyova T.V. *Yazykovaya refleksiya* [Language reflection]. In : *Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshcheniya* [Theoretical and applied aspects of speech communication]. 1999. Vyp. 1 (8). Pp. 108–110. (In Russian)

Shumarina M.R. *Metayazykovaya refleksiya v fol'klornom i literaturnom tekste* [Metalinguistic reflection in folklore and literary texts] : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01. – URL: http://www.dissercat.com/content/metayazykovaya-refleksiya-v-folklornom-i-literaturnom-tekste. (accessed: 26.10.2024). (In Russian)

УДК: 81-139 DOI: 10.31249/ling/2025.03.05

Машошина В.С.[1]

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ КОНЦЕПТА LAW В ПРАВОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Аннотация. В статье рассматривается аксиологический компонент в смысловой структуре концепта LAW на материале творчества британского писателя, политика и бывшего парламентария Дж. Арчера. В результате концептуально-лингвистического анализа выявляется комплекс индивидуально-авторских оценочных репрезентаций закона, получающих различную экспликацию в текстовом материале, в том числе в ряде таких доминантных признаков, как «ценности права в практической жизни людей»; «доверие / недоверие к правоохранительным органам»; «вариативность интерпретации законов»; «обеспечение безопасности»; «гарантированность прав и свобод».

Ключевые слова: правовая картина мира; аксиологический компонент концепта «закон»; концептуальный анализ; Дж. Арчер.

Для цитирования: Машошина В.С. Аксиологический компонент концепта Law в правовой картине мира // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание. – 2025. – № . 3. – С. 62–70. – DOI: 10.31249/ling/2025.03.05

Mashoshina V.S.[*]

THE AXIOLOGICAL COMPONENT OF THE LAW CONCEPT IN THE JURIDICAL WORLDVIEW

Машошина Виктория Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии Института иностранных языков Московского городского педагогического университета. E-mail: MashoshinaVS@mgpu.ru

[*] Mashoshina Victoria Sergeevna – Candidate of Philology, Associate Professor of The English Philology Department, Institute of Foreign Languages, Moscow City Teacher Training University (MCU); MashoshinaVS@mgpu.ru

Abstract. The article examines the axiological component in the semantic structure of the LAW concept, basing on the literary works of the British writer, politician and former parliamentarian Jeffrey Archer. As a result of the conceptual analysis, a complex of the author's individual evaluative representations of LAW is revealed. The latter receives various linguistic explications in the textual material under analysis, including a number of such dominant features as "the values of law in people's lives"; "trust / mistrust in law enforcement agencies"; "variability in the interpretation of laws"; "ensuring security"; "the guarantee of rights and freedoms".

Keywords: juridical worldview; axiological component of the concept "law"; conceptual analysis; J. Archer.

For citation: Mashoshina V.S. The axiological component of the law concept in the juridical worldview // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2025. № 3. P. 62–70. DOI: 10.31249/ling/2025.03.05

Правовая картина мира является многомерным образованием, в которое интегрированы принципы, гипотезы и ключевые понятия правоведения, согласующиеся с теоретическими конструктами данной науки. Многообразие функционирующих в различных государствах правовых систем обусловлено комплексом «исторически сложившихся традиций, убеждений, ценностей, идей, установок практического правомерного поведения, обеспечивающего воспроизводство правовой жизни общества на основе преемственности» [Крашенинникова, 2010, с. 394].

Как подчеркивают отечественные ученые, «исследовательское внимание к политическому дискурсу отражает непреходящий интерес к феномену власти и ее субъектам» [Раренко, 2016, с. 223]. Общенациональный статус ряда правовых понятий в известной степени детерминирован их природой, тем фактом, что они выступают в качестве регулятивного механизма большинства социально-экономических процессов. В связи с этим в различных правовых системах мира формируются такие сходные юридические концепты, как ГОСУДАРСТВО, ЗАКОН, ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ и другие. Универсализм концептуальной правовой системы зависит от особенностей исторического развития народов, а также культурно-языковых контактов между ними. Как известно, в английской правоприменительной практике активно использу-

ются термины, понятия и общие принципы, заимствованные из римского права, несмотря на автономность развития английского права. Соответственно, «национальные системы права, безусловно, имеют не только специфические черты, обусловливающие особенности правовых картин мира, но и общие свойства, зависящие от ряда социально-экономических факторов» [Хижняк, 2015, с. 214]. Однако, учитывая, что «слияние культур, полная их ассимиляция невозможны» [Язык, культура, социум…, 2023, с. 20], и концептуальные правовые системы вариативны. Они обладают выраженной национально-культурной спецификой, в которой репрезентируются не только понятийные (например, значения терминов правоведения), но и непонятийные (стереотипы, научные парадигмы, история государства и права) явления.

При этом универсальный характер концепта LAW / ЗАКОН и его присутствие в сознании представителей различных лингвокультур аксиомны. Данный мысленный конструкт получает широкое освещение в литературе в том числе. В разные времена писатели обращались к юридическим сюжетам, поднимали вопросы права и морали, закона и справедливости. Известна практика включения текстов художественной литературы в программы высшего юридического образования. Так, уже в XIX – начале XX вв. в университетах США существовала традиция знакомить студентов юридического профиля с текстами литературных произведений, в которых затрагивался круг правовых тем. Позднее, в 1970-е годы эта тенденция получила более оформленный характер с развитием академического движения «Право и литература» (*Law and Literature*), соотносящегося с выходом книги американского учёного Дж. Б. Уайта «Правовое воображение» (*White J.B., The Legal Imagination*) [White, 1985].

Например, списки рекомендованных к изучению на юридических специальностях художественных произведений Джона Генри Вигмора [A list of legal novels, 1908], одного из крупнейших американских юристов, впоследствии дополненных Ричардом Вайсбергом и Карен Кретчсман (так называемый список Вайсберга-Кретчсман [Wigmore's "Legal Novels" Expanded, 1977–1978], включают произведения таких великих представителей мировой литературы, как У. Шекспир, Ч. Диккенс, Г. Мелвилл, Х. Ли, Ф. Кафка, А. Камю, Ф.М. Достоевский и многих других. Представляется, что подобный междисциплинарный подход, опора на культурно значимые просветительские тексты, интеграция методологии филологического исследования в профильную подготовку

юристов могут способствовать более глубокому изучению правовых явлений и «интерпретации коннотаций глубинных смыслов» [Викулова, 2015, с. 47].

В настоящей работе будет рассмотрена смысловая структура и некоторые особенности вербализации оценочности в структуре концепта LAW на материале романов британского писателя, политика и бывшего парламентария Дж. Арчера «Говорить ли президенту?» (*Archer J., Shall We Tell The President?* и «Первый среди равных» (*First Among Equals*)[1] [Archer, 1987, 1993], в центре сюжета которых находится повествование о карьере и жизни вымышленных британских и американских политиков. Изучение примеров репрезентации закона в указанных произведениях, на наш взгляд, может внести определенный вклад в составление актуального представления об особенностях англо-американской правовой системы в индивидуально-авторском отражении.

Проведенный анализ текстового материала показал, что информационное содержание моделируемого концепта формируется категориальными когнитивными признаками, которые тесно коррелируют со значениями ключевого слова-репрезентанта концепта – лексемы *law*, закрепленными в словарях и тезаурусах английского языка.

К ядерным архисемам концепта LAW как в лексикографических источниках, так и в рассматриваемом материале можно отнести «закон», «правило», «принцип». Анализ лексических номинантов концепта LAW, закрепленных в словарях и содержащихся в анализируемом текстовом материале, позволяет определить как его дистинктивные, родовые признаки, так и атрибутивные смысловые компоненты. Интерпретационное поле (ИП) концепта составляет его периферию и представляет собой «совокупность слабо структурированных предикаций, отражающих интерпретацию отдельных концептуальных признаков и их сочетаний в виде утверждений, установок сознания, вытекающих <…> из содержания концепта» [Попова, 2001, с. 63–64].

К ***оценочной зоне*** интерпретационного поля концепта LAW в романах Дж. Арчера можно отнести комплекс зачастую противоречивых ценностно акцентуированных ассоциатов, выражающих *общую*, *интеллектуальную*, *эмоциональную*, а также *нравственную оценку*. Данные смыслы, формирующие аксиологическую перспективу [Райскина, 2021] правового дискурса, эксплицируют-

[1] В тексте используются аббревиатуры названий: SWPT и FAE.

ся в ряде доминантных признаков, среди которых можно выделить такие группы, как «ценности права в практической жизни людей»; «обеспечение безопасности человека»; «гарантированность прав»; «обеспечение истины»; «доверие / недоверие правоохранительным органам»; «вариативность интерпретации законов»; «престижность профессии юриста» и некоторые другие.

Одним из рекуррентных аксиологических признаков концепта LAW в рассматриваемых текстах является «ПРЕСТИЖНОСТЬ ПРОФЕССИИ ЮРИСТА»:

(1) *Nanna's career had **a storybook quality**. He was born in El Campo, Texas, and received a B.A. from Baylor. From there, he went on to get **a law degree at SMU**...* [FAE];

(2) *Raymond took **a first-class honors degree in Law at Leeds** before moving to London to complete his studies for the bar at Lincoln's Inn. At the end of his two-year course Raymond joined a fashionable London chambers to become a much sought-after junior counsel* [FAE];

(3) *By contrast, Mark Andrews had been one of the more unusual FBI entrants. After majoring in history at Yale he finished his education at **Yale Law School**, and then decided he wanted some adventure for a few years before he joined **a law firm*** [SWTP];

(4) *…"I heard him lecture in my final year at **Yale Law**"...* [SWTP].

В приведенных фрагментах сема «престижность профессии юриста» в структуре концепта LAW объективируется за счет употребления атрибутов *first-class* («первоклассный»), *fashionable* (зд. «престижный»), *much sought-after* («востребованный», «пользующийся успехом») в препозиции к лексемам, номинирующим его (*degree in Law, the bar, London chambers, junior counsel, law firm*). В данном случае имеет значение и профильное юридическое образование, которое получают юристы в самых известных учебных заведениях, где можно сразу обзавестись необходимыми связями для будущей карьеры (*SMU*, *Leeds*, *Yale Law School*). Таким образом, онимы, номинирующие престижные юридические школы англосаксонского мира, также выступают в качестве лексических маркеров мелиоративного оценочного значения.

Положительная оценочность в структуре концепта LAW также объективируется в анализируемых текстах за счет таких признаков, как «гарантированность прав», «равенство перед законом», «обеспечение истины», «обеспечение безопасности человека», «примат закона», «охрана прав и свобод» и других.

«ВЕРХОВЕНСТВО / ПРИМАТ ЗАКОНА», «СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД», «РАВЕНСТВО ПЕРЕД ЗАКОНОМ»:

(5) *He sat down under a tree on the grassy area between the Supreme Court and the Capitol.* ***Protected****, he thought,* ***by law and legislature, bounded by Constitution and Independence*** [SWTP];

(6) *The Prime Minister's* ***power of patronage is absolute*** [SWTP];

(7) *… I repeat, we're discussing people,* ***eight million people, all of whom have the same right to justice as you and I****. And as long as I work in the Home Office I intend to see that they get it* [FAE];

(8) *The clause Charles most wanted to see removed from the bill concerned* ***a client's right to privacy*** *when dealing with a merchant bank* [FAE];

(9) *"Then* ***the matter must be placed in the hands of our family solicitors****," said Rupert, sounding unusually in control* [SWTP].

«ГАРАНТИРОВАННОСТЬ ПРАВ», «ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИСТИНЫ», «СОБЛЮДЕНИЕ ЗАКОНОВ», «ОБЫЧАЙ КАК ИСТОЧНИКА ПРАВА»:

(10) *The clause Charles most wanted to see removed from the bill concerned* ***a client's right to privacy*** *when dealing with a merchant bank* [FAE];

(11) *No party can fight an election with its leader laid up in bed for six weeks, however well he might be when they release him. If there is to be an election, the voters have* ***the right to know who is going to lead the party in Parliament*** [FAE];

(12) ***In accordance with section sixteen of the Representation of the People Act 1949*** *and rule fifty of the Parliamentary Election Rules in the second schedule to that Act, I am obliged to decide between tied candidates by lot, he announced* [FAE].

Любопытно, что в некоторых случаях, в частности в романе «Говорить ли президенту?» встречаются примеры объективации антонимического вышерассмотренному признака «отхождение от обычая» в правоприменительной практике:

(13) *In our discussion about this bill, we have sidestepped a critical, perhaps the most crucial, consideration. And that is the principle of Federalism. For the past fifty years, the federal government has usurped many of the powers once wielded by the states. We look to the President, the Congress, for answers to all our problems.* ***The Founding Fathers never intended the central government to have so much power****, and a country as wide and diverse as ours cannot be governed democratically or effectively on that basis* [SWTP].

Отрицательный аксиологический компонент в структуре концепта LAW в анализируемых романах Дж. Арчера также реализуется через признаки:

«НЕДОВЕРИЕ К ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМ ОРГАНАМ»:

(14) *They also believe* ***the police won't be able to enforce the law*** *and the cleaning-up period will take a decade* [SWTP].

«БЕЗЗАКОНИЕ»:

(15) *For what we face in this country, in urban as well as rural areas, is increasing lawlessness. That is the root problem – lawlessness – not the number of guns in circulation.* ***Increased lawlessness means more crimes involving guns****, to be sure* [SWTP].

Итак, проведенное исследование позволило определить свойственные концепту LAW аксиологические признаки как с отрицательной оценочностью («беззаконие», «недоверие к власти и правоохранительным органам», «политическое господство», «злоупотребление властью»), так и с положительным аксиологическим компонентом («верховенство / примат закона», «гарантированность и охрана прав и свобод», «обеспечение безопасности человека», «обеспечение истины» и др.). Полученные результаты со всей очевидностью указывают на преобладание мелиоративной оценки над пейоративной в рассмотренном материале. Проанализированный репертуар языковых средств, формирующих оценочную зону интерпретационного поля концепта LAW в романах Дж. Арчера, свидетельствует о его детализации и множественном вариативном обозначении в лингвокультуре, что не может не указывать на его значимость в общекультурном контексте.

Список литературы

Викулова Л.Г., Новиков Н.В. Формирование негативного образа политика в масс-медийном дискурсе : предметная сфера спорт // Вестник МГПУ. Серия : Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2015. – № 3 (19). – С. 42–49.

Крашенинникова Н.А. Специфические черты правовой культуры Индии : история и современность // Диалог культур и партнерство цивилизаций : становление глобальной культуры : Доклады, Санкт-Петербург, 13–14 мая 2010 года. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2010. – С. 394–396.

Основы концептного анализа художественного произведения : Учебное пособие для студентов магистратуры, обучающихся по направлению подготовки «Лингвистика» / О.В. Афанасьева, К.М. Баранова, В.С. Машошина, О.Г. Чупрына. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Диона», 2019. – 130 с.

Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2001. – 191 с.

Райскина В.А. Средства выражения оценочности в современном научно-историческом дискурсе // Вестник МГПУ. Серия : Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2021. – № 2 (42). – С. 75–83.

Раренко М.Б. Человек политический в фокусе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2016. – № 7 (746). – С. 223–232.

Хижняк С.П. Правовая картина мира как основа изучения специфики правовой культуры разных стран и иностранных языков // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – № 5 (106). – С. 212–216.

Язык, культура, социум : essentia et existentia / Л.Г. Викулова, Г.А. Ермоленко, А.В. Жукоцкая [и др.]. – Москва : ООО «Книгодел», 2023. – 152 с.

A list of legal novels / ed.: J.H. Wigmore. – Northwestern niv. Law Publ. Assoc., 1908. – 70 p.

Archer J. First Among Equals. – New York : HarperPaperbacks, 1993. – 500 p. – URL: https://archive.org/details/firstamongequal (дата обращения: 15.10.24).

Archer J. Shall We Tell the President? – Boston : G.K. Hall, 1987. – 424 p. – URL: https://archive.org/details/shellwetellpresi00arch (дата обращения: 15.10.24).

Weisberg R., Kretschman K. Wigmore's "Legal Novels" Expanded : A Collaborative Effort // The Maryland Law Forum. – 1977–1978. – Vol. 7, N 2. – P. 94–103.

White J.B. The Legal Imagination. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 1985. – 302 p.

References

Vikulova L.G., Novikov N.V. *Formirovanie negativnogo obraza politika v massmedijnom diskurse : predmetnaya sfera sport* [The formation of a negative image of a politician in mass media discourse : the subject area of sports]. In : *Vestnik MGPU. Seriya : Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie.* 2015. N 3 (19). Pp. 42–49. (In Russian)

Krasheninnikova N.A. *Specificheskie cherty pravovoj kul'tury Indii : istoriya i sovremennost'* [Specific features of the legal culture of India : history and modernity]. In : *Dialog kul'tur i partnerstvo civilizacij : stanovlenie global'noj kul'tury : Doklady, Sankt-Peterburg, 13–14 maya 2010 goda* [The Dialogue of cultures and the partnership of civilizations… Presentations in Saint Petersburg, 13–14 May, 2010]. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij gumanitarnyj universitet profsoyuzov, 2010. Pp. 394–396. (In Russian)

Osnovy konceptnogo analiza hudozhestvennogo proizvedeniya [Fundamentals of conceptual analysis of a literary work] : Uchebnoe posobie dlya studentov magistratury, obuchayushchihsya po napravleniyu podgotovki «Lingvistika» / O.V. Afanas'eva, K.M. Baranova, V.S. Mashoshina, O.G. Chupryna. Moscow : Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Diona», 2019. 130 p. (In Russian)

Popova Z.D. *Ocherki po kognitivnoj lingvistike* [Essays on cognitive linguistics] / Z.D. Popova, I.A. Sternin. Voronezh : Istoki, 2001. 191 p. (In Russian)

Rajskina V.A. *Sredstva vyrazheniya ocenochnosti v sovremennom nauchno-istoricheskom diskurse* [Axiological verbalization means in modern scientific historical dis-

course]. In : *Vestnik MGPU. Seriya : Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie*. 2021. N 2 (42). Pp. 75–83. (In Russian)

Rarenko M.B. *Chelovek politicheskij v fokuse* [A politician in the focus]. In : *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki.* 2016. N 7 (746). Pp. 223–232. (In Russian)

Hizhnjak S.P. *Pravovaja kartina mira kak osnova izuchenija specifiki pravovoj kul'tury raznyh stran i inostrannyh jazykov* [The legal picture of the world as a basis for studying the specifics of the legal culture of different countries and foreign languages] In: *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj juridicheskoj akademii*. 2015. N 5 (106). Pp. 212–216. (In Russian)

Yazyk, kul'tura, socium : essentia et existentia [Language, culture, society : essentia et existentia] / L.G. Vikulova, G.A. Ermolenko, A.V. Zhukockaya [i dr.]. Moscow : Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Knigodel», 2023. 152 p. (In Russian)

A list of legal novels / ed.: J.H. Wigmore. Northwestern niv. Law Publ. Assoc., 1908. – 70 p.

Archer J. *First Among Equals*. New York : HarperPaperbacks, 1993. 500 p. – URL: https://archive.org/details/firstamongequal (дата обращения: 15.10.24).

Archer J. *Shall We Tell the President?* Boston : G.K. Hall, 1987. – 424 p. – URL: https://archive.org/details/shellwetellpresi00arch (дата обращения: 15.10.24).

Weisberg R., Kretschman K. Wigmore's "Legal Novels" Expanded : A Collaborative Effort In: *The Maryland Law Forum.* – 1977–1978. – Vol. 7, N 2. – Pp. 94–103.

White J.B. *The Legal Imagination.* Chicago : The University of Chicago Press, 1985. – 302 p.

ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.1’42 DOI 10.31249/ling/2025.03.06

Л.И. Гришаева[1]

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТОВ КОМПЬЮТЕРНО-ОПОСРЕДОВАННОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК ИНДИКАТОР СОЦИОКУЛЬТУРНО РЕЛЕВАНТНЫХ ПРОЦЕССОВ

Аннотация: Статья представляет собой размышление об особенностях выбора языковых средств носителями одной культуры при решении определенных коммуникативных и когнитивных задач. Анализ ориентирован на выявление причин различных видов гетерогенности компьютерно-опосредственной коммуникации. Через макротекстовый анализ двух конкретных мемов как креолизованных текстов, бытующих в разных языковых культурах и представляющих собой содержательно и формально близкие вариации на одну и ту же актуальную для носителей обеих языковых культур тему, предпринимается попытка выявить закономерности содержательной, формальной и функциональной организации мультимодального текста одного типа средствами разных культурных кодов в изучаемых языковых культурах. Анализируется соотношение сведений, объективируемых средствами культурных – вербального и невербальных – кодов, и сведений, не объективируемых при взаимодействии носителей языка и культуры, но необходимых для декодирования воспринимаемых сведений и для интерпретации реципиентом послания продуцента порожденного последним креолизованного текста.

Гришаева Людмила Ивановна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой филологии Воронежского государственного университета; grischaewa@rgph.vsu.ru

Ключевые слова: единичный и коллективный субъекты; личностная и коллективная идентичность субъекта; формат дискурса; тип текста; текстосемантическая, текстосинтаксическая, функциональная организация продуктов речемыслительной деятельности; компьютерно-опосредованная коммуникация; средства и способы реализации коммуникативных, когнитивных, номинативных стратегий; креолизованный / мультимодальный текст.

Для цитирования: Гришаева Л.И. Особенности организации текстов компьютерно-опосредованной коммуникации как индикатор социокультурно релевантных процессов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание. – 2025. – № 3. – С. 71–85. – DOI: 10.31249/ling/2025.03.06

Grishaeva, L.I.[*]

FEATURES OF TEXTS IN COMPUTER-MEDIATED COMMUNICATION AS AN INDICATOR OF PROCESSES REGARDED AS RELEVANT FROM THE SOCIOCULTURAL PERSPECTIVE

Abstract. The paper reflects on the features of the choice of verbal means by people who share their native language and culture in the process of solving a particular communicative and cognitive task. The analysis focuses on identifying the reasons for different types of heterogeneity of computer-mediated communication. Through a macrotextual analysis of two specific memes as creolized texts circulating in two different cultures and representing meaningfully and formally similar variations on the same topic relevant to members of both cultures, an attempt is made to identify patterns of meaningful, formal and functional organization of a multimodal text of the same type by means of different cultural codes in the studied cultures. The article analyzes the relationship between information which is expressed by means of both verbal and non-verbal cultural codes, and information which is not expressed in interaction by native speakers sharing a culture, but which is still necessary for decoding perceived information and for the recipient's interpretation of the message intended by the author of the creolized text.

Keywords: individual and collective subjects; personal and collective identity of the subject; discourse format; text type; semantic,

[*] Grishaeva Ljudmila Ivanovna – Doctor of Philology, Professor, Department of German Philology, State University Voronezh, Russia; grischaewa@rgph.vsu.ru

syntactic and functional organization of utterances and texts; computer-mediated communication; means and methods of implementing communicative, cognitive, nominative strategies; creolized / multimodal text

For citation: Grishaeva L.I. Features of Texts in Computer-mediated Communication as an Indicator of Processes Regarded as Relevant From the Sociocultural Perspective // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2025. N 3. P. 71–85. DOI: 10.31249/ling/2025.03.06

Одним из наиболее интенсивно развивающихся коммуникативных пространств сегодня правомерно признать компьютерно-опосредованную коммуникацию (КОК). Наиболее яркая ее характеристика – высокая степень гетерогенности – обусловлена как сущностью КОК, так и спецификой обращения последних при решении ими различных коммуникативных и когнитивных задач к средствам разных культурных кодов и к техническим достижениям. Наиболее яркая ее характеристика – высокая степень гетерогенности, выявляемая по самым разным основаниям: социокультурным, психоэмоциональным, субъективным, объективным, а также текстологическим и технологическим [Медиатекст, 2010; Щипицина, 2010; Сиротинина, Дегальцева 2023; Grischaewa 2020; и др.].

С социо-психо-культурологической точки зрения особого внимания заслуживают такие тенденции, выявляемые в социальной ткани на актуальном этапе развития общества, как анонимизация, автономизация, гедонизм, субъективизм, а также интенсивное приращение сведений из разных областей знания. Это дает многим экспертам основание описывать современное общество как информационное [Tsvasman, 2006; Link, 2005; Noelle-Neumann, 1996; и др.].

Подобные социокультурно яркие тренды не могли не вызвать изменения коммуникативных и когнитивных задач (см., например, [Сиротинина, Дегальцева, 2023; Медиатекст, 2010; Гришаева, 2020; и др.]). Особого упоминания в этой связи заслуживают такие задачи, как конструирование симулякров и фейков, столь востребованные прежде всего (однако не только в называемых условиях и не только для соответствующих целей) в медиапространстве и в разных форматах политического дискурса (см. подробнее, например, в [Grischaewa, 2020]).

Те же социокультурные и психоэмоциональные процессы, очевидно, способствовали более или менее определенной конвенционализации средств и способов использования элементов различных культурных кодов в новой коммуникативной среде – КОК – новых коммуникативных стратегий, а также их некоторую модификацию и/или трансформацию. Реализация стратегий в конкретной коммуникативной среде: устной, письменной, КОК – представляет собой некоторую последовательность речевых и неречевых действий, выполнение которых обеспечивает достижение в определенных для интерактантов условиях той или иной цели взаимодействия между носителями языка и культуры. Такие коммуникативные стратегии, как троллинг, буллинг, хейтинг, пранкинг и другие не только существенно обогатили содержательно и формально комплекс вариативных средств своей реализации, но и получили более разнообразную среду для своего осуществления. Более того, они также стали иначе восприниматься в социокультурном пространстве, а именно в качестве допустимого, приемлемого и/или поощряемого в культуре способа организации взаимодействия между носителями культуры (см. анализ конкретной приемов реализации упомянутых стратегий, например, в [Grischaewa, 2020, 2022]).

В связи с этим целесообразно обратить внимание на развитие и активное использование новых знаковых систем – новых искусственных кодов (эмотиконов, эмодзи и т.п.), чтобы интенсифицировать эмотивность сообщения, повысить градус экспрессивности высказывания. Для этого в распоряжении коммуникантов находятся как традиционные, так и новые способы и средства реализации интенции, а также коммуникативных стратегий, тесно и порой причинно связанных с когнитивными и номинативными стратегиями. Последние получают все более тонкую дифференциацию по самым разным коммуникативно и когнитивно релевантным основаниям и все более специализированный характер решаемой коммуникативной и когнитивной задачи, условия ее выполнения и/или на психо-социокультурные особенности интерактантов (см. ниже примеры 1 и 2).

Одним из ярко выраженных способов достижения целей для коммуникантов в КОК вообще и в определенных форматах общения в особенности стало сознательное и/или более или менее осознаваемое самими участниками общения нарушение социальных норм в широком смысле: этических и моральных, писаных и неписаных [Языковая … 2023]. Информативными в этом смысле стано-

вятся такие виды/форматы общения/интеракции, как пранкинг, троллинг, конструирование фейков, откровенное и скрытое манипулирование, хейтинг и др. Нарушаются также и орфографические, пунктуационные, синтаксические и даже морфологические нормы, а также законы семантической избирательности (см. подробнее [Сиротинина, Дегальцева, 2023; Языковая … 2023; Гришаева, 2020; и др.]).

Характерно, что в социальных сетях как одном из видов пространства в КОК имеет место чаще всего нарушение норм своего рода «в малом», но соблюдение их «в большом» (ср. рассуждения в [Сиротинина, Дегальцева, 2023; Языковая … 2023]). Причиной следует, очевидно, признать то, что участники общения в социальных сетях все-таки желают, чтобы взаимодействие могло состояться в принципе, было бы продуктивным и чтобы у реципиентов были бы веские основания для адекватного декодирования транслируемого в КОК содержания (ср. рассуждения принципиального характера в [Noelle-Neumann, 1996; Link, 2005]). Нет сомнения в том, что участники общения в социальных сетях откровенно нуждаются при рецепции порожденного в данной коммуникативной среде текста в ориентации для корректной интерпретации послания продуцента (см. ниже примеры 1 и 2, а также анализ примеров иного рода в [Гришаева, 2020; Grischaewa, 2020, 2022]).

Отмеченные особенности как текстов анализируемого типа, так и соответствующей среды правомерно интерпретировать на этом основании в качестве **индикатора** социокультурно релевантных процессов потому, что отмеченные признаки организации текстов вполне непротиворечиво вписываются и на макро-, и на микроуровне в актуальные тренды, свойственные текстосемантической, текстосинтаксической и функциональной организации текстов разного типа из иных коммуникативных сред: устной и письменной (см. размышления по этому поводы в [Гришаева, 2020]). Для последних текстологи в разных языковых культурах отмечают в качестве наиболее выраженных в организации текстов разных типов карнавализацию, гибридизацию, креолизацию, экспрессивизацию.

В качестве иллюстрации высказанных выше тезисов резонно проанализировать два креолизованных (мультимодальных) текста, порожденных разными продуцентами в разное время и бытующими в разных языковых культурах – немецкоязычной и англоязычной (см. примеры 1 и 2 ниже). Эти тексты, с одной стороны, обнару-

живают серьезное содержательное, формальное, функциональное, семиологическое сходство друг с другом, однако, с другой – явные различия, выявляемые по разным – прежде всего, социокультурным и лингвистическим – основаниям.

Пример 1

Пример 2

Приведенные в качестве иллюстрации тексты интересны для лингвистического анализа, во-первых, по текстотипологической причине – как креолизованные, т.е. семиотически гетерогенные продукты речемыслительной (дискурсивной) деятельности с помощью средств разных культурных кодов.

Во-вторых, эти тексты бытуют в одной среде – КОК, а именно в социальных сетях, общение в которых характеризуется значительной свободой в следовании социальным (в широком смысле) нормам.

В-третьих, это аргументативно-экспликативные тексты, в которых текстовые макрокомпоненты находятся в отношении «причина ⇔ следствие» и в которых на микротекстовом уровне присутствуют единицы каузальной семантики, не только выраженной лексически и грамматически (while, know, because – ich weiβ, tatsächlich, etwas liegt an etwas, j-m die Schuld geben), но и активируемые средствами вербального и невербального кодов. Причинно-следственные отношения передаются также и текстосинтаксически – соположением в текстовом пространстве двух текстем, семантика которого (соположения) осмысляется в опоре на владение носителями языка картиной мира, а также на владение номи-

нативным потенциалом глаголов разных семантико-структурных классов (reiβen – geben) и валентными свойствами этих глаголов, конституирующих соответствующие предложения как обозначения некоторого положения дел: *Mein Schnürsenkel ist <…> gerissen. Die meisten Leute würden <…> die Schuld geben <…>*.

В-четвертых, невербальные средства объективации транслируемых сведений относятся к одной и той же понятийной сфере – обувь (и ее структурные элементы) и ее функционал, а также параметры ситуаций, в которых обувь используется носителями культуры. Признаки артефактов, сведения о которых объективируются как вербальными, так и невербальными средствами, имеют сходные, если не тождественные, характеристики: главным образом это степень изношенности – ведь шнурок порвался.

В-пятых, характер ситуации, в которой представлены реальные объекты культурной действительности, принципиально различен. В одном случае это динамическая ситуация (изображена фаза процесса, в котором обувь выполняет свою первоначальную функцию; показан сам артефакт при выполнении им его первичной функции – кроссовок в действии – при беге, прыжке и т.п.). В другом случае представлена статическая ситуация, в которой изображен результат завершившегося процесса, имеется акцент на фазе анализа субъектом завершившегося процесса; показан артефакт, не способный выполнять свой функциональный потенциал – башмак после его использования.

Сказанное позволяет интерпретировать анализируемые тексты как содержательно и формально **вариативные**, имеющие сопоставимую текстосемантическую, текстосинтаксическую, функциональную, семиологическую организацию на макротекстовом уровне анализа, однако по-разному проявляющие свои гетерогенные свойства на микротекстовом уровне и в разных языковых культурах.

Вместе с тем сопоставляемые тексты, очевидно, свидетельствуют о социокультурной гетерогенности в анализируемых языковых культурах. Более того, внимательный реципиент не может не заметить и **субкультурную** гетерогенность, и продуцента, породившего текст, и потенциального реципиента как единичного субъекта, и коллективного субъекта как некоего носителя соответствующей языковой культуры, способного декодировать этот текст и извлечь из него послание продуцента. В этой связи любопытно сравнить только невербальный способ объективации сведений – кроссовок и кожаный ботинок, поскольку изображение дан-

ных артефактов активизирует у реципиентов разный в количественном и качественном отношении объем активируемых и со-активируемых сведений.

Поэтому содержание этих текстов продуценты – и, по всей видимости, также реципиенты – сознательно или неосознанно погружают в разные аксиологические контексты. Интересно сравнить при этом характер названных контекстов: в одном случае это «гендерная нейтральность» (кроссовки носят люди в первую очередь во время занятий спортом независимо от своей гендерной идентичности), в другом – отсутствие таковой (изображен явно мужской ботинок). Тексты со-активируют у некоторых носителей культуры негативные эмоции единицами, объективирующими коммуникативно и когнитивно релевантные сведения. При этом степень интенсивности соответствующих эмоций зависит от индивидуальных конфигураций знаний в ментальной структуре личностной идентичности этих субъектов: Donald Trump, climate change – Donald Trump, Russland, Klimawandel.

Анализируемые тексты обнаруживают также психо-эмоциональную гетерогенность: *irrationally, blame – würden … geben, j-m die Schuld geben*, а также количество «аргументов» = причин в качестве объяснения конкретной неприятности/неудачи: *Donald Trump, climate change – Donald Trump, Russland, Klimawandel* – и порядок их перечисления в текстовом пространстве. А если вспомнить о структуре перечисления как о стилистической фигуры «климакс» и воздействии последней на реципиента соответствующего текста, то становится понятным и такой эффект от рецепции соответствующих текстов – интенсификация и эмоционального, и экспрессивного заряда цитируемых текстов, воспринимаемых и интерпретируемых носителями языка и культуры.

В зависимости от того, как реципиент оценивает для себя значимость соответствующих элементов действительности (что называется первым, что последним), он может трактовать перечисление «причин» либо как климакс, либо как антиклимакс, т.е. размещать их на определенной аксиологической шкале либо по увеличению степени интенсивности аксиологического признака, либо по ее уменьшению.

Поэтому особую роль при анализе следует отвести **соотношению** личностной и коллективной идентичности у единичных субъектов и у коллективных субъектов, поскольку оба общества весьма гетерогенны в социокультурном отношении, имеют весьма сложную субкультурную организацию и тем самым разную кол-

лективную субкультурную идентичность (о значимости коллективной идентичности при анализе рецепции медиатекстов см. детальный анализа, например, в [Link, 2005; Noelle-Neumann, 1996]).

Макротекстовая организация текстов предоставляет сведения и о технологической гетерогенности, востребованной при порождении мультимодального текста. Благодаря этому в отдельных языковых культурах используются разные программы, из-за чего содержание текстов одного типа и одного функционального класса интерпретируется реципиентами по-разному. Разным оказывается также когнитивный фон, и по-разному осмысляется, естественно, когнитивная фигура в разных когнитивных контекстах.

Анализ текстов, порожденных на одну и ту же тему в разных языковых культурах, убеждает в том, что это тексты **людические**. Очевидно, что они порождены чтобы высмеять активно эксплуатируемые в соответствующих культурных пространствах «объяснения», имеющие очевидное отношение к официальной медийной и политической агенде, активно продвигаемой субъектами, имеющими власть в медиадискурсе (см. анализ такого эффекта, как спираль умолчания, в [Noelle-Neumann, 1996]).

Подобную связь с официозом реципиент сразу же распознает по номинациям для «причин» мелких и крупных неприятностей, которые когда-либо могут испытывать носители языка и культуры. Носители языка и культуры «знают» (поскольку они читают прессу, смотрят телепередачи, слушают радио, пользуются разными видами КОК) по политической и медийной агенде, что те же «причины» (Donald Trump, climate change – Donald Trump, Russland, Klimawandel) вызывают серьезные промахи и провалы во внешней и внутренней политике в «своих» и «не-своих» странах, в экономике, технике, быту и пр.

В силу своего социокогнитивного и коммуникативного опыта носители языка и культуры хорошо владеют знанием о том, к каким стратегиям прибегают официальные акторы, имеющие власть в медиадискурсе, чтобы воздействовать на сознание и действия «простых» сограждан в желательном для них направлении.

Тексты, подобные приведенным в примерах 1 и 2, по всей видимости, порождают субъекты, относительно легко распознающие манипуляцию, поскольку воспроизводимая ими причинно-следственная цепочка изначально некорректна: никакой политик – даже политик, к которому некто испытывает по тем или иным основаниям негативные чувства, – по определению не может стать причиной для разрыва шнурка в башмаке.

Таким же нелепым воспринимается «объяснение» разрыва шнурка через апелляцию к какой-либо стране (Russland) или же к состоянию окружающей среды (Klimawandel, climate change). О таких со-активируемых и активируемых, но не объективируемых в интеракции сведениях необходимо говорить отдельно потому, что знания о причинно-следственных связях между разными событиями и/или фазами определенных процессов приобретают когнитивную значимость и становятся салиентными в коммуникации уже только потому, что они непременно и обязательно активируются и со-активируются невербальными и вербальными средствами.

Таким образом, сопоставление текстов одного типа, бытующих в однотипной коммуникативной среде, хотя и в разных языковых культурах, позволяет сделать ряд выводов относительно **макротекстологических индикаторов** социокультурных процессов.

Прежде всего следует обратить внимание на **парадоксальность** соотношения интегральных и дифференциальных признаков текстов одного типа, бытующих в разных языковых культурах, прослеживаемую как на макротекстовом, так и на микротекстовом уровнях. Парадоксальность заключается в том, что салиентным для анализа могут оказаться признаки различной этиологии, которые конвенционально не являются салиентными при концептуализации и категоризации сведений о ситуации того или иного типа и/или ее неотъемлемых элементов: тематика, текстовая содержательная, формальная и/или функциональная макро- либо микроструктура, средства выражения текстовых категорий, перспектива восприятия при порождении и/или рецепции текста, особенности личностной и/или коллективной идентичности единичного и коллективного субъекта как носителя языка и культуры и иные параметры функционирования языка в культуре, а также разнородные особенности единичных и коллективных субъектов и ментальные категории, под которые подводят субъекты рецепции сведения о воспринимаемых ими объектах внеязыковой действительности.

Сказанное относится и к соотношению **традиций и новаций** в языковой культуре вообще и/или в определенной коммуникативной среде, а также степень **отклонения** от актуальных в языковой культуре **норм** разной этиологии. Упомянутое соотношение имеет значение и при решении интерактантами известных в языковой культуре коммуникативных и когнитивных задач. Следует эту мысль выразить точнее: осознать необходимо **основания** при вы-

боре продуцентом средства и способов решения актуальных для интерактантов задач, а также основания для интерпретации реципиентами воспринимаемого ими текста как коммуникативной и когнитивной целостности и **степень вероятности** неадекватного декодирования средств объективации кодируемых продуцентом сведений.

Выбор в пользу привычного или нового, креативного или конвенционального средства либо способа решения некоторой коммуникативной и когнитивной задачи сказывается на результате рецепции воспринимаемого текста и послания продуцента, поскольку предпочтение новых средств и способов решения известных в языковой культуре коммуникативных и когнитивных задач делает такие средства **когнитивной фигурой** и обусловливает, следовательно, результат концептуализации и категоризации воспринимаемых сведений. Это с одной стороны.

С другой стороны, в языковой культуре появляется и тем самым, потенциально закрепляется, все более прочно конвенционализируясь, **более тонкая** дифференциация средств и способов решения некоторой коммуникативной и когнитивной задачи, меняется соотношение объективируемых и необъективируемых сведений в тексте/в интеракции. Другими словами, языковая культура **обогащается** новыми вариантами решения задачи, а также новыми способами реализации коммуникативных стратегий, известных коммуникантам по социокогнитивному опыту.

Конвенционализация окказиональных средств и способов решения задач только подтверждает значимость соблюдения социальных норм (в широком смысле) при увеличении явных, опознаваемых носителями языка и культуры, нарушений соответствующих норм. Поэтому явные и менее очевидные нарушения норм (в широком и узком смысле) целесообразно интерпретировать как **маркеры** (**индикаторы**) реализации носителями языка и культуры определенной коммуникативной стратегии, связанной с когнитивной и с номинативной стратегиями.

Нарушение сложившихся в языковой культуре норм использования при взаимодействии определенных средств культурных кодов не может не быть мотивированным – сознательно и/или интуитивно для субъектов как продуцентов текстов разного типа – необходимостью быть адекватно **понятым** в интеракции, чтобы достичь соответствующей цели. Значит, избранный способ порождения текста не может не быть обусловленным расчетом продуцента на (относительно) легкое, т.е. максимально беспроблемное,

декодирование сведений, объективируемых средствами культурных кодов, а также комплекса сведений, активируемых и соактивируемых вместе с объективируемыми сведениями.

При этом можно выявить несколько вариантов соотношения между формой, содержанием, функцией.

Так, «банальность» (привычность) транслируемого в коммуникации содержания может компенсироваться креативностью **формы**, чтобы быть вообще воспринятым в интеракции в качестве коммуникативно и когнитивно значимых сведений (как это, в принципе, имеет место в анализируемых примерах).

Оригинальность, непривычность, высокая степень новизны **содержания** будет в ряде случаев успешно компенсироваться «банальностью» формы, чтобы реципиент мог в принципе концептуализировать и категоризовать воспринимаемые сведения.

И в том, и в другом случае соответствующие приемы структурирования информационного потока служат **оптимизации** коммуникации для обоих ее участников, т.е. обеспечивают реализацию функционала того или иного способа организации коммуникативно и когнитивно значимых для интерактантов сведений.

Тем же целям служит и сознательное и/или интуитивное конструирование продуцентом **аксиологически** нагруженного **когнитивного фона**, на котором осмысляется когнитивная фигура. По всей видимости, это в конечном итоге способствует дифференциации функционального потенциала отдельных элементов культурных кодов, используемых носителями языковой культуры в некоторой интеракции.

К тому же результату приводит и внимание носителей культуры к итогу осмысления воспринимаемой информации и ее интерпретации как на этапе порождения, так и на этапе рецепции не только для продуцента, но и для реципиента в соответствующей интеракции.

Содержательная, формальная и функциональная организация креолизованных текстов, бытующих в социальных сетях в разных языковых культурах, целесообразно описывать, таким образом, как **социальный индикатор** не только применительно к идиостилю конкретного продуцента текста как носителя личностной идентичности, но и как социокультурно и социолингвистически значимый **маркер** социальных и аксиологических **трансформаций** общества.

Соответствующие явления правомерно также осмыслять в качестве маркера применительно к **трансформации норм** (в ши-

роком и узком смысле) при порождении текста определенного типа, а также при изучении одной из возможных реализаций некоторой коммуникативной стратегии с помощью конвенциональных и/или окказиональных средств культурных кодов.

Сопоставление принципов организации текстовой ткани в разных языковых культурах, несомненно, **обогащает репертуар** способов решения одной коммуникативной и когнитивной задачи, которым располагает языковая культура на тот или иной период своего бытования. Для исследователя бонусом становится **доступ** к конвенционально **необъективируемым** сведениям, доступ к которым затруднен в иных условиях из-за того, что активируемые и со-активируемые сведения, как правило, относятся к когнитивному фону, т.е. не попадают в фокус осмысления и не осознаются самими носителями языка и культуры как салиентные и необходимые для взаимодействия – для кодирования и декодирования воспринимаемых сведений, а также для установления взаимопонимания в процессе интеракции.

Список литературы

Гришаева Л.И. Варьирование текста в коммуникации. – Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2020. – 291 с.

Медиатекст : стратегии – функции – стиль : коллективная монография / Л.И. Гришаева, А.Г. Пастухов, Т.В. Чернышова (отв. ред.). – Орёл : ООО «Горизонт», 2010. – 226 с.

Сиротинина О.В., Дегальцева А.В. Динамика норм русского языка : ответ на вызовы времени и новые условия жизни. – Саратов : Издательство Саратов. университета, 2023. – 128 с.

Щипицина Л.Ю. Модификация понятия текста в компьютерно-опосредованной коммуникации // Медиатекст: страт егии – функции – стиль : коллективная монография. – Орёл : ООО «Горизонт», 2010. – С. 186–195.

Языковая норма в синхронии и диахронии : культурное достояние или посягательство на самовыражение? : коллективная монография / под ред. Н.Н. Германовой, В.А. Пищальниковой. – Москва : РЕМА, 2023. – 214 с.

Grischaewa L.I. Homo ludens, Fake News und Text, oder warum ändern sich die Textgestaltungsprinzipien? // Русская германистика : Ежегодник Российского союза германистов. – Москва : ФЛИНТА, 2020. – Т. 17 : Типология текстов и дискурсивные практики в немецкоязычном культурном пространстве. – С. 24–47.

Grischaewa L.I. Konstruktion vom Simularkrum, ludophile Texte, soziale Kritik und Präzedenzphänomene als sekundäres nominatives Ausdrucksmittel // Русская германистика : Ежегодник Российского союза германистов. – Нижний Новгород : Нижегород. гос. лингв. университет им. Н.А. Добролюбова, 2022. – Т. 19.– С. 120–144.

Link J. Warum Diskurse nicht von personalen Subjekten ‘ausgehandelt’ werden : Von der Diskurs- zur Interdiskurstheorie // Die diskursive Konstruktion von Wirklichkeit : Zum Verhältnis von Wissenssoziologie und Diskursforschung / Hrsg. R. Keller, A. Hirseland et al. – Konstanz : UVK Verlagsgesellschaft mbH, 2005. – S. 77–99.

Noelle-Neumann E. Öffentliche Meinung : Die Entdeckung der Schweigespirale. – Frankfurt am Main : Ullstein, 1996. – 408 S.

Tsvasman L. Informationsgesellschaft [information society] // Das groβe Lexikon Medien und Kommunikation : Kompendium interdisziplinärer Konzepte / L Tsvasman (Hrsg.). – Würzburg : Ergon Verlag, 2006. – S. 134–140.

References

Grishaeva L.I. *Var’irovanije teksta v kommunikacii* [Text variation in communication]. Voronezh : NAUKA-JUNIPRESS, 2020. 291 p. (In Russian)

Mediatekst : strategii – funktsi – stil’ : kollektivnaja monografija [Mediatext – strategies – functions – style : collective monograph] / Grishaeva L., Pastukhov A.I., Tchernyshova T.V. (ed.). Orjol : OOO “Gorizont”, 2010. 226 p. (In Russian)

Sirotinina O.V., Degal’ceva A.V. *Dinamika norm russkogo jazyka : otvety na vysovy vremeni I novyje uslovija zhisni* [Sirotinina O.V., Degaltseva A.V. Dynamics of the norms in the Russian language : responses to the challenges of the time and new environment]. Saratov : Isd. Saratovskogo universiteta, 2023. 128 p. (In Russian)

Ščipicina L.Ju. *Modifikacija ponjatija teksta v komp’uternoj kommunikacii // Mediatekst : strategii – funkcii – stil’* [Modification of the concept of text in computer-mediated communication]. In: *Mediatext : strategies – functions – style*. Orjol : OOO “Gorizont”. 2010. Pp. 186–195. (In Russian)

Jazykovaja norma v sinchronii I diachronii : kul’turnoje dostojanije ili posjagatel’stvo na samovyrazhenije? : kollektivnaja monografija / pod red. N.N. Germnova, V.A. Piščal’nikova [The linguistic norm in synchrony and diachrony : cultural heritage or encroachment on self-expression?] / Ed. by N.N. Germanova, V.A. Pishchalnikova. Moscow : REMA, 2023. 214 p. (In Russian)

Grischaewa L.I. *Homo ludens, Fake News und Text, oder warum ändern sich die Textgestaltungsprinzipien?* In: *Russkaja germanistika : Ezhegodnik Rossijskogo sojuza germanistov*. Moscow : FLINTA, 2020. T. 17 : Tipologija tekstov I diskursivnyje praktiki v neveckojazyčnomkulturnom prostranstve. S. 24–47.

Grischaewa L.I. *Konstruktion vom Simularkrum, ludophile Texte, soziale Kritik und Präzedenzphänomene als sekundäres nominatives Ausdrucksmittel.* In: *Russkaja germanistika : Ezhegodnik Rossijskogo sojuza germanistov*. Nizhnij Novgorod : Nizhegorodskij gosudarstvennyj lingvističeskij univ. im. N.A. Dobroljubova, 2022. T. 19. S. 120–144.

Link J. *Warum Diskurse nicht von personalen Subjekten ‘ausgehandelt’ werden* : Von der Diskurs- zur Interdiskurstheorie. In: In: *Die diskursive Konstruktion von Wirklichkeit : Zum Verhältnis von Wissenssoziologie und Diskursforschung* / Hrsg. R. Keller, A. Hirseland et al. Konstanz : UVK Verlagsgesellschaft mbH, 2005. S. 77–99.

Noelle-Neumann E. *Öffentliche Meinung : Die Entdeckung der Schweigespirale.* Frankfurt am Main : Ullstein, 1996. 408 S.

Tsvasman L. *Informationsgesellschaft [information society]*. In: *Das große Lexikon Medien und Kommunikation : Kompendium interdisziplinärer Konzepte* / L. Tsvasman (Hrsg.). Würzburg : Ergon Verlag, 2006. S. 134–140.

УДК: 81’25 DOI: 10.31249/ling/2025.03.07

Шамилов Р.М.[1]

КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ И ПОТРЕБНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ КОНЦЕПЦИИ ПЕРЕВОДА: СХОДСТВА И ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ ОТЛИЧИЯ

Аннотация. Статья посвящена сравнительно-сопоставительному анализу теоретических положений двух концептуально близких теорий перевода – уже практически утвердившейся в отечественном переводоведении коммуникативно-функциональной и продолжающей разрабатываться потребностно-ориентированной. Устанавливаются сходства и отличия между концепциями. Сходства включают антропоцентризм, интегрирование отдельных идей скопос-теории в теоретическую основу, широкая трактовка понятия «перевод» и признание для переводческой деятельности приоритетной роль текста перевода, а не текста оригинала, на основе которого тот создается. К отличиям относятся: а) оперирование разными идеями скопос-теории при построении аргументации: цель (скопос) как квинтэссенция, от которой зависит, какой в функциональном отношении (равноценный/неравноценный оригиналу) будет создан перевод, – в коммуникативно-функциональной концепции, и уподобление текста оригинала сырью для создания продукта (перевода) с учетом цели (скопоса) – в потребностно-ориентированной концепции; б) признание абсолютной несостоятельности идеи противопоставления перевода и адаптивного транскодирования – в потребностно-ориентированной концепции, и частичное согласие с ней в коммуникативно-

Шамилов Равиддин Мирзоевич – кандидат филологических наук, доцент, доцент департамента иностранных языков и профессиональной коммуникации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; raviddin@mail.ru

функциональной; в) признание в потребностно-ориентированной концепции противоестественным инициирование перевода переводчиком, если речь идет о профессиональном переводе, где переводчик выступает лишь исполнителем переводческой услуги, и признание возможности инициирования перевода (причем исключительно художественного) переводчиком в коммуникативно-функциональной концепции; г) построение учения о стратегиях перевода на основе сравнения целей создания оригинала и перевода и выполняемых ими функций, в котором реализация разных стратегий не обязательно приводит к разным с точки зрения языкового оформления результатам, – в коммуникативно-функциональной концепции, и построение учения по принципу «разная стратегия – разный продукт перевода» на основе учета технического задания (translation brief), обусловленного характером потребности и задачи, подлежащий решению с помощью перевода как инструмента, – в потребностно-ориентированной концепции.

Ключевые слова: коммуникативно-функциональная концепция; потребностно-ориентированная концепция; профессиональный перевод; скопос-теория; стратегия перевода.

Для цитирования: Шамилов Р.М. Коммуникативно-функциональная и потребностно-ориентированная концепции перевода : сходства и принципиальные отличия // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6: Языкознание. – 2025. – № 3. – С. 86–105. – DOI: 10.31249/ling/2025.03.07

Shamilov R.M.[*]

COMMUNICATIVE-FUNCTIONAL AND NEEDS-TAILORED THEORIES OF TRANSLATION: SIMILARITIES AND FUNDAMENTAL DIFFERENCES

Abstract. The article is devoted to the comparative analysis of the theoretical provisions of two conceptually close translation theories – the communicative-functional theory, which has practically established itself as one of cutting-edge theories in Russian translation studies, and the needs-tailored theory, whose development is currently in progress. The paper establishes similarities and fundamental differences between

[*] Shamilov Raviddin Mirzoevich – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Foreign Languages and Professional Communication, HSE University; raviddin@mail.ru

the two approaches. The similarities shared by each of the theories include anthropocentrism, integration of some ideas of the Skopos theory into their theoretical framework, a broad interpretation of the concept of translation encompassing not only translation proper but also various kinds of the so-called adaptation, and recognition of the idea that in terms of performing a translation activity, a target text is to take priority over the relevant source text, based on which the former is created. The differences comprise: a) the use of different ideas of Skopos theory in the construction of the arguments, namely: the aim (skopos) as the quintessence which determines what kind of translation will be created in functional terms, i.e. equivalent or nonequivalent to the source text – in the communicative-functional approach, and likening the source text to a raw material, used for creating a product (target text), taking into account the aim (skopos) – in the needs-tailored theory; b) claim that the idea of distinguishing between translation and adaptive transcoding (adaptation) is absolutely inconsistent – in the needs-tailored approach, and partial agreement with this idea in the communicative-functional theory; c) standpoint of the needs-tailored theory that a professional translation could hardly be initiated by a translator himself, since it is incompatible with the nature of translation, which is a service rendered by a professional to his/her clients, as opposed to the recognition of the possibility of initiation of translation (literary translation only) by a translator in the communicative-functional approach; d) construction of the doctrine of translation strategies based on the comparison of the aims of source and target texts as well as the functions performed by them, in which the impementation of the strategies does not necessarily result in the production of a target text differing from the relevant source text in terms of its linguistic (textual) characteristics – in the communicative-functional theory, as opposed to the construction of the doctrine of translation strategies based on the principle "different strategy – different translation product", which takes into account the translation brief, determined by the specificity of the need and the task to be solved with the use of a target text as a tool – in the need-tailored approach.

Keywords: communicative-functional theory of translation; needs-tailored theory of translation; professional translation; skopos-theory; translation strategy.

For citation: Shamilov R.M. Communicative-functional and needs-tailored theories of translation: similarities and principal differences // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6.

Yazykoznanie [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2025. № 3. P. 86–105. DOI: 10.31249/ling/2025.03.07

Введение

В условиях, когда по-прежнему сохраняется разрыв между теорией и практикой перевода, что, в свою очередь, не может не отражаться и на его дидактике, нами недавно была предпринята попытка разработать собственную концепцию перевода, получившую название потребностно-ориентированной [Шамилов, 2023]. С этой теорией, которую следует расценивать в качестве «факультативной альтернативы в дополнение к уже имеющимся» [Цвиллинг, 2009, с. 96], мы связываем надежду на то, что нам удастся внести свой скромный вклад в дело обеспечения прочной корреляции между указанными аспектами перевода. Тот факт, что в своих рассуждениях мы будем аппелировать к некоторым положениям разработанных ранее теорий и особенно к тем, которые согласуются (или по крайней мере не вступают в конфликт) с сервисно-инструментальной сущностью перевода как деятельности – краеугольным камнем нашей теории – может вызвать у кого-то сомнение в новизне нашей концепции и наличии достаточных оснований признавать ее самостоятельной. Впрочем такая точка зрения уже высказана в недавно увидевшей свет монографии В.В. Сдобникова [Сдобников, 2024]. Исследователь склонен рассматривать потребностно-ориентированную концепцию в качестве одного из направлений коммуникативно-функционального подхода [Сдобников, 2024, с. 68], некоторые достижения которого в силу указанных выше причин, разумеется, были (и не исключено, что еще будут) нами заимствованы. Смеем предположить, что такой вывод ученого может быть связан исключительно с отсутствием на момент подготовки им к печати своего труда работы, в которой были бы четко прописаны сходства и, что более важно, принципиальные отличия, которые имеются на текущий момент между двумя концепциями. Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы восполнить этот пробел и предоставить возможность исследователям на основании прочитанного сформировать собственное мнение (или, быть может, пересмотреть прежнюю точку зрения) относительно потребностноориентированной концепции перевода.

Сходства

Антропоцентричность

Суть коммуникативно-функциональной концепции перевода отражена в ее названии. Ключевые понятия, вокруг которой выстраивается эта концепция: а) коммуникативная ситуация с использованием перевода и б) функция, которой наделяется текст перевода в данной коммуникативной ситуации. (Есть еще и третье понятие – цель перевода, но о ней речь пойдет чуть позже). Антропоцентричность коммуникативного-функционального подхода заключается в том, что оба этих понятия объединяются личностью инициатора перевода. Особенности инициатора (потребность, ожидания, предметная деятельность), которыми вместе с другими экстралингвистическими факторами детерминируется специфика коммуникативной ситуации, непременно учитываются переводчиком на этапе переводческого анализа, поскольку от них зависит ход переводческого процесса и качество его результата. Со стороны инициатора же происходит формулировка цели перевода и наделение текста перевода функцией, которую он будет призван выполнять в принимающей культуре.

В потребностностно ориентированной концепции (см. [Шамилов, 2023]), которая исходит из сервисно-инструментальной сущности перевода, во главу угла также ставится личность инициатора и/или потребителя перевода, как потребителя переводческой услуги, чью потребность в переводе в полном соответствии с его ожиданием в отношении продукта переводческой деятельности должен удовлетворить переводчик. Ключевыми понятиями в этой концепции выступают потребность и ожидания инициатора и/или потребителя перевода, а также языковое оформление текста перевода.

Примат текста перевода над оригиналом

Это сходство напрямую следует из первого сходства. Всякая переводческая концепция в своей теоретической основе априорно будет исходить из одного из следующих двух взаимоисключающих принципов: а) признание примата оригинала над текстом перевода и б) признание примата текста перевода над оригиналом. И коммуникативно-функциональная, и потребностноориентированная концепции перевода принадлежат к тем парадигмам, в ко-

торых в отношениях между оригиналом и текстом перевода приоритетным признается перевод. Это выражается в том, что результат переводческой деятельности рассматривается в качестве инструмента, призванного обеспечить инициатора и/или потребителя перевода возможностью успешного осуществления их предметной деятельности (в коммуникативно-функциональной концепции) или решения той конкретной задачи (в потребностно-ориентированной концепции), ради которой перевод создается. В этой связи в потребностно-ориентированной теории перевода особое место отводится фактору языкового оформления продукта переводческой деятельности и удобства в его применении (эргономичности) для решения стоящей перед ним задачи.

Идеи скопос-теории в теоретических положениях

И коммуникативно-функциональная, и потребностно-ориентированная концепции перевода в своих теоретических основах содержат некоторые из положений и/или идей скопос-теории.

Отличия

Характер положений / идей скопос-теории, лежащих в основе концепций

Несмотря на то, что в основе обеих концепций лежат определенные положения/идеи скопос-теории, принципиальное отличие между концепциями связано с тем, к каким именно положениям/идеям происходит аппелирование в каждой из них. Так, коммуникативно-функциональная концепция перевода опирается на учение скопос-теории о том, что основным фактором каждого переводческого акта является его цель (скопос), и что успех переводческой деятельности определяется соответствием результата той цели (скопоса), ради которой она осуществлялась. Цель перевода выступает точкой опоры в построении учения о стратегиях перевода (об этом речь пойдет чуть позже).

Потребностно-ориентированная концепция оперирует идеей скопос-теории рассматривать исходный текст в качестве *сырья* [Vermeer, 1987, p. 541], из которого можно получить продукт, в данном случае – перевод. Такое, без преувеличения сказать, революционное для своего времени предложение не могло не вызвать

интерес у современников и переводоведов последующего поколения. Идея обращения с исходным текстом как с сырьем, из которого в зависимости от цели (скопоса) может потребоваться создание определенного продукта, функционально неэквивалентного оригиналу, оказалась настолько будоражащей сознание, что побудила некоторых исследователей в процессе постижения и истолкования (не без доли критики) сути скопос-теории моделировать различные коммуникативные ситуации осуществления перевода (в которых, быть может, им самим оказываться не доводилось). К примеру, З.Д. Львовская моделирует две ситуации выполнения перевода научного текста о лечении бронхиальной астмы. В одном случае требуется осуществление коммуникативно эквивалентного перевода указанного текста, в другом – создание на его основе фармацевтического каталога лекарств, рекомендуемого пациентам, страдающим бронхиальной астмой [Львовская, 2008, с. 128]. Сама З.Д. Львовская, впрочем, не предъявляя каких-либо претензий к учению скопос-теории, отстаивает точку зрения о том, что в указанных ситуациях имеют место разные по своему характеру виды двуязычной деятельности, требующие от переводчика овладения разными наборами профессиональных компетенций. С учетом этого обстоятельства вопреки амбициозности скопос-теории, которая по задумке Г. Вермеера и К. Райс должна была стать всеобъемлющей (о чем свидетельствует само название их работы [Reiss, Vermeer, 2013]) и приложимой ко всем видам переводческой деятельности независимо от жанрово-стилистических, функциональных и др. особенностей текстов, подлежащих переводу, З.Д. Львовская считает, что объектом теории перевода должен оставаться исключительно перевод в его традиционном понимании, т. е. подразумевающем его функциональную эквивалентность с оригиналом [Львовская, 2008, с. 132–133]. Под впечатлением скопос-теории не менее примечательную ситуацию моделирует и Дж. Мандей: исходный текст, в котором подробно изложены положения об академических степенях университета, переводится реферативно или частично, и получившийся перевод впоследствии используется как часть текста на языке перевода, в котором приводятся условия перевода между образовательными программами в системах образования разных стран [Munday, 2016, p. 127].

Идея уподобления исходного текста сырью созвучна сервисно-инструментальной сущности перевода как отдельной области сферы услуг. Как и в случае с любой другой услугой, перевод, как услуга, подразумевает создание из сырья или на его основе, коим

выступает текст оригинала (в письменной или устной форме), продукта, удовлетворяющего потребность и ожидание конкретного инициатора и/или потребителя в том числе благодаря соответствующему языковому оформлению в содержательно-смысловом и/или формально-структурном плане. В этом отношении в потребностно-ориентированной концепции перевода, в отличие от коммуникативно-функциональной, основополагающим понятием является не цель, а именно потребность.

Отношение к дихотомии «перевод vs адаптивное транскодирование»

Несмотря на общность в подходах к определению «перевода» – в обеих концепциях под переводом предлагается понимать прежде всего «текст, созданный с опорой на текст на исходном языке» – концепции по-разному подходят к традиционному в отечественном переводоведении вопросу разграничения перевода и иных видов языкового посредничества (адаптивного транскодирования). Коммуникативно-функциональный подход частично разделяет подобное разграничение, что выражается в том, что два из трех так называемых видов адаптивного транскодирования – сокращенный и адаптивный переводы – приравниваются к собственно переводу, в то время как реферативный перевод продолжает оставаться в статусе иного вида языкового посредничества, т.е. неперевода. Здесь справедливости ради следует отметить, что в одной из своих работ применительно к коммуникативно-функциональной дефиниции перевода В.В. Сдобников дает следующее пояснение: «Понятно, что предложенное нами определение перевода охватывает практически все виды переводческой деятельности, включая те, в которых содержательное, структурное, стилистическое подобие перевода оригиналу незначительно (адаптация, пересказ, реферат)» [Сдобников, 2015а, с. 83]. Однако в его более поздних работах рассуждения вокруг статуса реферативного перевода носят явно противоречивый характер: в одном случае [Сдобников, 2015б, с. 174; Сдобников, Петрова, Калинин, 2019, с. 145] вопреки коммуникативно-функциональному определению перевода выражается солидарность с В.Н. Комиссаровым [Комиссаров, 1990, с. 48–50] в отнесении перевода-реферата к иным видам языкового посредничества, в другом – реферативный перевод предстает в виде результата осуществления переводческой деятельности (именно переводческой, а не какой-либо другой деятельности,

подразумевающей двуязычную коммуникацию!) в частном порядке в ситуации, когда цель перевода не совпадает с целью создания оригинала [Сдобников, 2015б, с. 167]. Отсутствие однозначности в суждениях все же свидетельствует о частичном признании коммуникативно-функциональным подходом обоснованности идеи разграничения перевода и адаптивного транскодирования, даже если это не совсем согласуется с его теоретическими положениями.

Потребностно-ориентированная концепция перевода куда более категорична и выступает против разграничения перевода и иных видов языкового посредничества в принципе, но не против самой идеи дихотомии как таковой. Призывая признавать переводом всякий продукт, созданный с опорой исключительно на текст на исходном языке при условии сохранения того, что З.Д. Львовская именует концептуальной программой автора [Львовская, 2008], в силу возможных очевидных расхождений между переводом и оригиналом с точки зрения языкового оформления, обусловленных потребностью и ожиданием инициатора и/или потребителя перевода, потребностноориентированная концепция предлагает говорить о двух типах (категориях) перевода – *переводе конвенциональном* и *переводе пекулярном*. Под первой подразумевается так называемый собственно перевод, или, как склонны охарактеризовывать его мы, перевод по умолчанию, который благодаря своему статусу полноправного функционального аналога исходного текста, подобно оригиналу в исходной культуре, должен рассматриваться в качестве перевода на все случаи жизни. Ко второй мы относим абсолютно все продукты, получаемые в результате оказания переводческой услуги и имеющие расхождения с оригиналом в текстовых характеристиках, включая прежде всего традиционно именуемые видами адаптивного транскодирования неполные виды перевода: сокращенный, адаптивный, реферативный, фрагментарный, выборочный (аспектный) переводы [Шамилов, 2023, с. 130–131]. На примере последнего можно объяснить нижеследующее принципиальное отличие между концепциями.

Переводчик как инициатор перевода

Одним из неоспоримых достижений коммуникативно-функционального подхода является то, что в его рамках впервые в отечественном переводоведении была предпринята попытка типологизации коммуникативных ситуаций с использованием перевода (КСП). Типология состоит из двух типов коммуникативных ситуа-

ций (КСП-1 и КСП-2), каждый из которых, в свою очередь, включает определенное количество подвидов, выделяемых на основе конкретного критерия. В частности, критерием для выделения подвидов КСП-2, в которых, в отличие от КСП-1, необходимость в осуществлении перевода возникает постфактум, т.е. выполнение его перевода изначально не планировалось, и, следовательно, подразумевается осуществление исключительно письменного перевода, выступает личность инициатора перевода. Инициировать письменный перевод, по справедливому наблюдению В.В. Сдобникова, может абсолютно каждый из коммуникантов ситуации: автор исходного текста, заказчик, получатель, переводчик. Опираясь на практический опыт выполнения переводов текстов разной жанрово-стилистической принадлежности, накопленный не одним поколением переводчиков, исследователь допускает в трех из четырех подвидов КСП-2 два сценария: перевод текста художественного (или публицистического) и перевода текста специального. И лишь в одной коммуникативной ситуации – инициируемой переводчиком – по мнению В.В. Сдобникова, возможен только перевод художественного и/или публицистического текста. Исследователь отмечает, что перевод подобных текстов по инициативе переводчика происходит, когда он следует мотиву, который заключается в осознании им «особой значимости текста на ИЯ не только для культуры ИЯ, но и для культуры ПЯ» [Сдобников, 2015б, с. 91]. Руководствуясь таким мотивом, переводчик преследует цель создания на языке перевода аналог «зацепившего» его своими выдающимися качествами оригинала, и одновременно с этим происходит достижение еще одной цели – творческого самовыражения переводчика [там же]. Свои рассуждения по поводу этой ситуации переводовед завершает следующими словами: «Вполне очевидно, что «зацепить» переводчика может лишь текст, обладающий определенными художественно-эстетическими достоинствами, значимый с общечеловеческой точки зрения. Специальные тексты к такой категории, разумеется, не относятся» [Сдобников, 2015б, с. 92]. Примечательным является тот факт, что оперирование мотивом в качестве аргумента сближает В.В. Сдобникова с критикующим его и яростно отвергающим коммуникативно-функциональную концепцию перевода Р.Р. Чайковским. Думается, что мотив «зацепить» мог бы вполне благополучно пополнить перечень мотивов, которые, по мнению Р.Р. Чайковского, нередко обусловливают создание переводов в области художественной литературы, а именно: удовольствие от текста, соперниче-

ство с другими переводчиками, исполнение переводческого долга, заработок [Чайковский, 2016, с. 17].

Если признавать справедливой точку зрения, что мотив может служить триггером для осуществления перевода художественного текста, тогда почему же нельзя допустить, что он не может спровоцировать выполнение перевода текста специального? Конечно, следует согласиться, что специальный текст вряд ли может «зацепить» переводчика. Однако из списка мотивов, представленных выше, кажется, один мог бы претендовать на статус «универсального» и побудить переводчика на выполнение в том числе и специального перевода. Речь идет, как нетрудно догадаться, о мотиве «заработок». В связи с этим автору настоящей статьи вспоминается недавний случай, который имел место на одном из семинарских занятий по теории перевода: студентка, проникнувшаяся вышеупомянутой типологией коммуникативных ситуаций с использованием перевода, задала вполне резонный, на наш взгляд, вопрос: «А почему бы переводчику не перевести специальный текст, скажем, инструкцию к какому-нибудь прибору, для своего портфолио?». Воистину, создание портфолио для переводчика, в особенности для начинающего, сегодня является одним из способов презентации своих профессиональных компетенций потенциальному работодателю (или клиентам). И совершенно очевидно, что в силу отсутствия практического опыта и, как следствие, невозможности включения в портфолио конкретных результатов реализованных им переводческих проектов (заказов), начинающий переводчик может принять решение включить в него примеры выполненных им по своему усмотрению переводов абсолютно разных по жанру и тематике специальных текстов, но, вероятнее всего принадлежащих к тем предметным областям, в которых ему хотелось бы в будущем специализироваться. Отсюда можно сделать вывод, что перечень подвидов КСП-2, где инициатором выступает переводчик, необходимо пополнить и подвидом со специальным текстом в качестве объекта перевода.

Вышеуказанные примеры перевода, однако, не имеют ничего общего с тем, что принято считать профессиональным переводом, и оттого не представляют серьезного интереса для потребностно-ориентированной концепции перевода, которая ставит перед собой цель описать закономерности и механизм осуществления прежде всего профессионального перевода. Опора на сервисно-инструментальную сущность перевода позволяет выделить принципиальное отличие профессионального перевода как деятельно-

сти от любого другого случая «мотивированного» осуществления перевода (наподобие тех, что приведены выше), в том числе со стороны профессиональных переводчиков (специалистов, имеющих квалификацию переводчика). По нашему убеждению, отличие заключается в том, что перевод, как услуга в рыночном смысле этого слова, начинается не с осознания переводчиком своего или чьего бы то ни было мотива, а с возникновения потребности у инициатора перевода в решении определенной задачи, чему и должен способствовать перевод, выступающий в этом отношении ничем иным как инструментом. Если подходить к сказанному строго с профессиональной точки зрения, т.е. с позиции переводчика как лица, оказывающего переводческую услугу в интересах конкретного клиента, инициаторами должны выступать все (автор оригинала, заказчик, потребитель), кроме переводчика. Исключением из этого правила не может быть и описанный ранее случай порождения художественного перевода с целью, так сказать, творческого самовыражения переводчика. Сказанное особенно справедливо, если принимать во внимание дальнейшую судьбу такого перевода, когда при удачном стечении обстоятельств (например, переводчику удастся (чего бы это ему ни стоило) убедить издательство (заказчика) в целесообразности опубликования перевода, т.е., по сути, продать результат своего труда издательству) перевод увидит свет и дойдет до широких масс. И именно при подобном сценарии, когда результат перевода, выражаясь словами Б. Озимо, оказывается вовлеченным в систему рыночных отношений [Osimo, 2004], перевод перестает быть просто способом творческого самовыражения и обретает статус профессионального. Это становится возможным за счет включения продукта в новую коммуникативную ситуацию, где инициатором выступает уже издательство, и в этом качестве оно может предъявлять к предложенному результату перевода свои требования, как в случае, если бы он выступил заказчиком изначально.

Тем не менее один сценарий инициирования перевода переводчиком, где механизм осуществления перевода оказывается максимально приближенным к принципам выполнения профессионального перевода, и, на наш взгляд, вполне может считаться таковым, все же имеется. Это происходит, когда в одном лице сочетаются сразу две ипостаси – непосредственно автора текста (самостоятельного произведения) и переводчика, причем вторая ипостась преломляется в первой. Такое довольно часто наблюдается в трудах ученых, публицистов, журналистов и пр., которые по роду

своей деятельности при проведении исследований и написании работ обращаются к материалам на иностранном языке и, переводя их самостоятельно, интегрируют эти работы целиком или частично в свое произведение. К примеру, исследователь готовит учебник (энциклопедический справочник, хрестоматию и др.) по истории и в соответствии с авторской задумкой принимает решение включить в него тексты исторических материалов (речи, документы и пр.), которые представляет особую ценность для данного конкретного случая, и если отсутствует перевод того или иного материала, перевод выполняется самим автором. Для наглядности можно упомянуть пример хрестоматии по истории США, куда автор-составитель – Э.А. Иванян – включил, в частности, выполненный им самим перевод Гёттисбергской речи Авраама Линкольна [Иванян, 2005, с. 106]. Или другой пример, знакомый абсолютно любому научному деятелю: у ученого при подготовке научного труда (статьи, монографии, учебника и др.) может возникнуть потребность в изложении в нем воззрений на проблематику исследования своих зарубежных коллег, чьи работы еще не переведены на язык, на котором пишется труд, и с этой целью при необходимости он приводит цитату, переведенную самостоятельно. Налицо случай инициирования пекулярного (особого) перевода, а именно – выборочного (аспектного), при котором, как отмечает Д. Гуадек, «происходит передача лишь тех сведений, содержащихся в оригинале, которые относятся к одному специальному вопросу, и опущение нерелевантной информации» (перевод мой. – *Р. Ш.*) (цит. по: [Shuttleworth, Cowie, 2014, p. 150]). Именно подобного рода ситуации и признаются нами исключительными и единственными, заслуживающими наряду с абсолютно всеми случаями осуществления перевода по инициативе автора исходного текста, заказчика и потребителя права именоваться профессиональными и рассматриваться в качестве объекта исследования в потребностноориентированной концепции перевода.

Учение о стратегиях перевода

В коммуникативно-функциональной концепции в основе учения о стратегиях перевода, коих насчитывается три, лежит цель перевода в данной коммуникативной ситуации. Выбор стратегии определяется особенностями коммуникативной ситуации (экстралингвистическими факторами) и прежде всего сопоставлением целей создания перевода и оригинала и выполняемых ими функций.

Различие между стратегиями сам В.В. Сдобников объясняет следующим образом: «Оно [различие] заключается в разном целеполагании: стратегия коммуникативно-равноценного перевода реализуется с целью создания функционального аналога оригинала, выполняющего ту же функцию и оказывающего то же воздействие на получателей; стратегия терциарного перевода реализуется в тех случаях, когда цель перевода не совпадает с целью создания оригинала; стратегия переадресации реализуется с целью создания текста, в целом выполняющего ту же функцию, что и оригинал, но адаптированного к восприятию аудитории, отличной от аудитории исходного текста своими социальными характеристиками (например, перевод специального текста в расчете на неспециалистов, перевод «взрослого» текста в расчете на детскую аудиторию)» [Сдобников, 2022, с. 31]. Справедливости ради следует отметить, что В.В. Сдобников тут же делает важную, на наш взгляд, оговорку: «Очевидно, что от реализуемой стратегии зависит и степень схожести перевода и оригинала. При этом характер содержательных и формальных расхождений между двумя текстами детерминирован целью перевода, в свою очередь определяемой потребностями и ожиданиями получателей (потребителей) перевода, а в конечном итоге – используемой стратегией» [там же].

В этой оговорке действительно содержится указание на все те моменты, которые отстаивает потребностноориентированная концепция перевода, а именно признание того факта, что результат перевода может (а порой и должен!) отличаться по своему языковому оформлению в содержательном и/или формальном отношении от оригинала. По мнению В.В. Сдобникова, расхождения между текстами детерминированы именно целью перевода. С этим можно было бы согласиться, если бы не было случаев осуществления переводов публицистических текстов (по примеру Гёттисбергской речи), которые априорно не могут переводиться с сохранением цели автора оригинала, той же функции и того же воздействия, т.е. такие переводы выполняются терциарно по умолчанию. Означает ли это, что переводчик, безусловно, осознающий все вышесказанное, на языке перевода будет намеренно создавать текст, который будет иметь содержательно-смысловые и/или формально-структурные расхождения с оригиналом? В этой связи мы находим вполне резонными слова скептически настроенного к коммуникативно-функциональному учению о трех стратегиях перевода В.К. Ланчикова: «Зачем переводить текст не так, как он написан автором? Потому что он будет использоваться с целью, отличной

от той, которая предполагалась его автором? Но ведь и текст оригинала не всегда используется носителями ИЯ с одной и той же целью. Обычный читатель, литературный критик и кинорежиссер могут читать одно и то же произведение с совершенно разными целями. Даже текст технической инструкции можно читать для того, чтобы научиться пользоваться прибором, можно – чтобы посмотреть, как пишутся такие инструкции, можно – чтобы убедиться, что в ней отсутствует информация, необходимая для безопасного использования прибора, и на этом основании подать в суд на производителя. И ведь при этом будет одинаково успешно использоваться один и тот же текст литературного произведения в первом случае и инструкции во втором. Что же меняется в случае перевода?» [Петрова, Ланчиков, 2017, с. 47–48].

На вопрос В.К. Ланчикова можно уверенно ответить, что в случае перевода что-либо может поменяться, если будут наличествовать соответствующие указания со стороны инициатора и/или потребителя к языковому оформлению текста перевода. Думается, что без оных выполнение перевода терциарного с технологической точки зрения практически ничем не будет отличаться от выполнения перевода коммуникативно-равноценного, даже если у переводчика имеется четкое осознание того, что перевод выполняется с иной целью. И здесь в качестве довода уместно привести еще одну цитату из работы В.К. Ланчикова, в которой выражается его несогласие с убежденностью В.В. Сдобникова о том, что разница в передаче стилистических особенностей в разных переводах Гёттисбергской речи, в том числе перевода, выполненного самим В.К. Ланчиковым, обусловлена несовпадением целей создания перевода и оригинала. На самом же деле, по мнению В.К. Ланчикова, разница в стилистической интерпретации в переводах Геттисбергской речи явление вовсе не уникальное, а скорее рядовое, которое может иметь место при переводе абсолютно любого одного и того же текста разными переводчиками и объясняется всего лишь тем, «***что*** каждый из переводчиков увидел (или не увидел) в тексте, посчитал (или не посчитал) существенным для воспроизведения речи как целостного произведения, созданного с определенной целью – независимо от цели выполнения перевода» [Петрова, Ланчиков, 2017, с. 47]. В контексте вышеизложенного невольно хочется задаться вопросом «А есть ли практическая ценность у стратегии терциарного перевода?».

Потребностно-ориентированная концепция перевода предлагает взглянуть на учение о стратегиях перевода с позиции перево-

дчика, как лица, которому предстоит реализовать эти стратегии на практике, и исходить из принципа «разная стратегия – разный по своему языковому оформлению продукт перевода». Практика перевода показывает, что, как было отмечено выше, переводчик будет переводить как-то по-другому, пожалуй, лишь в том случае, если со стороны инициатора и/или потребителя перевода предъявляются определенные требования к языковому оформлению продукта, в этом и заключается его *ожидание* в отношении продукта. А ожидание в свою очередь напрямую зависит от *потребности* в продукте перевода, имеющего конкретное, быть может, отличное от исходного, *языковое оформление*. И именно потребность, о которой, как правило, переводчик узнает из установки на перевод, более известной как translation brief, или из технического задания, а не цель, на наш взгляд, детерминирует выбор стратегии перевода. Первостепенная значимость этого фактора, детерминирующего дальнейший ход переводческого процесса, переводческих решений и действий и, конечно же, конечный результат, подчеркивается в работах ряда исследователей (см. напр. [Найдич, Павлова, 2015; Шлепнев, 2018]). Чтобы понять, каким образом учет установки на перевод (технического задания) может отразиться на языковом оформлении продукта переводческой деятельности, достаточно взглянуть на то, как излагает сущность translation brief сам автор этого термина К. Норд. По мнению К. Норд, в зависимости от ситуации установка на перевод может потребовать от переводчика осуществления, к примеру: а) адаптации прозаического произведения для постановки на сцене; б) перевод пьес Шекспира для использования на занятиях по иностранному языку; в) дословного перевода стихотворения на арабском языке, на основе которого впоследствии будет выполнен литературный перевод этого же стихотворения англоговорящим поэтом, не владеющим языком оригинала; г) перевода произведения «Путешествия Гулливера» в расчёте на детскую аудиторию; д) идеологической переработки исходного текста из религиозных, этических или коммерческих соображений [Nord, 2018, p. 9].

Рассмотренная ранее дихотомия дает нам основания в рамках потребностно-ориентированной концепции перевода выделять две стратегии перевода – стратегию конвенционального перевода и стратегию пекулярного перевода. Саму же стратегию мы определяем следующим образом:

Стратегия перевода – это общая программа осуществления переводческой деятельности с учетом потребности инициато-

ра/потребителя перевода и в полном соответствии с его ожиданием, направленная на создание эргономичного с точки зрения языкового оформления продукта, способного обеспечить возможность успешного решения той задачи в рамках предметной деятельности, для которой этот продукт создается.

Стратегия конвенционального перевода – это программа осуществления переводческой деятельности, избираемая переводчиком как при наличии четкой установки на выполнение собственно перевода, так и в отсутствии таковой по умолчанию, результат которой призван выступить в качестве полноценной функциональной замены оригинала и будет максимально повторять его в языковом оформлении.

Стратегия пекулярного перевода – это программа осуществления переводческой деятельности, избираемая переводчиком при наличии обусловленных спецификой потребности особых требований со стороны инициатора и/или потребителя к языковому оформлению продукта, результат которой ожидаемо будет отличаться в содержательно-смысловом и/или формально-структурном отношении от оригинала и не будет претендовать на его полноценную функциональную замену.

Вопрос соотношения каждой из сформулированных стратегий с соответствующей категорией перевода требует детального изучения и рассмотрения в рамках отдельной статьи. Но предварительно отметим лишь, что в отдельно взятых случаях (например, в ситуациях осуществления фрагментарного перевода) соотношение между стратегиями (техниками выполнения перевода) и категориями перевода будет носить нестрогий характер. Все будет зависеть от исходного текста, от того, передается ли он переводчику в его авторской версии или перед этим подвергается определенной степени обработки со стороны инициатора и/или потребителя перевода (без ущерба смыслу, конечно же!), и, как следствие, от степени разнородности действий и операций, выполняемых переводчиком в процессе работы над переводом.

Заключение

Представленные в настоящей статье сходства демонстрируют преемственность между двумя концепциями перевода, которых объединяет их общее стремление преодолеть укоренившееся ограниченное видение сущности и назначения перевода и, опираясь на принцип антропоцентризма, предложить теорию, способную

учесть специфику практического осуществления множества разнообразных случаев перевода в интересах его инициатора. Однако разговор о преемственности был бы неполным, если бы мы ограничились упоминанием только общих черт и в нем не нашлось бы места отличиям между концепциями. В каждом из приведенных отличий выражается расхождение во взглядах между концепциями по вопросам, по которым позиция коммуникативно-функциональной теории делает ее уязвимой к критике со стороны приверженцев лингвистического подхода, а с нашей точки зрения – еще и препятствует полноценной увязке теории перевода с практикой (в определенной степени и дидактикой) перевода. Результаты исследования призваны укрепить теоретическую базу потребностно-ориентированного подхода и в дискуссиях в академической среде выступать в качестве аргументов в отстаивании самостоятельного статуса нашей концепции. Результаты также найдут применение в последующих работах, которые будут написаны в русле потребностноориентированного подхода и иметь своей целью верификацию сформулированных в статье теоретических утверждений (в частности, применительно к стратегиям перевода) на примере конкретных ситуаций из профессионального опыта практикующих переводчиков, в которых им представилась возможность выполнения не только конвенционального, но и разных видов пекулярного перевода.

Список литературы

Иванян Э.А. История США : Хрестоматия : пособие для вузов. – Москва : Дрофа, 2005. – 399 с.

Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – Москва : Высшая школа, 1990. – 253 с.

Львовская З.Д. Современные проблемы перевода: Пер. с исп. – Москва : Издательство ЛКИ, 2008. – 224 с.

Найдич Л.Э., Павлова А.В. Трубочист или лорд? Теория и практика немецко-русского и русско-немецкого перевода. – Санкт-Петербург : Златоуст, 2015. – 408 с.

Петрова О.В., Ланчиков В.К. Сколько гитик умеет перевод? Об одной концепции переводческих стратегий // Мосты. – 2017. – № 1 (53). – С. 40–50.

Сдобников В.В. Определение перевода : коммуникативно-функциональный подход // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. – 2015а. – Т. 11, № 3. – С. 76–84.

Сдобников В.В. Перевод и коммуникативная ситуация : монография. – Москва : ФЛИНТА : Наука, 2015б. – 464 с.

Сдобников В.В. Стратегии перевода : заблуждения и реальность // Вестник ВГУ. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2022. – № 2. – С. 27–34.

Сдобников В.В. Российское переводоведение в XXI веке : Проблемы и перспективы : монография. – Москва : Флинта, 2024. – 240 с.

Сдобников В.В., Петрова О.В., Калинин К.Е. Теория перевода (Коммуникативно-функциональный подход) : учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков. – Москва : ВКН, 2019. – 512 с.

Цвиллинг М.Я. О переводе и переводчиках : сборник научных статей. – Москва : Восточная книга, 2009. – 288 с.

Чайковский Р.Р. Свет и тени современного российского переводоведения // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. – 2016. – № 4. – С. 5–25.

Шамилов Р.М. Что такое потребностно-ориентированный перевод? // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2023. – Вып. 1 (61). – С. 116–135.

Шлеппнев Д.Н. Стратегия перевода и параметры стратегических решений // Перспективы науки и образования. – 2018. – № 5 (35). – С. 161–170.

Munday J. Introducing translation studies : Theories and applications. 4th edition. – London ; New York : Routledge, 2016. – 376 p.

Nord Ch. Translating as a purposeful activity : functionalist approaches explained. 2nd edition. – New York : Routledge, 2018. – 153 p.

Osimo B. Traduzione e qualità : la valutazione in ambito accademico e professionale. – Milano : Hoepli Editore, 2004. – 178 p.

Reiss K., Vermeer, H.J. Towards a general theory of translational action : Skopos theory explained. – Manchester : St. Jerome Publishing Company, 2013. – 221 p.

Shuttleworth M., Cowie M. Dictionary of translation studies. – London ; New York : Routledge, 2014. – 233 p.

Vermeer H.J. Literarische Übersetzung als Versuch interkultureller Kommunikation' // Perspektiven und Verfahren interkultureller Germanistik / A. Wierlacher (ed.). – Munchen : Iudicium, 1987. – S. 541–549.

References

Ivanyan E.A. *Istoriya SShA. Khrestomatiya : posobie dlya vuzov* [History of the USA : an anthlgy : a texbook for universities]. Moscow : Drofa, 2005. 399 p. (In Russian)

Komissarov V.N. *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Translation theory (linguistic aspects)]. Moscow : Vysshaya shkola, 1990. 253 p. (In Russian)

L'vovskaya Z.D. *Sovremennye problemy perevoda* [Modern issues of translation] : Trans. from Spanish. Moscow : Izdatel'stvo LKI, 2008. 224 p. (In Russian)

Najditch L.E., Pavlova A.V. *Trubochist ili lord? Teoriya i praktika nemetsko-russkogo i russko-nemetskogo perevoda* [Chimney sweep or lord? Theory and practice of German-Russian and Russian-German translation]. Saint Petersburg : Zlatoust, 2015. 408 p. (In Russian)

Petrova O.V., Lanchikov V.K. *Skol'ko gitik umeet perevod? Ob odnoy kontseptsii perevodcheskikh strategiy* [How many magic tricks does translation have?

A concept of translation strategies is viewed]. In : *Mosty* [Bridges]. 2017. N 1 (53). Pp. 40–50. (In Russian)

Sdobnikov V.V. *Opredelenie perevoda : kommunikativno-funktsional'nyy podkhod* [Definition of translation : communicative-functional approach]. In : *Teoreticheskie i prikladnye aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti* [Theoretical and applied aspects of speech activity studies]. 2015a. Vol. 11, N 3. Pp. 76–84. (In Russian)

Sdobnikov V.V. *Perevod i kommunikativnaya situatsiya : monografiya* [Translation and communicative situation : a monograph]. Moscow : FLINTA : Nauka, 2015b. 464 p. (In Russian)

Sdobnikov V.V. *Strategii perevoda : zabluzhdeniya i real'nost'* [Translation strategies : misperceptions and reality]. In: *Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*. 2022. N 2. Pp. 27–34. (In Russian)

Sdobnikov V.V. *Rossiyskoe perevodovedenie v XXI veke : Problemy i perspektivy : monografiya* [Russian Translation Studies in the XXI century : Problems and prospects : a monograph]. Moscow : Flinta, 2024. 240 p. (In Russian)

Sdobnikov V.V., Petrova O.V., Kalinin K.Ye. *Teoriya perevoda (Kommunikativno-funktsional'nyy podkhod)* [Translation theory (communicative-functional approach)] : a textbook for the students of linguistic universities and faculties of foreign languages. Moscow : VKN, 2019. 512 p. (In Russian.)

Zwilling M.Ya. *O perevode i perevodchikakh : sbornik nauchnykh statey* [On translation and translators : a collection of scientific papers]. Moscow : Vostochnaya kniga, 2009. 288 p. (In Russian).

Chaikovskiy R.R. *Svet i teni sovremennogo rossiyskogo perevodovedeniya* [Light ans shadows of modern translation studies in Russia]. In : *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 22. Teoriya perevoda* [Bulletin of Moscow university. Seriya 22. The theory of translation. 2016. N 4. Pp. 5–25. (In Russian)

Shamilov R.M. *Chto takoe potrebnostnoorientirovannyy perevod?* [What is a needs-centered translation?]. In : *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [LUNN Bulletin]. 2023. № 1 (61). Pp. 116–135. (In Russian)

Shlepnev D.N. *Strategiya perevoda i parametry strategicheskikh reshenij* [Translation strategy and parameters of strategic decisions]. In : *Perspektivy nauki i obrazovanija* [Perspectives of Science and Education]. 2018. N 5 (35). Pp. 161–170. (In Russian)

Munday J. *Introducing translation studies* : Theories and applications. 4th edition. – London ; New York : Routledge, 2016. 376 p.

Nord Ch. *Translating as a purposeful activity* : functionalist approaches explained. 2nd edition. New York : Routledge, 2018. 153 p.

Osimo B. *Traduzione e qualità : la valutazione in ambito accademico e professionale. Milano* : Hoepli Editore, 2004. 178 p.

Reiss K., Vermeer H.J. *Towards a general theory of translational action* : *Skopos theory explained*. Manchester : St. Jerome Publishing Company, 2013. 221 p.

Shuttleworth M., Cowie M. *Dictionary of translation studies*. London ; New York : Routledge, 2014. 233 p.

Vermeer H.J. *Literarische Übersetzung als Versuch interkultureller Kommunikation'*. In : *Perspektiven und Verfahren interkultureller Germanistik* / A. Wierlacher (ed). – München : Iudicium, 1987. – S. 541–549.

ДИСКУРС

УДК 811.111, 81’42. DOI: 10.31249/ling/2025.03.08

Головнёва Ю.В.[1]

СМЫСЛОВЫЕ СЦЕПЛЕНИЯ МЕТАФОР В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Аннотация. Статья посвящена такому явлению в лингвистике текста, как смысловое сцепление метафор – линейная последовательность двух или более метафор с общей областью-целью, но различными областями-источниками. Смысловые сцепления метафор анализируются в художественном тексте. Реализуясь внутри тематической единицы текста (диктемы или гипердиктемы), смысловые сцепления метафор развивают ее тему. Смысловое сцепление метафор отличается как от развернутой метафоры, так и от последовательно употребленных метафор с различными областями-целями.

Ключевые слова: метафора; смысловое сцепление метафор; развернутая метафора; диктема; гипердиктема; текст; лингвистика текста; художественный текст.

Для цитирования: Головнёва Ю.В. Смысловые сцепления метафор в художественном тексте // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер.6. Языкознание. – 2025. – № 3. – С. 106–118. – DOI: 10.31249/ling/2025.03.08

Головнёва Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии Государственного университета просвещения; golovnyova@mail.ru

Golovnyova Yu.V.*

SEMANTIC CLUSTERS OF METAPHORS IN THE LITERARY TEXT

Abstract. The article deals with such a phenomenon of text linguistics as the semantic cluster of metaphors which we define as a linear sequence of metaphors with one and the same target domain, but different source domains. Semantic clusters of metaphors are analysed in the literary text. Functioning within a topical unit of language (a dicteme or a supra-dicteme), semantic clusters of metaphors develop its topic. The semantic cluster of metaphors is argued to differ both from an extended metaphor and from a sequence of metaphors with different target domains.

Keywords: metaphor; semantic cluster of metaphors; extended metaphor; dicteme; supra-dicteme; text; text linguistics.

For citation: Golovnyova Yu.V. Semantic Clusters of Metaphors in the Literary Text // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2025. № 3. P. 106–118. DOI: 10.31249/ling/2025.03.08

Введение

Метафора как языковое явление становится объектом исследования междисциплинарной научной области – метафорологии, или теории метафоры. Метафорология изучает метафору с позиций смежных гуманитарных наук: лингвистики, философии, логики, психологии и психолингвистики, культурологии и лингвокультурологии и других; при этом «зарубежная метафорология активнее развивается в логико-философском и когнитивно-психологическом направлениях, а отечественная – в лингвистическом» [Лагута, 2003, с. 30]. В метафорологии выделяют и частные отрасли – например, политическую [Будаев, 2010] или педагогическую метафорологию [Чудинов, 2014].

Следует отметить, что метафорология была определена как отдельная область знания с позиций когнитивной лингвистики; метафора при этом понимается как «перенос когнитивной струк-

* Golovnyova Yu.V., Candidate of Philology, Associate Professor of the English Philology Chair, the State University of Education; golovnyova@mail.ru

туры, прототипически связанной с некоторым языковым выражением, из той содержательной области, к которой она исконно принадлежит, в другую область» [Кобозева, 2002, с. 189]; первую область, вслед за основоположниками когнитивной теории метафоры Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, называют областью-источником (source domain), вторую – областью-целью (target domain) [Lakoff, Johnson, 1980]. Из определения следует, что данное понимание метафоры охватывает также сравнение, метафорический эпитет, олицетворение и ряд других традиционно выделяемых стилистических приемов. Метафора в таком широком понимании является по сути своей не украшением речи (это лишь частный случай, представленный индивидуально-авторскими метафорами), а элементом мышления, одной из основных умственных операций, задающих наши представления о мире: «большая часть нашей обыденной концептуальной системы метафорична по своей природе» ([Lakoff, Johnson,1980, p. 4], перевод наш. – *Ю. Г.*).

Тем не менее исследованию грамматической стороны метафоры, метафоры как элемента синтаксиса текста посвящена лишь относительно небольшая доля работ по теории метафоры. В монографии Г.Н. Скляревской «Метафора в системе языка» среди одиннадцати направлений теории метафоры с синтаксисом связано только одно, которое автор называет «собственно лингвистическим» [Скляревская, 1993, с. 6–10]. С тех пор соотношение работ в области грамматики метафоры и работ по теории метафоры в целом не очень изменилось. Как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике преобладают исследования лексикологических аспектов метафорики. К ним во многом сводятся и корпусные исследования метафорических контекстов [Баранов, 2014; Zinken, 2004], и лингвокультурологическое направление отечественной лингвистики – многочисленные работы, посвященные роли метафор в формировании конкретных концептов либо концептуальных областей и через них – картины мира носителя языка (назовем несколько работ разных лет: [Белютин, 2005]; [Резанова, Абрамова, 2014]; [Галиева, 2020]; [Чупрякова и др., 2024]); также составляются словари метафорических моделей (см., например: [Шиманская]). В русле когнитивистики ведутся исследования идентификации[1]

[1] М. Лезенберг называет проблему распознавания (recognition) центральной для прагматического подхода к метафоре и ряда семантических подходов [Leezenberg, 1995, p. 103]. Другой вариант названия этой проблемы – MIP, Metaphor Identification Problem – приводится в известной работе [Praglejaz Group,

метафоры, ее осмысления как ментальной операции [Boyd, 1993; Glucksberg, 1993; Pragglejaz Group, 2007; Steen, 2017 и др.], выявляются регулярные метафорические переносы (см.: [Скребцова, 2011, с. 72]) – при этом с концептуальной системой сопоставляются также прежде всего лексикологические аспекты языковой системы. Вместе с тем заслуживают внимания и синтаксические особенности метафоры – ее функционирование в тексте.

Основная часть

Данная работа основывается на теории языковых единиц и языковых уровней по М.Я. Блоху [Блох, 2016, с. 62–75], в которой за основную единицу текста принимается диктема – одно или несколько предложений, объединенных общей темой [там же, с. 73]. Метафора рассматривается как языковая модель, функционирующая в тексте на различных уровнях и полнее всего проявляющаяся на уровне тематической (топикальной) единицы текста – обычно это диктема или несколько диктем, следующие друг за другом и тоже объединенные более крупной темой (их именуют гипердиктемой, supra-dicteme). Статья посвящена такой особенности употребления метафор в тексте, как их **смысловое сцепление** – объединение двух или более метафор в их линейной последовательности таким образом, что несколько метафор обладают одной и той же областью-целью, но различными источниками.

Смысловые сцепления метафор были обнаружены нами в выборке метафор внутреннего мира человека из художественной прозы XX вв. на английском языке. В качестве минимального метафорического контекста (микроконтекста) была выбрана диктема или ее часть – одно или несколько предложений.

Приведем примеры смысловых сцеплений метафор, обозначая латинскими буквами отдельные метафоры внутри каждого микроконтекста.

(1) *"…And it was indeed remarkable. Something had happened. Even though the people in the walls of the room had barely moved, and nothing had really been settled, you had the impression that (a)* ***someone had turned on a washing-machine or sucked you up in a gigantic vacuum****. (b) You* ***drowned in music and pure cacophony****. He*

2007], где предлагается пошаговая процедура идентификации слова как употребленного метафорически или не метафорически по его контекстному значению. – *Прим. авт.*

came out of the room sweating and on the point of collapse" (Bradbury, "Fahrenheit 451").

Единая область-цель метафор (1a) и (1b) – негативное чувство (в данном метафорическом контексте не называемое прямо), которое можно условно определить как ощущение дисгармонии. Это сложное чувство, испытываемое персонажем, трудно поддается описанию в однозначных выражениях и именно поэтому выражено метафорически. Область-источник метафоры (1a) – бытовая техника (*a washing-machine / to turn on*, *a gigantic vacuum / to suck you up*). Область-источник метафоры (1b) – природные стихии (*water / to drown*).

(2) *"**My memories** (a) **stood*** **in orderly arrays, like troops at a royal salute**. **At a single order,** I could **make any** ***one of them step forward.*** *I realized the truth of the statement that everything that has happened to us is carefully stored in the memory. Memories of my earliest childhood were as accessible as memories of yesterday. What is more, memories of previous lives were now connected in a continuous sequence with memories of my present life"; (b) "**My mind was like a completely calm sea, that reflects the sky like a mirror, and whose water is so clear that the bottom is as visible as the surface.** I understand what Jacob Boehme meant when he talked of a **"sabbath of the spirit"**".* (Wilson, "The Mind Parasites").

В примере (2) в метафоре (a) область-источник – войска на параде, область-цель – множество воспоминаний, доступных в любой момент из-за необычайного спокойствия сознания (именно так, а не просто «воспоминания» или «спокойствие» отдельно, – метафора служит вовлечению в фокус внимания именно этого сложного *соотношения между доступностью воспоминаний и полным спокойствием*); в метафоре (b) та же область-цель, с несколько бóльшим акцентом на спокойствии, сочетается с новой областью-источником – это полностью спокойное и оттого прозрачное море. Развернутая метафора войск на параде сменяется метафорой спокойного моря; вместе они вернее, чем каждая в отдельности, передают необыкновенно спокойное состояние рассказчика, в котором ему любое воспоминание гораздо более доступно, чем в привычном человеку состоянии напряжения, некоего легкого фонового раздражения. Третья метафора в этом сцеплении, цитируемая из Якоба Бёме, подводит итог; ее область-источник – суббота как день воздержания от работы в иудаизме, а область-цель имплицитна, скрыта, но из контекста ясно, что это возвышенное состояние полного покоя – т.е. в свернутом виде то

же самое, что и область-цель метафор (2a) и (2b). Без первых двух метафор, возможно, читателю было бы непонятно, что именно для рассказчика значат слова философа «субботний день духа».

Метафоры в тематической единице текста могут объединяться друг с другом и прямо противоположным образом – у них может быть общая область-источник, но разные области-цели. Рассмотрим пример из «Метафор, которыми мы живем», т.к. в нашей выборке из художественной литературы подобных примеров нет:

(3) *Various kinds of states may also be conceptualized as containers. Thus we have examples like these:*

He's ***in*** *love*[1].

We're ***out of*** *trouble now.*

He's ***coming out of*** *the coma.*

I'm ***slowly getting into*** *shape.*

He ***entered*** *a state of euphoria.*

He ***fell into*** *a depression.*

He finally ***emerged from*** *the catatonic state he had been* ***in*** *since the end of finals week* [Lakoff, Johnson, 1980, p. 31–32].

В примере (3) у всех поставленных друг за другом метафор общий источник – «вместилище», о чем прямо говорится в первом предложении, задающем тему; в то же время области-цели у всех этих метафор различны: это этапы переживания различных состояний, прежде всего психических (в списке состояний присутствуют также *trouble* – стечение внешних обстоятельств – и *shape* – физическая форма). Такие сцепления метафор не объединены общим смыслом, но характеризуют похожий способ высказывания о разных предметах, т.е. **их функция – метаязыковая**. Они, как приведенный пример, чаще встречаются в научной литературе; такое перечисление возможно и в художественной литературе, и как часть повседневной речи – например, если бы персонаж или участник реального речевого общения стал размышлять о том, «как говорят».

Подчеркнем, что перечисление метафор по принципу «одна область-источник, разные области-цели» (как в примере 3) не является **смысловым** сцеплением метафор и не рассматривается в рамках данной статьи далее.

[1] Авторы выделили метафорические обороты курсивом; выделив курсивом всю цитату, продолжим выделять метафоры полужирным шрифтом, как в остальных примерах. – *Ю. Г.*

Смысловые сцепления метафор следует отличать также от развернутой метафоры и от употребления нескольких метафор подряд, не связанных общей областью-целью. Рассмотрим следующий пример:

(4) *"But then* (a) ***it hit me like a fist against the side of my head*** *that I didn't remember what I had to do. It was* (b) ***as if*** *I* ***had been looking at the whole thing clearly on the blackboard of*** *my mind, but when I* ***turned to read it, part of it had been erased and the rest didn't make sense****. At first, I refused to believe it. I went through the cards in a panic… […] And I couldn't do it. I couldn't remember what I had to say.* ***All missing****"* (Keyes, "Flowers for Algernon").

В примере (4) область-цель первой метафоры (a) – ужас персонажа от осознания, что память уже не служит ему как следует, а область-цель второй (b), более развернутой, – само расстройство памяти, его особенности. Таким образом, (a) и (b) – это две отдельные метафоры, не образующие сцепления, хоть они и описывают общую ситуацию. В развернутой метафоре (b) множественные метафорические словоупотребления – ***the blackboard of my mind, part of it had been erased, the rest didn't make sense***, – относятся к одной области-источнику *blackboard*, т.е. тоже нельзя сказать, что это сцепление метафор.

Смысловые сцепления метафор могут выполнять различные **коммуникативные задачи**. В монологической речи смысловые сцепления метафор, как правило, заключены в рамки одной диктемы, реже – в нескольких диктемах подряд; в диалогах они могут встречаться как в одной длинной реплике, так и в двух или нескольких репликах подряд. Так или иначе, реализуясь в топикальной единице текста, смысловые сцепления метафор участвуют в развитии ее темы: их коммуникативной задачей является **либо продолжение темы высказывания, либо ее изменение.** По коммуникативной задаче их можно подразделить на два основных типа.

Первый тип – продолжение темы высказывания – связан с **разъяснением или уточнением** одной метафоры с помощью другой или нескольких других:

(5) *"He felt (a)* ***as if he had left a stage behind and many actors****. He felt (b)* ***as if he had left the great seance and all the murmuring ghosts****. He (c)* ***was moving from an unreality*** *that was frightening* ***into a reality that was unreal*** *because it was new"* (Bradbury, "Fahrenheit 451").

Метафора сцены с актерами сменяется метафорой спиритического сеанса с голосами призраков; затем, казалось бы, о дейст-

вии героя говорится без обиняков – "*He* ***was moving from an unreality****...* ***into a reality that was unreal…****"* – но сам образ движения от нереального к реальному метафоричен.

В примере (5) первые две метафоры (a) и (b) обладают сходной семантической структурой: и в область-источник, и в область-цель обеих метафор входят *деятели* и *место действия*, а также *воспринимающее их сознание*. Как актеры выходят на сцену (ощущения после окончания спектакля – область-источник первой метафоры), как призраки появляются во время спиритического сеанса (ощущение после окончания спиритического сеанса – область-источник второй метафоры), так появляются на больших экранах, занимающих в романе целые стены людских жилищ, персонажи телесериалов, надоевшие герою своей аморфностью, переливанием из пустого в порожнее, отсутствием запоминающихся действий. *Восприятие телесериалов* – область-цель обеих метафор.

Герой романа Брэдбери Гай Монтэг вместо сериалов обращается к настоящей жизни. Метафора (5c), описывающая этот переход, обладает другой структурой, отличающейся от структуры метафор (5a) и (5b): здесь перенос от конкретного к абстрактному осуществляется глаголом *was moving*, в сочетании с которым абстрактные понятия *unreality* и *reality* приобретают метафорическое значение конкретных мест, по которым путешествует Монтэг. Смысловое сцепление образуют первые две метафоры – они характеризуют душевное состояние героя, в то время как область-цель третьей метафоры – действия героя, пусть и в ментальной сфере.

Иной тип смысловых сцеплений метафор – изменение темы высказывания – связан с **противопоставлением** двух метафор с одной и той же областью-целью, но разными областями-источниками. Как в споре должна родиться истина, так в этом противопоставлении выявляются новые свойства объекта, репрезентируемого метафорически, – свойства, не отраженные в первой метафоре.

В следующем примере противопоставлены две метафоры. Традиционной метафоре, воспринимающейся уже как общее место: «ум находится внутри нас, ум – это внутренний мир», персонаж романа К. Уилсона противопоставляет образ индивидуального сознания как небольшого водоворота в океане единого сознания человечества:

(6) *"Mind is* ***not*** *really (a)* ***"inside"*** *us... (b) Our* ***individuality is a kind of eddy in the sea of mind****, a* ***reflection*** *of the total identity of the universal humanity"* (Wilson, "The Mind Parasites").

Область-цель обеих метафор – ум, *mind.* Первая метафора (6a) традиционна, ее область-источник – внутренняя часть некоего материального вместилища. Она подвергается пересмотру, опровержению, на что указывает оборот *"not really"*. Область-источник второй, индивидуально-авторской метафоры (6b) – маленький водоворот в огромном море.

Другой пример описывает спор двух ученых. Здесь общей областью-целью двух противопоставленных метафор становится коэффициент интеллекта, IQ, а области-источники – соответственно, весы в метафоре (7a) и мерный стакан в метафоре (7b):

(7) *"Nemur said it was something that* ***measured*** *how intelligent you were –* ***like a scale in the drugstore weighs pounds****. But Dr. Strauss had a big argument with him and said an I. Q. didn't* ***weigh*** *intelligence at all. He said an I. Q.* ***showed*** *how much intelligence you could get,* ***like the numbers on the outside of a measuring cup.*** *You still had* ***to fill the cup up with stuff****"* (Keyes, "Flowers for Algernon").

В данном случае противопоставление метафоры весов и метафоры мерного стакана позволяет понять разные подходы к определению того, что же на самом деле есть интеллект и как измеряется его уровень.

Если в примере (6) противопоставление двух метафор встречается в монологе рассказчика, то в (7) – в косвенной речи персонажей; оно также может встречаться и в последовательности реплик диалога, переданного прямой речью.

С одной стороны, использование нескольких метафор вместо одной является риторическим приемом, усиливающим эффект высказывания. С другой стороны, кроме риторической функции, у смысловых сцеплений метафор существует особая когнитивная функция. Если все живые или «оживленные» метафоры с помощью своей образности участвуют в формировании системы представлений, то в смысловых сцеплениях метафор эта образность действует с удвоенной силой, и вот почему. За образностью метафоры всегда стоит более или менее трудноопределяемое, но подразумеваемое свойство – «признак, положенный в основу метафорической номинации» [Гак, 1991, с. 139]. Как видно из анализа примеров, две метафоры с общей областью-целью, но разными областями-источниками в сложных случаях позволяют лучше понять или почувствовать этот признак, чем одиночная метафора.

Ср. две метафоры в примере (1), передающие ощущение дисгармонии: сходство ощущения дисгармонии с засасыванием в пылесос или утоплением – в постепенной утрате своего «я», своей идентичности, и это понятнее из двух метафор с разными областями-источниками, чем из одной; аналогично, в примере (2) возможность более быстрого выполнения приказа каждым солдатом, когда войско на параде, а не на войне (2a), и прозрачность моря в состоянии штиля, а не шторма (2b), вернее соотносятся с таким подчеркиваемым ими свойством спокойного сознания, как владение всеми воспоминаниями. Смысловое сцепление метафор способствует лучшему распознаванию и пониманию признаков, положенных в основу метафорической номинации также в примерах (5)-(7): это, соответственно, усталость от восприятия множества чуждых персонажу существ (5), способность находиться в том или ином участке пространства – как у материальных объектов, так и у сознания (6) и предполагаемая возможность измерения – как материальных объектов, так и интеллекта (7).

Заключение

Исследование показало, что смысловые сцепления метафор в топикальной единице текста (диктеме и гипердиктеме) участвуют в развитии ее тематической функции: каждая последующая метафора с той же областью-целью, что у предыдущей, либо продолжает тему предыдущей, либо отрицает ее. Первый тип смысловых сцеплений метафор представляет собой **разъяснение или уточнение**, второй – **противопоставление**. Оба типа смысловых сцеплений метафор встречаются как в монологической, так и в диалогической последовательности. Можно предположить, что относительно большее их количество именно в описаниях внутренней, душевной жизни человека объясняется тем, что здесь, в случае диалога, мнения об объекте описания расходятся чаще, чем при обсуждении видимых материальных объектов, а в случае монолога – трудностью определения многих психических явлений.

Предполагается дальнейшее исследование смысловых сцеплений метафор. Метафоры внутреннего мира человека с их разнообразной и сложной структурой представляют собой богатый материал для выявления других свойств смысловых сцеплений метафор.

Список литературы

Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры. – Москва : Языки славянской культуры, 2014. – 632 с.

Белютин Р. В. Метафорические репрезентации абстрактных концептов «Gedanke» и «Wort» : когнитивный аспект (на материале немецкого языка) : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 – германские языки. – Смоленск, 2005. – 21 с.

Блох М.Я. Теоретические основы грамматики : Учебник. – 5-е изд., испр. и доп. – Дубна : Феникс+, 2016. – 248 с.

Будаев Э.В. Сопоставительная политическая метафорология : дис. … д-ра филол. наук: 10.02.20 – Екатеринбург, 2010. – 474 с.

Гак В.Г. Рецензия : Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). – Москва : Ин-т русского языка РАН, 1991. – 193 с. // Вопросы языкознания. – 1993. – №3. – С. 136–140.

Галиева М.Р. Метафорическая репрезентация концепта СЛОВО в художественном тексте // Иностранные языки в Узбекистане. – 2020. – №2 (31). – С. 118–131.

Кобозева И.М. К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : Труды международного семинара «Диалог'2002» : В 2-х т. / под ред. А.С. Нариньяни. – Москва : Наука, 2002. – Т. 1 : Теоретические проблемы. – С. 188–196.

Лагута О.Н. Метафорология : теоретические аспекты: [В 2 ч.] / Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2003. – Ч. 1. – 114 с.

Резанова З.И., Абрамова А.А. Антропоморфная метафорическая интерпретация концептуальной сферы «средства передвижения» (степень метафоричности концептуальной сферы и продуктивности метафорической модели) // Вестн. Томского. гос. ун-та. Филология. – 2014. – № 3 (29). – С. 60–73.

Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. – СПб. : Наука, 1993. – 156 с.

Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика : Курс лекций. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 256 с.

Чудинов А.П. Современная отечественная педагогическая метафорология // Педагогическое образование в России. – 2014. – № 1. – С. 99–104. [электронный ресурс]. – URL: http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-otechestvennaya-pedagogicheskaya-metaforologiya (дата обращения: 30.09.2024)

Чупрякова О.А., Сафонова С.С., Рахимова Д.И. Метафорические особенности репрезентации концепта ЖЕНЩИНА в мужской картине мира : (на примере афористики XIX-XXI вв.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17, Вып. 3. – С. 930–934.

Шиманская О.Ю. Электронный двуязычный словарь метафор психологической сферы человека [электронный ресурс]. – URL: http://www.dialog-21.ru/dialog 2010/materials/html/84.htm (дата обращения: 30.09.2024)

Boyd R. Metaphor and Theory Change : What Is 'Metaphor' a Metaphor For? // Metaphor and Thought. – Cambridge : Cambridge University Press, 1993. – P. 481–532.

Bradbury R. Fahrenheit 451. Short Stories : Роман. Рассказы. Сборник / сост. Н.М. Пальцев. На англ. яз. – Москва : Радуга, 1983. – 384 с.

Glucksberg S., Keysar B. How metaphors work // Metaphor and thought. – Cambridge : Cambridge University Press, 1993. – P. 401–424.

Keyes D. Flowers for Algernon. – L. : The Orion Publ., 2002. – 217 p.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago : Univ. of Chicago Press. 1980. – 242 p.

Leezenberg M.M. Contexts of Metaphor : Semantic and Contextual Aspects of Figurative Language Interpretation. – Amsterdam : Institute for Logic, Language and Computation, Univ. van Amsterdam, 1995. – 261 p.

Pragglejaz Group. MIP : A Method for Identifying Metaphorically Used Words in Discourse // Metaphor and symbol. – 2007. – 22 (1). – P. 1–39.

Steen G. Deliberate Metaphor Theory : Basic assumptions, main tenets, urgent issues // Intercultural Pragmatics. – 2017. – 14 (1). – P. 1–24.

Wilson C. The Mind Parasites / послесл. В.В. Ивашевой; коммент. Э.М. Медниковой. – Москва : Радуга, 1986. – 331 с.

Zinken J. Metaphor Practices in the German Wende Discourse // Journal of Multilingual a. Multicultural Development. – 2004. – 25 (5 / 6). – S. 424–436.

References

Baranov A.N. *Deskriptornaja teorija metafory* [Descriptor Theory of Metaphor]. Moscow : Languages of Slavic Culture, 2014. 631 p. (In Russian)

Beljutin R.V. *Metaforicheskie reprezentacii abstraktnykh konceptov "Gedanke" i "Wort" : kognitivnyj aspekt (na materiale nemeckogo jazyka) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.04 – germanskie jazyki* [Metaphorical Representation of the abstract concepts "Gedanke" and "Wort" : the cognitive aspect (based on the German language) : an abstract of the candidate thesis in Germanic languages]. Smolensk, 2005. 21 p. (In Russian)

Blokh M.Y. *Teoreticheskie osnovy grammatiki* [Theoretical Grounds of Grammar]. 5th ed., revised and enlarged. Dubna : Feniks+ Publ., 2016. 248 p. (In Russian)

Budaev E.V. *Sopostavitel'naja politicheskaja metaforologija* [Comparative Political Metaphor Theory] : the doctor thesis (Philology). Ekaterinburg, 2010. – 474 p. (In Russian)

Gak V.G. *Recenzija*: Baranov A.N., Karaulov Yu.N. *Russkaja politicheskaja metafora : (materialy k slovarju)* [A Review on : Baranov A.N., Karaulov Yu.N. Russian Political Metaphor : (Material for a Dictionary)]. In : *Voprosy Jazykoznanija* [Issues in the study of language]. 1993. N 3. Pp. 136–140. (In Russian)

Galieva M.R. *Metaforicheskaja reprezentacija koncepta SLOVO v hudozhestvennom tekste* [Metaphorical Representation of the concept "WORD" in the literary text]. In : Inostrannye jazyki v Uzbekistane [Foreign Languages in Uzbekistan]. 2020. 2 (31). Pp. 118–131. (In Russian)

Kobozeva I.M. *K formal'noi reprezentacii metafor v ramkah kognitivnogo podhoda* [To the Formal Representation of Metaphors within the Framework of the Cognitive Approach]. In : Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tekhnologii : Works of the International Seminar «Dialogue'2002» : in 2 vol. / ed. by A.S. Nari'yani. Mos-

cow : Nauka Publ., 2002. Vol. 1 : Teoreticheskie problemy. Pp. 188–196. (In Russian)

Laguta O.N. *Metaforologija : teoreticheskie aspekty* [Metaphorology : Theoretical Aspects] : [in 2 parts] / Novosibirsk State University, Novosibirsk, 2003. Pt 1. 114 p. (In Russian)

Rezanova Z.I., Abramova A.A. *Antropomorfnaja metaforicheskaja interpretacija konceptual'noj sfery "sredstva peredvizhenija" (stepen' metaforichnosti konceptual'noj sfery i produktivnosti metaforicheskoj modeli)* [Anthropomorphic Metaphorical Interpretation of the Conceptual Sphere "Vehicles" (Degree of Metaphoricalness of the Conceptual Sphere and Productivity of This Metaphorical Model)]. In : *Tomsk State University Journal of Philology*. 2014. 3 (29). Pp. 60–73. (In Russian)

Sklyarevskaya G.N. *Metafora v sisteme jazyka* [Metaphor in the Language System]. St. Petersburg : Nauka, 1993. 156 p. (In Russian)

Skrebtsova T.G. *Kognitivnaya lingvistika : kurs lekcij* [Cognitive Linguistics : A Course of Lectures]. St. Petersburg : Philological Faculty of St. Petersburg State Univ., 2011. 256 p. (In Russian)

Chudinov A.P. *Sovremennaja otechestvennaja pedagogicheskaja metaforologija* [Modern Domestic Pedagogical Metaphorology]. In: Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-otechestvennaya-pedagogicheskaya-metaforologiya (accessed: 30.09.2024). (In Russian)

Chupryakova O.A., Safonova S.S., Rakhimova D.I. *Metaforicheskie osobennosti reprezentacii koncepta ZHENSHHINA v muzhskoj kartine mira (na primere aforistiki XIX–XXI vv.)* [Metaphorical Representation of the WOMAN Concept in the Male Worldview (Based on Russian Aphorisms of the 19th-21st Centuries)]. In : *Philology : Theory and Practice.* 2024. Vol. 17, N 3. Pp. 930–934. (In Russian)

Shimanskaya O.Yu. *Elektronnyj dvuyazychnyj slovar' metafor psihologicheskoj sfery cheloveka* [The Electronic Bilingual Dictionary of Metaphors in the Psychological Sphere of Human]. – URL: http://www.dialog-21.ru/dialog2010/materials/html/84.htm (accessed: 30.09.2024). (In Russian)

Boyd R. *Metaphor and Theory Change* : *What Is Metaphor a Metaphor For?* In: Metaphor and Thought. Cambridge : Cambridge University Press, 1993. P. 481–532.

Bradbury R. *Fahrenheit 451. Short Stories*: A novel. Stories / compiled by N.M. Paltsev. Moscow : Raduga Publ., 1983. 384 p.

Glucksberg S., Keysar B. *How metaphors work.* In: *Metaphor and thought*. Cambridge : Cambridge University Press, 1993. Pp. 401–424.

Keyes D. *Flowers for Algernon*. London : The Orion Publ., 2002. 217 p.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by. Chicago* : University of Chicago Press, 1980. 242 p.

Pragglejaz Group. MIP : A Method for Identifying Metaphorically Used Words in Discourse. In: *Metaphor and symbol*. 2007. 22 (1). Pp. 1–39.

Steen G. *Deliberate Metaphor Theory* : *Basic Assumptions, Main Tenets, Urgent Issues.* In: *Intercultural Pragmatics*. 2017. 14 (1). Pp. 1–24.

Wilson C. *The Mind Parasites* / afterword : V.V. Ivasheva; comments: E.M. Mednikova. Moscow : Raduga Publ., 1986. 331 p.

Zinken J. *Metaphor Practices in the German Wende Discourse.* In: *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2004. 25 (5 / 6). Pp. 424–436.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 82.01 DOI: 10.31249/ling/2025.03.09

Гусейнова И.А.[1]

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ: ЕСТЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКИ НА АВТОХТОННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ И ЗА ИХ ПРЕДЕЛАМИ: КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ / отв.ред.: Е.О. ОПАРИНА, М.Б. РАРЕНКО. – М.: ИНИОН РАН, 2024. – 223 с.

Аннотация. В рецензируемой коллективной монографии представлено современное состояние различных естественных языков, которые функционируют в географически разрозненных пространствах. Анализ проводится на материале русского, английского, французского, китайского, немецкого, испанского, португальского, венгерского языков. Особое внимание уделяется социокультурным аспектам, проблемам сохранения миноритарных языков, а также лингвистическому анализу национально-языковых конфликтов.

В книге исследователи останавливаются на актуальных проблемах современной языковой ситуации в мире, которые способны оказать влияние на ценностные системы и ориентации, быт, социокультурные и институциональные отношения. В ряде случаев естественные языки мигрируют вместе с их носителями. В результате такого естественного языкового «номадизма» роль языков и их функции меняются, что нередко приводит к смене лингвистического статуса языка за пределами автохтонной территории. Неизбежным представляется влияние английского, французского,

Гусейнова Иннара Алиевна – доктор филологических наук, профессор кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка, Московский государственный лингвистический университет; guseynova@linguanet.ru

китайского, арабского, испанского, португальского и иных языков институционального общения. Вышеописанное определяет структуру монографии, которая включает введение и заключение, 11 разделов, каждый из которых описывает языковые ситуации, иллюстрируемые примерами из конкретных языков.

Ключевые слова: автохтонная территория; дискурс; мультикультурный ландшафт; этносоциум; заимствование; языковая экономия; вариант языка.

Для цитирования: Гусейнова И.А. Рецензия на монографию: Естественные языки на автохтонных территориях и за их пределами: Коллективная монография / отв. ред. : Е.О. Опарина, М.Б. Раренко. – Москва: ИНИОН РАН, 2024. – 223 с. // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание.* – 2025. – № 3. – С. 119–128. – DOI: 10.31249/ling/2025.03.09

Guseinova I.A.[*]

BOOK REVIEW: NATURAL LANGUAGES IN INDIGENOUS TERRITORIES AND BEYOND: COLLECTIVE MONOGRAPH / ed. by E.O. OPARINA, M.B. RARENKO. – MOSCOW: INION RAN, 2024. – 223 p.

Abstract. The peer-reviewed collective monograph presents the current state of various natural languages that function in geographically disparate spaces. The analysis is based on the material of Russian, English, French, Chinese, German, Spanish, Portuguese, and Hungarian. Special attention is paid to socio-cultural aspects, problems of preserving minority languages, as well as linguistic analysis of national-linguistic conflicts. In the book, the researchers focus on the current problems of the modern linguistic situation in the world, which determine migration processes that can affect value systems and orientations, everyday life, socio-cultural and institutional relations. In some cases, natural languages migrate along with their native speakers. As a result of this natural linguistic "nomadism", the role of languages and their functions change, which often leads to a change in the linguistic status of a language outside the autochthonous territory. The influence of English, French, Chinese, Arabic, Spanish, Portuguese and other languages of institutional communication seems inevitable. The above

[*] Guseynova Innara Alievna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Lexicology and Stylistics of the German Language, Faculty of German, Moscow State Linguistic University; guseynova@linguanet.ru

defines the structure of the monograph, which includesan introduction and conclusion, 11 sections, each of which describes linguistic situations illustrated by examples from specific languages.

Keywords: autochthonous territory; discourse; multicultural landscape; ethnosocium; borrowing; linguistic economy; language variant.

For citation: Guseinova I.A. Book Review : Natural Languages in Indigenous Territories and Beyond : Collective Monograph / ed. by : E.O. Oparina, M.B. Rarenko. – Moscow: INION RAN, 2024. – 223 p. // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2025. N 3. P. 119–129. DOI: 10.31249/ling/2025.03.09

В предлагаемой монографии рассматриваются судьбы естественных языков, преимущественно европейских, как на исконных территориях, так и за их пределами (с. 5). При этом авторский коллектив делает акцент на специфику существования естественных языков за пределами их территорий, учитывая то обстоятельство, что многие из анализируемых языков представлены на географически разрозненных пространствах. Последнее обстоятельство приводит в ряде случаев к формированию национальных вариантов естественных языков.

Первая глава «Языковая ситуация в первые десятилетия XXI в.» (Е.О. Опарина, М.Б. Раренко) носит программный характер и обосновывает актуальность проблематики и необходимость проведения социолингвистических исследований на примере языков автохтонных территорий, шагнувших за их пределы и по этой причине подвергающихся влиянию языков институционального общения. По наблюдениям авторов коллективной монографии, многие отечественные и зарубежные ученые выдвигают пессимистичные прогнозы, которые сводятся к единому мнению о том, что в ближайшем будущем исчезнут от 25 до 90% ныне существующих языков, большинство из которых – бесписьменные и неописанные (с. 9). Отмечается также, что витальность и лингвистический статус языков во многом зависит от геополитического контекста, внешнеполитических факторов, экономического статуса страны и степени внутренней и внешней миграции (см. подробнее с. 13). При рассмотрении статуса языков, выполняющих функцию языка международного общения, подчеркивается, что на постсоветском пространстве в институциональной и академиче-

ской среде русский язык продолжает использоваться в качестве инструмента общения между представителями различных лингвокультур, однако, одновременно также наблюдается тенденция применения английского языка при реализации профессиональной коммуникации в институциональной сфере.

Во второй главе «Английский язык в российском социуме и российском сегменте интернета: наблюдения первой четверти XXI века» (А.Б. Бушев) описываются особенности использования английского языка в институциональной сфере, что иллюстрируется примерами из рекламного дискурса и дискурса СМИ. Несомненный интерес для исследователей представляет систематизированный перечень методов исследования, отвечающий задачам, связанным с наблюдением языка в разных видах пространства. Уточняется также, что популярность английского языка в образовательном пространстве обусловлена тем, что он является в коммерческой сфере «стержнем организационной культуры» (с. 34). Научный и научно-технический дискурс нередко описывается в публичном пространстве при помощи средств английского языка, что также способствует усилению его международной роли. Однако погружение английского языка в виртуальную среду приводит к возникновению особенного социолекта, который носит название WEBLISH. Применительно к русскому языку указанное явление стимулирует его варваризацию на лексическом уровне. Варваризация подкрепляется конкретными аутентичными примерами на русском языке, в т.ч. транслитерированные названия (*ютуб,зум, дискорд)*, кальки (*я не продвинутая*), профессиональное просторечье компьютерщиков (*захожу на ютуб, забить в поиск*) и другие. Ученые делают справедливый вывод о том, что «норма автохтонного языка при контактах с глобализованным английским характеризуется крайней динамичностью» (с. 36).

В третьей главе «Мультикультурный мегаполис современности» (Е.А. Казак) освещается мультикультурный ландшафт современного мегаполиса на примере Лондона, что приводит к возникновению и распространению особого социолекта, служащего средством общения между представителями различных этносоциумов, формирующих миграционную карту города. Итак, изменения языкового ландшафта городов породило «мультиэтнолекты» (multiethnolects) (с. 63), носителями которых нередко выступают представители разных миграционных потоков, характеризующихся параметрами множественности и гетерогенности. Одновременно отмечается динамический характер миграционных потоков, а

также их этнокультурный состав. Лондон, как яркий пример «этнически смешанного климата» (с. 68) демонстрирует также наличие «панэтнических речевых норм», неизбежно возникающих между разными поколениями мигрантов. Отмечается возникновение мультиэтнолекта, который в предметно-специальной литературе получил название «мультикультурный лондонский английский» (Multicultural London English, MLE) (с. 68), в основе которого лежит кокни – традиционное лондонское просторечие и элементы языков мигрантов из разных стран, преимущественно из стран Карибского бассейна и Африки. Указанные обстоятельства позволяют говорить о так называемом «новом кокни» (с. 68). На основании происходящих изменений в языке, по мнению автора, представляется целесообразным введение в научный дискурс таких понятий, как «социолект», «этнолект» и «мультиэтнолект» (с. 69).

Четвертая глава «Китайский язык как один из коммуникативно мощных языков XXI в.: тенденции и перспективы лексического состава путунхуа» (Е.А. Красикова) посвящена языковой политике Китая, которая способствует его популяризации за пределами этой страны и формирует условия для превращения китайского языка в язык международного общения. В разделе приводятся мнения российских и китайских ученых, касающиеся классификации языков, функционирующих на территории современного Китая.

По мнению китайских ученых, необходимо выделить семь основных диалектных групп: северные диалекты; диалекты У (Шанхай, провинции Цзянсу и Чжэцзян); миньский диалект (преимущественно в провинции Фуцзянь); гуандунский (кантонский) диалект (провинции Гуандун и Гуанси); диалекты Сян (провинция Хунань); Гань, или цзянсийский диалект (провинция Цзянси); диалект Хакка (южные провинции Китая преимущественно анклавного типа, например, в Гуандуне, Гуанси, Фуцзяни и Сычуани) (см. подробнее с. 73).

Обилие диалектов и миноритарных языков не препятствует существованию и повсеместному использованию путунхуа, который играет доминирующую роль в Китае и за его пределами. Вне автохтонных территорий распространению китайского языка способствуют специализированные центры языка и культуры Китая, которые носят название Институтов Конфуция, чья деятельность поддерживается на государственном уровне. Сегодня китайский язык выступает связующим элементом не только в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и в США, Канаде и других странах,

обеспечивая профессиональное взаимодействие разных социальных институтов.

В пятой главе «Французский язык на территории Северной Америки: Исторический, социокультурный и функциональный аспекты» (Е.О. Опарина) рассматривается специфика канадского французского языка, реализуемого в институциональной и бытовой коммуникации. Следует отметить особую позицию французского языка в Канаде, где английский и французский язык являются официальными языками, а в отдельных провинциях, в частности, в Квебеке, охраняются законом. При этом язык, которым пользуются разные группы населения, зачастую выступает в роли критерия «этнокультурной идентичности» (с. 91). На сегодняшний день канадская провинция Квебек является «основным очагом франкофонии Северной Америки и единственным ее регионом, где франкоязычные жители составляют большинство» (с. 93), в других провинциях, прежде всего, в Онтарио развивается ситуация билингвизма, характеризующаяся использованием английского и французского языков, на побережье Ньюфаундленда на базе французского и бретонского языков образовались языки-пиджины. К ним относится франко-бретоно-эскимосский пиджин (с. 98).

Основу **франкофонии на западе Канады**, в провинциях Манитоба, Саскачеван и Альберта, заложили так называемые трапперы – по-французски их называли voyageurs и coureurs de bois, т. е. «путешественники и беглецы в леса» (с. 99). Рассматривая себя как отдельную народность, они разговаривали на французском, а также на языке мичиф (*le mitchif*) (там же). Упомянутый язык сформировался в начале XIX в. на основе индейского языка кри, французского и элементов английского (там же). В Луизиане (США) используются луизианский («колониальный») французский, каджэнский (акадийский) французский и луизианский креольский языки. Название «каджэнский французский» происходит от слов *cajin, cadjin* – местных вариантов названия *acadien* (подробнее см. с. 100). Наиболее приближенным к нормам и стандартам французского языка принято считать канадский французский, который трактуется как *québécois soutenu,* т.е. «обработанный, ухоженный, тщательный язык» (с. 110), используемый в разных институциональных сферах. В бытовой коммуникации предпочтение нередко отдается просторечию – жуалю, который рассматривается как молодежный городской слэнг (см. подробнее с. 108–109).

Шестая глава «Новокаледонский вариант французского языка: предпосылки возникновения и исследовательские перспекти-

вы» (С.С. Галактионов) иллюстрирует особенности новокаледонского французского языка, претендующего на статус варианта французского языка. Новая Каледония представляет собой одну из заморских французских территорий, на которой существует и используется отдельный вариант французского языка (с. 112). Именно с этой территорией связано вошедшее в научное употребление понятие «канак», которое в последнее время употребляется в качестве «обобщающего меланезийского эндоэтнонима» (с. 115). Насчитывается 28 канакских языков Новой Каледонии, которые вступали в контакт с разными языками, в том числе и с французским языком. В зависимости от специфики языка, обусловленного миграционными процессами, в Новой Каледонии возникли разные общины, однако, наиболее многочисленными являются канаки, за ними следуют европейцы и далее люди смешанного происхождения (см. подробнее с. 118). При рассмотрении пестрого языкового ландшафта Новой Каледонии нельзя не отметить влияние также австралийского варианта английского языка. Языковая ситуация свидетельствует о том, что стандартный французский язык выступает в Новой Каледонии как язык институционального взаимодействия и является в этом смысле акролектом, в то время как в бытовых ситуациях предпочтение отдается каледонским акролектам, представляющими собой «устойчивые формы местного французского языка» (с. 120).

В седьмой главе «Немецкий язык в языковом капитале Намибии» (Э.Б. Яковлева) рассматривается актуальный статус немецкого языка на постколониальном пространстве, а также влияние африкаанс на литературный немецкий язык. Отмечается, что в институциональной политике Намибии немецкий язык играет значимую роль на фоне других языков. Намибия является мультиязычным государством, где представлены более 11 национальных языков: «Здесь говорят на индоевропейских (германских) языках, языках банту и койсанских языках» (с. 129). Установлено, что немецкий язык представлен преимущественно в центральной и южной частях Намибии и занимает достойное место между африкаанс и английским языком. Немецкий язык существует в двух вариантах: стандартный (кодифицированный) немецкий (Standardvarietät) и нестандартный разговорный вариант − намибийский немецкий (Umgangsvarietät − Namslang, Namdeutsch) (с. 131). Намибийский немецкий содержит отличия на морфологическом, синтаксическом и лексическом уровнях языка. Исследования разговорного варианта немецкого языка в Намибии – намсленга (Namslang, Namdeutsch) –

свидетельствуют о наличии большого числа заимствований из африкаанс и английского языка. Произносительные нормы намибийского немецкого языка приближены к северно-германским нормам, то есть соответствуют немецкому стандарту. Основные отличия наблюдаются в управлении предлогами, в тенденции употреблять слабые глаголы в качестве сильных и т.п. (см. подробнее с. 134).

В восьмой главе «Англицизмы и псевдоанглицизмы в итальянском языке в XXI веке» (А.И. Назаренко) затрагивается роль англо-американских заимствований в итальянских СМИ. Их увеличение обусловлено разными обстоятельствами, но, прежде всего, тенденцией к языковой экономии. По наблюдениям ученых, в среднем в итальянский язык ежегодно входило от 30 – до 74 англицизмов, однако отмечена также тенденция к избыточному употреблению заимствований в период эпидемии коронавируса. Данная тенденция сохраняется и в настоящее время. Лингвисты выделяют в современном итальянском языке несколько групп заимствований с учетом их функциональной нагруженности. Так, заимствования делятся на: «незаменимые заимствования», укоренившиеся в языке: с*omputer*; «полезные заимствования», т.е. получившие международное распространение иностранные слова и выражения, к которым говорящие легко привыкают, простые в произношении: *autobus*; «избыточные заимствования» – слова и выражения, имеющие итальянские эквиваленты, но насаждаемые СМИ: *ticket* вместо *biglietto* (см. подробнее с. 139–140). Одновременно выделяются разные виды псевдоанглицизмов. Отмечается, что их содержание не соответствует содержанию английских лексем. Приводятся многочисленные языковые примеры, иллюстрирующие тенденцию к избыточному употреблению англицизмов и псевдоанглицизмов в итальянском языке.

Девятая глава «Испанский язык в Мексике» (В.М. Шахназарян) посвящена взаимодействию испанского языка с языком майя, что обеспечивает сохранность культурно-исторического наследия майя и обогащение испанского языка в Мексике, который существует в пределах упомянутой территории в виде «территориальных диалектов» (с. 155). Акцент в исследовании сделан на языковой ситуации на полуострове Юкатан. При этом ключевые выводы основаны на экспериментальной части исследования. Отмечается наличие 16 диалектных зон, а именно: «часть полуострова Юкатан»; «штат Кампече»; «штат Табаско»; «штат Веракруз»; «штат Чиапас»; «зона Тустла-Гутьеррес»; «равнинная и центральная час-

ти штата Оахака»; «центральная равнинная часть страны и г. Мехико»; «север штата Веракруз»; «диалекты северной части равнины»; «переходная зона»; «центральная равнина»; «западные диалекты»; «штат Мичоакан»; «штат Чиауа»; «северо-западные диалекты штатов Синалоа, Сонора» (см. подробнее с. 159–160).

Факторами, оказывающими влияние на испанский язык в Мексике, являются социально-экономический, этнический и территориальный факторы. Приводятся конкретные примеры, иллюстрирующие собственно лексические диалектизмы, а также этнографические и семантические диалектизмы. Отмечены и продемонстрированы примеры расширения лексического значения, сужения лексического значения, полного изменения лексического значения.

В десятой главе «Португальский язык в Латинской Америке» (Р.И. Проклов) освещаются социолингвистические причины возникновения бразильского варианта португальского языка. Подчеркивается динамический аспект языковой ситуации в Бразилии, который обусловлен процессами колонизации и миграции. Отмечается также тенденция исчезновения местных языков. Итак, формирование португальского языка начинается в IX в. на основе луизитанского варианта поздней латыни. Относительно самостоятельный характер язык приобретает в конце XIV в. (с. 173). Основными формами существования португальского языка являются национальные варианты, территориальные диалекты, входящие в диалекты местные говоры, социальные диалекты, литературный язык, или обработанная форма общенародного языка (см. подробнее с. 174–175). Особое место занимает бразильский вариант португальского языка. В Бразилии существует порядка 40 местных языков, еще 9 грозит исчезновение. Отмечается, что «ситуация с местными языками также подвергается изменениям. Языки тупи и гуарани после открытия Бразилии формируют два диалекта – северный и южный» (с. 177). В местные языки стали проникать не только элементы португальского языка, но и африканских языков (банту, йейе, кето и т.д.). Эти обстоятельства положили начало формированию бразильского варианта португальского языка. Последний обогащается за счет разных языков – немецкого, итальянского, русского и других, что обусловлено геополитическими и культурно-историческими факторами, в том числе: появлением общего языка; изданием институциональных актов; получением Бразилией независимости; переходом от диктатуры к демократии и др. Принято выделять пять основных диалектов: северный диалект, северо-восточный диалект, юго-восточный диалект, южный

диалект, западный диалект. В качестве некоторых особенностей бразильского варианта португальского языка можно выделить: значительное количество заимствований из местных языков, наличие реалий из местных языков, упрощение парадигмы лиц глагола и др. (подробнее см. с. 186).

В одиннадцатой главе «Венгерский язык в Венгрии и за ее пределами» (И.Е. Коптелова) раскрывается специфика венгерского языка за пределами автохтонных территорий. Венгерский язык не принадлежит к индоевропейской группе, однако, является одним из самых распространенных языков, представленных не только в Венгрии, но и в Воеводине (Сербия), в трех муниципалитетах Словении, официально признан языком меньшинства или региональным языком в Румынии, Словакии, Украине, Хорватии и Австрии. На нем говорят диаспоры по всему миру, преимущественно в США, Канаде и Израиле (см. подробнее с. 192). Несмотря на то, что в венгерском языке можно выделить 10 диалектов, они не отличаются большими вариациями. Благодаря языковым контактам венгерский язык находится под влиянием словацкого, украинского, русского, сербского, словенского, хорватского, румынского, немецкого языков. Отмечаются также общие древние характеристики с уральскими языками: фиксированное ударение в словах; отсутствие грамматической категории рода и др. (см. подробнее с. 196). Источниками обогащения венгерского языка служили слова из диалектов, древневенгерской литературы, иностранные слова, производные и сложные слова, кальки с иностранных языков (см. подробнее с. 199). Жители соседних с Венгрией государств являются зачастую билингвами. Общение нередко осуществляется с переключением кодов с одного языка на другой.

В заключение делается вывод о сложной языковой ситуации в мире, сложившейся в первые десятилетия XXI в.

Предлагаемая коллективная монография содержит актуальные данные о современном состоянии языков, вариантах некоторых естественных языков, информирует специалистов о тенденциях, происходящих в языках, функционирующих за пределами автохтонных территорий. Книга может быть интересна и полезна специалистам в области социолингвистики, а также ученым, работающим в междисциплинарном русле и использующим результаты исследований из смежных наук. Материалы могут применяться при чтении лекций в рамках курса по общему и сравнительно-типологическому языкознанию, социолингвистике, теории межкультурной коммуникации.

УДК 82.01 DOI: 10.31249/ling/2025.03.10

Германова Н.Н.[1]

РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ: НОВЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ: ОТ ТРАДИЦИОННЫХ ФОРМ ДИАЛЕКТОВ К НОВЫМ РЕАЛИЯМ / отв. ред. В.В. ПОТАПОВ, Е.А. КАЗАК. – МОСКВА: ИНИОН РАН, 2025. – 455 с.

Аннотация. Рецензируемая монография состоит из двух частей, в которые входят 24 главы. Центральное место в работе отведено рассмотрению проблем современного состояния, развития и переформатирования классических представлений в области современного состояния языковой коммуникации. В результате процесса глобализации, централизации и унификации языковых и речевых процессов, началось постепенное исчезновение классических форм диалектов, что привело к появлению новых форм языковой коммуникации с учетом новых информационных технологий.

Ключевые слова: регионализм; диалекты; языковое варьирование; регионолект; мультикультурный диалект; цифровизация; цифровая коммуникация.

Для цитирования: Германова Н.Н. Рецензия на монографию : Новый регионализм : от традиционных форм диалектов к новым реалиям / Отв. ред. В.В. Потапов, Е.А. Казак. – Москва : ИНИОН РАН, 2025. – 455 с. // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание.* – 2025. – № 3. – С. 129–135. – DOI: 10.31249/ling/2025.03.10

Германова Наталия Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного университета; nata-germanova@yandex.ru

Guermanova N.N.*

BOOK REVIEW: NEW REGIONALISM: FROM TRADITIONAL TYPES OF DIALECTS TO NEW REALITIES / ed. by V.V. POTAPOV, E.A. KAZAK. – MOSCOW: INION RAN, 2025. – 455 p.

Abstract. The book under review consists of two parts which include 24 chapters. The central attention is focused on problems of current state, development and reformatting of classical concepts in the field of modern linguistic communication. Due to globalization, centralization and unification of language and speech processes, the gradual disappearance of classical forms of dialects has begun. Thus, these processes lead to the emergence of new types of linguistic communication in the light of new information technologies.

Keywords: Regionalism; dialects; language variation; regiolect; multicultural dialect; digitalization; digital communication.

For citation: Guermanova N. N. Book review : New regionalism : From Traditional Types of Dialects to New Realities / Ed. by V.V Potapov, E.A. Kazak. – Moscow : INION RAN, 2025. – 455 p. // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2025. № 3. P. 130–136. DOI: 10.31249/ling/2025.03.10

Название коллективной монографии «Новый регионализм: от традиционных форм диалектов к новым реалиям» сжато и четко отражает научную программу, объединившую исследователей. В эпоху, когда бытие языка определяется действием таких разнонаправленных процессов, как глобализация и глокализация, интернационализация и нативизация, централизация и регионализация, цифровая трансформация и сопротивление цифровизации, изучение динамически меняющейся картины языкового варьирования приобретает особое значение. Авторы монографии на обширном языковом материале демонстрируют, как в эпоху глобализации и мультикультурализма меняется соотношение и взаимодействие различных форм существования языка, какие новые типы языковых идиомов формируются, как трансформируются традиционные

* Guermanova Natalia Nikolaevna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of General and Comparative Linguistics at Moscow State University; nata-germanova@yandex.ru

диалекты. Особую актуальность монографии придают завершающие разделы, посвященные монокодовой и поликодовой цифровой коммуникации, в которых авторы анализируют влияние новых технологий на развитие и варьирование языка и дискурсивных практик.

Материал, привлекаемый авторами для исследований с применением широкого спектра аналитических методов (методы корпусной лингвистики, статистико-математической обработки данных, лингвистической географии и ареальной лингвистики, перцептивной диалектологии, когнитивной семантики, экспериментальной фонетики, метод герменевтического анализа креолизованных цифровых мем-единиц, SEO-анализ и т.д.) представляет интерес для исследователей целого ряда лингвистических направлений, таких как интернет-лингвистика, прикладная лингвистика, социолингвистика, диалектология, контактная лингвистика и т.п.

Разделы монографии сгруппированы в две части. Первая рассматривает различные типы языкового варьирования, вторая поднимает проблемы интернет-лингвистики в ее связи с происходящими в современном мире языковыми процессами.

Новый регионализм имеет разные проявления, отраженные в первой части монографии: это, с одной стороны, развитие территориально ограниченных языковых идиомов в рамках исконного ареала распространения того или иного языка, а с другой – формирование экстерриториальных вариантов языка. Соответственно, авторы ряда разделов фокусируют внимание на диалектах и социолектах крупных языков на современном этапе или в их исторической динамике (Е.А Галинская, С.В. Князев, С.В. Дьяченко, Т.И. Шевченко, В.М. Алпатов, Цэнд-Аюуш Ганбаатар и др.). Других исследователей привлекают экстерриториальные варианты полиэтнических языков: немецкий язык в Швейцарии (Э.Б. Яковлева) и Намибии (А.В. Анищенко), английский язык в Нигерии (С.С. Галактионов), диалекты испанского языка в Мексике (В.М. Шахназарян, Н.Ф. Михеева).

Следует отметить широкий охват языков и их вариантов, которые анализируются с привлечением явлений различных языковых уровней. Это такие языки, как русский (А.В. Иванов; Е.А. Галинская; И.А. Букринская, О.Е. Кармакова; С.В. Князев, С.В. Дьяченко); чешский (А.И. Изотов), немецкий (В.М. Бухаров; Э.Б. Яковлева); английский (Г.Г. Бондарчук; Т.И. Шевченко; Е.А. Казак; С.С. Галактионов), скотс и гэльский (М.Б. Раренко); таджикский (И.В. Курьянова), японский (В.М. Алпатов), монголь-

ский (Цэнд-Аюуш Ганбаатар), испанский (В.М. Шахназарян; Н.Ф. Михеева), даргинский, татский, осетинский (О.И. Беляев).

Важным для общей концепции монографии является развитие, применительно к материалу русского языка, теории регионолекта как нового объекта социолингвистики (И.А. Букринская, О.Е. Кармакова). По мысли авторов, регионолект, т.е. речь деревенских жителей и жителей малых городов, не имеющих высшего образования, на которую наложили свой отпечаток местные говоры и просторечие, противопоставляется кодифицированному литературному языку, региональному варианту литературного языка и диалектам. В отличие от диалектов, регионолекты более непоследовательны и вариативны в употреблении местных речевых особенностей. Хотя данная трактовка регионолекта, как признают сами авторы, не является общепринятой, дальнейшие исследования в этом направлении представляются весьма перспективными.

На зарубежном материале исследователи отмечают формирование под влиянием социальных и региональных факторов койнезированных идиомов, в качестве примера Е.А. Казак и Т.И. Шевченко рассматривают «эстуарный английский» (Estuary English). Интересно, что одной из причин его популярности является социальная мимикрия – мода на просторечные черты в речи среднего класса. Характерно, что в совсем другом языковом контексте А.И. Изотов также констатирует экспансию чешского обиходно-разговорного койне в сферу употребления литературного языка, а И.В. Курьянова отмечает формирование душанбинского койне, которое, наряду с диалектами, активно используется в разговорной речи. Такого рода примеры свидетельствуют об активных процессах, протекающих в речи жителей современных городов; это обстоятельство приводят к перемещению фокуса исследовательского внимания с собственно географического варьирования на варьирование территориально-социальное.

Еще одним интересным явлением последних десятилетий, отмеченным в монографии, стало формирование мультикультурных диалектов, на которых говорят иммигранты разного этнического происхождения. В Лондоне таким диалектом, объединяющим выходцев с Ямайки, из Западной Африки, Индии, Пакистана и других азиатских стран, стал *Multicultural London English* (см. разделы Е.А. Казак и Т.И. Шевченко). В Берлине аналогичным явлением стал *Kiez*, на котором общаются друг с другом молодые люди, родными языками которых являются турецкий, арабский, курдский, русский, немецкий (см. раздел В.М. Бухарова).

Однако в определенных социокультурных условиях в современном мире сохраняются и традиционные диалекты. Так, В.М. Алпатов отмечает достаточно прочные позиции японских диалектов, которые рассматриваются в Японии как национальное достояние и, как таковое, находят место в СМИ и даже школьном образовании. Яркие диалектные различия, которые касаются не только языковых, но и функционально-прагматических особенностей речи, отмечает в таджикском языке Н.В. Курьянова; о сохраняющемся и в наше время диалектном членении кавказских языков пишет О.И. Беляев.

Как следует из представленных в монографии исследований, актуальным для изучения регионального варьирования языков остается вопрос о статусе, границах и соотношении в рамках социально-коммуникативной системы различных языковых идиомов: применительно к языкам Европы (Е.О. Опарина) и Северного Кавказа (О.И. Беляев) встает вопрос о разграничении миноритарных языков и диалектов; для описания языковой ситуации в Чехии, Моравии и Силезии актуально выяснение отношений между обиходно-разговорным койне и чешским литературным языком (по мнению А.И. Изотова, в данном случае следует говорить о диглоссной языковой ситуации с тенденцией перехода в постдиглоссную), изучение английского языка Нигерии требует как уточнения границ между его различными социальными подвидами, так и проведения четкой разграничительной черты между нигерийским английским как одним из *World Englishes* и нигерийским пиджином (С.С. Галактионов), анализ языковой ситуации в Шотландии подразумевает установление границ между скотс и местным вариантом английского языка (Т.Б. Раренко).

Решение этих вопросов осложняется применением различных критериев разграничения языков и диалектов (Е.О. Опарина), особенностями языковой политики (О.И. Беляев), вариативностью терминологии (А.И. Изотов). Последнее обстоятельство диктует необходимость анализа сложившихся в различных национальных лингвистических традициях терминосистем. В этом плане отметим детальный анализ истории русского термина «диалект» А.В. Ивановым, обзор различных интерпретаций термина «регионолект» И.А. Букринской и О.Е. Кармаковой, а также подробный очерк развития немецкой диалектологии в разделе В.М. Бухарова.

Вторая часть монографии посвящена изучению вариативности дискурсивных практик Интернета (Р.К. Потапова, В.В. Потапов; Г.Е. Кедрова; С. А. Кучина; О.И. Максименко, М.В. Беляков).

Новаторский подход отмечает раздел, написанный Р.К. Потаповой и В.В. Потаповым, освещающий проблемы межнационального мем-чаттинга в трех территориально различающихся сегментах интернета: русскоязычном, англо-американоязычном и немецкоязычном. Авторы вводят новый термин «мемолект» и разрабатывают для его анализа комплексную методику герменевтического анализа креолизованных цифровых мем-единиц с учетом специфики дискурсивного и сюжетно-композиционного уровней. Исследование проводится на внушительном эмпирическом материале (составленный ими корпус данных содержит 5 млн единиц), что потребовало разработки специального программного обеспечения с учетом опыта применения облачных технологий для хранения полученных баз данных. Сравнение национальных особенностей мем-чаттинга позволило авторам выявить тематические предпочтения, а также различия в соотношении поликодовых и монокодовых способов передачи информации в русскоязычном, англо-американоязычном и немецкоязычном сегментах интернета и продемонстрировать эмоциогенную природу мемов, которые часто выступают в качестве эмоционального триггера.

Другие разделы второй части монографии затрагивают такие актуальные проблемы, связанные с функционированием языков в пространстве интернета, как жанровое, функциональное и собственно языковое разнообразие интернет-коммуникации.

Г.Е. Кедрова поднимает вопрос о «цифровой смерти» и перспективах «цифрового возрождения» диалектов и языков, находящихся под угрозой исчезновения. Как отмечает автор, перед миноритарными языками остро стоит проблема масштабной оцифровки и компьютерной репрезентации их лингвистических ресурсов; серьезным препятствием является «техно-лингвистическая предвзятость», т.е. неравномерное представление, интерпретация и обработка контента на разных языках, заставляющая носителей миноритарных языков упрощать или адаптировать свое общение и пользоваться неточными переводами, генерируемыми системами автоматического перевода.

С.А. Кучина рассматривает феномен электронного художественного текста (ЭХТ) на русском и английском языках. Она подчеркивает семиотически комплексный характер этих креолизованных текстов, что выводит художественный текст за рамки вербальной структуры и требует особых подходов к его интерпретации. В рамках предложенного в данном разделе исторического очерка автор демонстрирует значение смены поколений про-

граммных сервисов для расширения гипертекстуальных возможностей и появления новых жанров и типов ЭХТ. Несомненный интерес для читателей представляет предложенный автором анализ различных теорий мультимодальности (перцептивно-аналитическое и структурно-функциональное направления, изучение социокультурного контекста, идейно-тематических установок автора и интерпретативных тактик читателя и т.п.).

О.И. Максименко и М.В. Беляков анализируют состояние цифровой дипломатии как современной формы осуществления дипломатической коммуникации. Отмечая, что в настоящее время открытый профессиональный дипломатический дискурс часто опосредован электронной цифровой средой, авторы выделяют его коммуникационные типы, зависящие от характера канала коммуникации, и специфические коммуникативные стратегии (информационные, оценочные и аргументативные). Справедливо утверждая, что масштаб цифровой дипломатии таков, что проводить лингвистические исследования с использованием привычных методов лингвистического анализа не всегда является эффективным, О.И. Максименко и М.В. Беляков анализируют перспективы использования формализованных компьютерных средств анализа. На конкретном текстовом материале они сравнивают возможности компьютерных пакетов автоматизированной обработки текста, таких как пакеты SEO-анализа и корпус-менеджеры, для анализа представленных в сети интернет текстов открытого профессионального дипломатического дискурса, выявляя как их сильные, так и слабые стороны.

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал

Серия 6

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2025 № 3

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор А.А. Клёцкина

Подписано к печати 09.12.2025

Печать офсетная
Усл. печ. л. 8,75
Тираж 800 экз.

Цена свободная
Уч.-изд. л. 7,4
Заказ №

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
http://inion.ru

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: 8(499) 124-32-15
e-mail: izdat@inion.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, к. 6